ISSN 2658-7920

ВЕСИ

№ 6, 2021

С.Кислицкий «Тагильский мотив». *1999 год.*

С.Кислицкий «Мелодия. Фиалки». *2020 год.*

СЕРГЕЙ КИСЛИЦКИЙ: ГАРМОНИЯ В КАМНЕ

Сергей Антонович Кислицкий – нижнетагильский мастер флорентийской мозаики. Родился 22 мая 1957 года в селе Прутовка Довбышевского района Житомирской области. В школьные годы жил в Казахстане в Кокчетавской области. В 1981 году окончил Уральское училище прикладного искусства по специальности «Художественная обработка камня» (г. Нижний Тагил). В 1995 году продолжил образование на художественно-графическом факультете Нижнетагильского государственного педагогического института, который окончил в 2000 году.

Жажда творчества предопределила дальнейшую судьбу художника, обратившегося к созданию монументальных мозаичных панно из природного камня. Постепенно сформировалась и творческая манера с присущей ей графичностью, линейностью и плоскостностью. Тонко чувствуя текстуру камня, камнерез подбирает его по рисунку, органично встраивая каждый кусочек в общее колористическое и композиционное решение. Прекрасно владея техникой флорентийской мозаики, Сергей Кислицкий усовершенствовал ее своими авторскими наработками, изменившими процесс, качество и скорость работы: на первом этапе – прямой сухой набор, затем – обратный (склеивание) и наконец – чистовая обработка лицевой поверхности. Для стыка отдельных деталей автор делает ровные края, в отличие от других мастеров, которые используют «волнистый» контур в склеивании фрагментов для плавного перехода разных по цвету камней. Так из крупных геометрических пластин создаются лирические пейзажи и натюрморты, анималистические композиции.

Помимо творческой деятельности Сергей Антонович еще преподает камнерезное искусство в Детской художественной школе № 2 в Нижнем Тагиле, передавая детям любовь к уральскому камню и секреты мозаичного мастерства. Многие из его учеников неоднократно были отмечены наградами и поступили в высшие художественные учебные заведения Екатеринбурга, Санкт-Петербурга и Москвы. В 2017 г. он стал членом Творческого союза художников декоративно-прикладного искусства.

Произведения С.А.Кислицкого хранятся в государственных музеях Нижнего Тагила и Екатеринбурга, а мозаичные панно на сегодняшний день украшают интерьеры общественных зданий Нижнего Тагила.

Работы Кислицкого – это феерия природной красоты и красок, неповторимость каждого камня, авторское чувство цвета и стиля в составлении композиций, а также знание секретов камнерезного мастерства по обработке, стыковке форм и кусков по размеру, текстуре, рисунку, и наконец, – это удивительный и гармоничный мир каменных картин.

Ирина Зябликова-Исакова,
искусствовед

Участие в выставках
(городских, региональных, всероссийских):

1998–2009, «Камнерезное и ювелирное искусство Урала», ЕМИИ, Екатеринбург;

2005–2007, «Весна Пасхальная», Областная выставка изобразительного искусства, г. Новоуральск;

2006, 2018–2020, традиционный региональный конкурс ювелирного, камнерезного и гранильного искусства им. А.К.Денисова-Уральского «Металл, камень, идея», МИКЮИ, Екатеринбург;

2014–2015, 2017–2018, «Уралграфо» II и III открытый Всероссийский биеннале-фестиваль графики, Екатеринбург;

2019, Межрегиональная выставка-конкурс современного ювелирного и камнерезного искусства, биеннале «Золотое сечение», Нижний Тагил;

2019, III Межрегиональная триеннале современного изобразительного искусства, г. Магнитогорск;

2020, Межрегиональная художественная выставка «Форма 2.0. Декоративное искусство», Новокузнецк.

Персональные выставки:

2007, к 50-летию, ДХШ № 2, Нижний Тагил;

2019, «Мир вокруг нас», музей УВЗ, Нижний Тагил;

2020, «Каменный цветок», музей «Истории и развития образования района», Нижний Тагил;

2021, «Гармония в камне», резиденция Губернатора Свердловской области, Екатеринбург.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51).

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

На обложке: мозаика С.Кислицкого.
Выпущено в свет 30.08.2021 г.

Отпечатан в АО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Заказ № 1300.

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

В одной притче рассказывается о том, как некий народ во время долгой засухи пришел просить Бога послать им дождь. А Бог не послал. Потому что ни один человек не взял с собой зонтик.

Что же получается: никто из них не верил, что Бог исполнит их просьбу, и дождь пойдет?.. А если не верил, значит, их молитва была неискренняя?.. Ну, попросили, а там – как получится... А зачем просили, если не верили, что чудо произойдет.

Можно с разных сторон рассматривать смыслы этой притчи, называя различные причины: что вера их была неистинная, что у Бога мысли свои, и он не обязан исполнять любое желание каждого человека, что просьбу они сформулировали некорректно, что им вообще было не очень-то и надо то, что они просили. И каждую из этих причин можно развивать и обсуждать. Но интересен мне другой аспект. И он более актуален, когда человек просит что-то для себя, независящее от погодных условий.

Очень многие, например, просят денег побольше. Но ведь из небесной канцелярии купюры не пошлешь и на карточку не перечислишь, поэтому на такую просьбу одним дается работа, другим – возможности, третьим – путь. А в итоге получаются деньги. Главное – это понять! И тогда человек сам достигнет своей цели.

Вообще, насколько это важно – самому вложиться в то, что ты просишь у Бога?

Опять же, например, придет тебе озарение – как роман или живописное полотно, а ты писать не умеешь, кисть в руках не держал – какой смысл давать тебе то, что ты не сможешь взять... Или формулу пошлет тебе уникальную, а может – целую систему. Но чтобы ее открыть миру, необходимо самому ее понимать!

Вот и получается, что до тех пор, пока сам в поте лица не поработаешь, перехода количества твоей работы в новое качество не произойдет.

Конечно, чудеса случаются, как, например, всего одна песня, написанная не музыкантом, но ставшая известной во всем мире. Это действительно чудо!

Мне кажется, чтобы чудеса происходили, в них обязательно надо верить всей душой и стремиться к ним всеми своими возможными и невозможными силами.

Татьяна Богина,
главный редактор

ВЕСИ

№ 6 (174)` 2021
июль-август

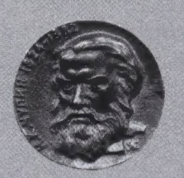
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

Журнал удостоен медалей

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

РБА

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Российской библиотечной ассоциации и Российского представительства TICCIH.

Международный Комитет по Сохранению Индустриального Наследия. Российское представительство.

По вопросам подписки обращаться в филиалы Урал-Пресс.
Журнал «ВЕСИ» в каталоге Урал-Пресс 2021 для всех регионов России под № ВН099788
Контакты филиалов Урал-Пресс
на сайте http://www.ural-press.ru/
Зарубежным подписчикам обращаться в филиал Урал-Пресс
в Москве:
+7(495)961-23-62 общий или Отдел Оптовых продаж.

РАССКАЗЫ

Сергей ПШЕНИЧНИКОВ

Родился в Сибири,
в Новокузнецке.
По национальности – шорец.
После окончания школы
поступил в высшее военное
училище.
Сейчас – военный пенсионер.
Живет в Минске
(Республика Беларусь).

ДЕД И ВНУК, ОТЕЦ И СЫН

Вовка деда любил. Осенью, когда подходила пора отъезда в интернат на учебу, внук капризничал и даже плакал, так не хотелось ему расставаться с дедом. И там, в интернате, когда временами такая наваливалась тоска – хоть плачь, он вспоминал деда. Тоска от этого только усиливалась, но он не плакал – засмеют, это дома можно, там все свои, а тут – все чужие. Но прошлогодней осенью дед сказал просто и доходчиво: «Вот, Вовка, ты уже большой – меня перерос, в седьмой класс пойдешь. Почти взрослый». Так что плакала при расставании одна только мать, но она же женщина.

Уже в интернате Вовка сам убедился в дедовой правоте – он по росту стал самым высоким в классе. Девчонки также стали немного другие, более фигуристые. Но не все. И Маринка стала другой, и смотрел он на нее уже тоже по-другому. Про нее он деду не рассказал, хотя тот интересовался. Сначала он спросил про жизнь в интернате – и Вовка всё рассказал, как кормят, как учат, с кем дружит. Про строгую «классную», как она их гоняет и ругает, всё-всё. А когда дед спросил про девчонок, нравится ли ему кто-то из класса, внук только фыркнул: «Еще чего!»

Они тогда хорошо поговорили. Пошли на рыбалку с ночевкой и после ухи, уже в поздний вечерний час, когда спать еще рано, а все дела уже переделаны, то наступает чудесная пора – время отдыха у костра.

Хоть и был конец лета, но неожиданно пришли ранние холода. Вечер был прохладный и тихий. Казалось, что вся природа удивленно замерла, пораженная этим внезапным ранним похолоданием. Ветер куда-то умчался и унес с собой все таежные звуки. Немой стеной подпирали темнеющее небо громадины кедров, а на каменных перекатах стремительной реки пропало ее вечное журчание. Укрывшееся за горами солнце оставило за себя малиновое пламя заката, тихо крадущуюся пелену тишины и чарующую магию безмолвия. В уставшем за день мире наступила хрупкая, робкая и потому недолгая гармония покоя. От костра вверх поднимался дым, а по земле разливалось ровное, приятное тепло. Дед и внук молчали. Но короток был час умиротворения.

Дед стал расспрашивать, а внук рассказывать. Говорили долго, а уже в конце беседы дед грустно вздохнул: «Вот, прошу у Бога еще два-три года жизни. Умру, как вы без меня будете?» И дед рассказал про смерть, объяснил, что охотники-шорцы не умирают. Просто их души покидают тело и уходят на охоту в волшебную тайгу. А там так хорошо, что они в ней так и остаются. И Вовка впервые задумался, а какая же будет жизнь без деда. Ведь он всё знает и умеет. Летом ловит рыбу, зимой охотится. Плашками ловит белок, делает чучело – стоит зверек на задних лапках, а в передних держит мешочек с кедровыми орешками. Мать на мешочке вышивает: «С Новым годом» и возит таких белок в город к Вовкиному отцу, на продажу. Отец у Вовки служит в колонии и ждет квартиру. Еще дед умеет ставить капканы на лисиц, петли на зайцев и глухарей.

Да он много чего умеет: в дождь костер разжечь с одной спички, сделать блесну для ловли тайменя, лыжи камусом подбить, на реке рыбное место найти. И учит этому внука. Научил Вовку играть в шашки, и они летними вечерами азартно сражались.

Дед интересно рассказывает сказки и про то, как шорцы жили раньше и как теперь живут. Про войну, он же чуть в танке не сгорел в городе Праге. Там один волосатый «контрик» бутылкой с бензином их танк поджег. Дед и медаль показывал «За боевые заслуги»,

и шрамы от ожогов. Вот почему, когда в интернате дали задание написать про героя войны с немцами – Вовка написал про деда. Но «классная» сказала, что не мог его дед воевать – он пятидесятого года рождения.

А накануне этого, на чемпионате интерната по шашкам, где Вовка дошел до финала, также нехорошо вышло. В игре за первое место Вовка применил дедову военную хитрость – незаметно стянул с доски одну из шашек соперника. Он и раньше так иногда делал. И никто не замечал. Но тут, главный судья этот хитрый Вовкин ход увидел. И развыступался. Снял Вовку с соревнований и посоветовал: «Вот и играй со своим хитромудрым дедушкой в своей деревне. Но сначала письмо напиши. Как у Чехова – на деревню дедушке, Константин Макарычу. Тоже нашелся мне Ванька Жуков». Вовка вначале ничего не понял. Это уже потом, в умывальнике Маринка рассказала ему про писателя Чехова и про его произведение. Она ему помогала кровь из носа остановить и вообще – прийти в себя после драки с Валеркой. Тот дразнить стал Вовку, обзываться. А о деде вообще матом сказал. Ну, и получил за это. Вовке, правда, тоже досталось. Просто Вовка деда любил и в обиду его никому не давал.

К отцу каждое лето сын ездил в гости во время летних каникул. В разное время, так как отец жил в комнате вдвоем с таким же сотрудником колонии. Тот летом уходил в отпуск и уезжал, а на его место приезжал жить Вовка. Отец дежурил по графику, по 12 часов: день, ночь, отсыпной, выходной. И в выходные дни они с отцом ходили по городу. Заходили в кафе и ели мороженое, шли в городской парк к аттракционам или смотрели кино в кинотеатре. С отцом было хорошо. Вовка знал, что в обиду отец его не даст. Однажды в фойе кинотеатра, когда сын остался один, а отец курил на улице, к Вовке подошли три пацана постарше и потребовали денег. А когда он им отказал, они обозвали его «шорской мордой» и стали умело и безжалостно лупить прямо в фойе. Отец чуть опоздал, но быстро с ними разобрался. Хотя их было трое и ростом они были не меньше его. «Я с зеками работаю и драться умею. Нас этому учат», – просто объяснил он Вовке.

Вовка деда любил, но ранней весной, не дождавшись внука из интерната, дед умер. Похороны прошли тихо, мертвого деда внук не видел и потому считал, что дед просто ушел на охоту в волшебную тайгу. Как и обещал. Ушел безвозвратно.

Летом уже отец приехал к Вовке в отпуск на неделю. И они всю неделю готовились к зиме – заготовляли дрова, утепляли дом и ремонтировали подвал. Потом отец уехал, но пообещал приехать осенью. На охоту.

На зиму необходимо было заготовить мясо. Лучше всего – добыть лося. Свой отъезд в интернат уже в восьмой класс Вовка отложил на месяц. Дед из волшебной тайги уже не вернется, а оставлять мать с надеждой на магазин он просто не мог. Слаба была надежда на магазин – зимние обильные снегопады делали дороги непроездными, а таежное поселение совсем недоступным.

Отец приехал, как и обещал, и привез в подарок сыну спиннинг и удилище. Японские. О таких снастях Вовка даже и не мечтал. И когда пошли в тайгу за лосем, отец взял дедово ружье, а сын – отцовские подарки.

Было очень раннее и очень холодное утро, солнце не спешило всплывать из-за гор и согревать желанным теплом всю планету, Горную Шорию, тайгу по берегам реки и отца с сыном у догорающего костра. Вовка ушел на реку, испытать свою удачу, японский спиннинг и самодельную шорскую блесну в виде мыши. Он, по дедовой науке, накануне нашел недалеко на перекате подходящее для рыбалки место.

Там крупные камни задержали недавно упавшую в реку гнилую осину, сила течения чуть развернула ее за вершину и стала безжалостно колотить о камни. Но у комля дерева образовалась тихая заводь. Тут было глубоко, вода по инерции еще двигалась, но замедляла свой ход, медленно кружилась, увлекая веточки, клочки пены и куски коры в свой водоворот. Иногда и недолго тут же бултыхались жучки-короеды и древоточцы. Вихлялись и извивались всем своим телом белые червячки, равнодушно спокойно плыли личинки и куколки разных постояльцев, безжалостно изгнанные судьбой и силой течения из гостеприимного тела дерева. Тут же пировала рыбная мелочь.

Вовка надеялся, что здесь же может оказаться большой и наглый таймень. Юный рыбак робко рассчитывал на сделанную им самодельную шорскую мышь и на чудесный японский спиннинг. Прежде чем начать проводку, Вовка долго смотрел на воду и прикидывал различные варианты. Представлял, как в глубине заводи где-то стоит против течения крупный и сильный таймень. Стоит, иногда медленно шевеля веером грудных плавников, лениво и величаво подрабатывая всем своим мускулистым телом. Речной хищник по-разбойничьи выжидает – высматривает свою очередную жертву.

Блесна спокойно и неторопливо пересекла всю заводь, а при втором проходе только добралась до ее середины, как из глубины к ней стремительно рванула крупная продолговатая тень. Вовка почувствовал сильный удар, и как сразу ожил и задергался в его руках спиннинг. Вместо послушной приманки на конце лески стала ходить кругами желанная добыча.

А дальше всё происходило как в реальной жизни, где радость и горе ходят, взявшись за руки. Вовка сначала обрадовался удаче – рыба без сомнения была крупной. Потом растерялся – борьба шла без победителей. Он не может вытащить ее из реки, а та пока не может уйти в желанный речной простор. После недолгой борьбы с человеком таймень вдруг пошел на прорыв. Он вырвался из заводи и попер на перекат. Вовка запаниковал – там, среди камней порвется леска, и рыба уйдет на свободу. От отчаяния и страха возможной неудачи он громко, во весь голос стал звать отца.

Здоровенная рыбина уже была среди крупных камней, когда рядом с ней оказался отец с топором в руке.

Подбегая к тайменю, он упал, на секунду скрылся под буруном воды, затем почти поднялся и стал бить рыбу по голове топором. И опять упал, теперь уже на нее. Так он и победил крупного тайменя. Но радость от этой победы была недолгой. Вовка видел: отца в мокрой одежде безжалостно трясло. Человек поднял добычу – таймень был в половину его роста и не смог спокойно держать его, так батьку всего колотило.

Здесь на перекате, на речном просторе буйствовал холодный пронизывающий ветер. Его стремительные порывы даже временами создавали крупную рябь на

воде. Вовка видел, что отец замерзает и что его надо спасать. «Бросай», – заорал он. И отец послушно уронил рыбину в реку. «Бежим», – вновь гаркнул сын, развернул отца и потащил его к берегу. Там еле тлел их ночной костер, и отец в мокрой одежде и крупно дрожа всем телом, полез в его середину. Вовка перевернул и стал трясти дедов рюкзак. Из него выпал небольшой целлофановый пакет. Дедов пакет, а в нем всё на случай неудачи: запасная одежда и белье, банка тушенки и сгущенки, складной нож и упакованные в мыльницу спички. И пока отец переодевался в сухое, сын нашел на берегу сваленный кедр и запалил его со стороны выворотня. Тут было тихо, задранные в небо корни с остатками земли не позволяли прорываться резким порывам ветра. Здесь же было и совершенно сухое топливо – белая сеть хитросплетений корней успела высохнуть за лето.

Вскоре комель дерева уже горел с ровным однотонным гулом. И горел уже изнутри – там, где был совершенно сухой ствол дерева. Отец чувствовал приятный жар, исходящий от пламени, видел, как парит его развешанная на корнях мокрая одежда, и спокойная уверенность зарождалась в его душе. Глядя на то, как хозяйничает сын, как он умело разделывает тайменя, как разжигает другой костер, готовит сухие дрова, приводит в порядок японский спиннинг, он вспоминал своего отца. Вовка всей этой неторопливой деловитой сноровкой сильно смахивал на деда, в пору его молодости.

А Вовка иногда бросал взгляд на отца и тоже удивлялся – тот в дедовой одежде, ростом и фигурой, да еще со спины здорово напоминал деда. Они оба, каждый по-своему, вспоминали о деде. Им обоим казалось, что тот рядом с ними. И это было нормально, – это было естественно, именно так проявляется связь поколений. Должен сын быть похожим на отца, а оба они похожи на деда, и все трое похожи друг на друга. И не только лицом, фигурой, манерой поведения, языком, речью. Главное – это взаимная любовь и долгая память – вот прочная связующая сила, объединяющая родственников.

Ведь Вовка деда любил.

ПРЕОДОЛЕТЬ СЕБЯ

Андрея разбудили непонятные звуки. Он еще недолго полежал, прислушиваясь и стараясь понять, что происходит на пасеке. Вставать не хотелось. Вчера вечером он после танцев провожал Маринку, и их расставание затянулось. И вот все надежды на желанный дневной сон пошли прахом. Хуже того – вдруг раздался звериный рёв, сбросивший пятнадцатилетнего подростка с лежанки и мгновенно прогнавший остатки дремы.

На пасеке хозяйничал медведь. Он добрался до крайних, ближайших к тайге ульев, стал их крушить и вступил в неравную, болезненную и проигрышную схватку с пчелами. Андрей видел из окна сторожки, как над мордой зверя образовался рой пчел. Рой постепенно увеличивался в размере и менялся по форме. Бесстрашные насекомые отчаянно защищались. С решимостью камикадзе они бесстрашно атаковали зверя, массово гибли, но в битву с агрессором вступали новые бойцы. Медведь тряс башкой, отмахивался передними лапами, безжалостно давил мирных тружеников, громко ревел, но пока терпел. Недолго. А затем ринулся в тайгу, изредка взвизгивая от укусов преследователей.

Андрей, убедившись в том, что медведь убежал безвозвратно, пошел с пасеки в поселок, в больницу к деду. Шел и вспоминал, как две недели назад суворовец Удалов прибыл на каникулы в гости к деду. От Свердловска до Таштагола он добрался быстро и обычным транспортом. А уже до таежного поселка, где жил дед, пришлось ехать в телеге на конной тяге. В пути он был почти целый день и пока добрался до места, вдоволь насмотрелся на таежные красоты Горной Шории. Первая неделя прошла нормально, а затем дед попал в больницу. И Андрею пришлось вместо него хозяйничать на леспромхозовской пасеке. Это было совсем не трудно, да и его там иногда навещала Маринка. Он догадывался, что в красивой военной форме ей понравился, и она кое-что ему уже позволяла, хотя в целом была строга. Но Андрей был уверен, что однажды в сторожке на пасеке он поведет себя с ней смело и решительно, лихо погусарит и... Мечты постепенно становились явью, а тут вдруг нарисовался медведь.

Деда, конечно, сообщение о медведе не обрадовало. Но и особо не озадачило. Медведя надо хорошенько напугать.

И это сможет сделать сосед Степан, с которым дед ходит на охоту. У него и ружье есть, и собака, и опыт. Да и мужик он, а не подросток.

Андрею надо только всё ему рассказать про медведя и передать просьбу деда о помощи. Что Андрей и сделал. Так на пасеке вечером в засаде на медведя оказались трое. Степан, его лайка Шельма и Андрей. И незапланированно на пасеку позже прибежал дедов пожилой кобель Жулик. Он крепко привязался к Андрею в отсутствие деда.

В целом всё было нормально. Но Степан был поддатый, добавил еще и с наступлением ночи уснул. Андрей надеялся его разбудить в нужное время. Потом прикинул, что вообще-то можно всё сделать и самому. Если придет медведь – надо всего лишь выпустить из сторожки собак и стрельнуть из ружья в сторону медведя. Дед объяснил, что медведь вернее всего молодой, неопытный и трусливый. Да и Степан так говорил. Хотя патроны для ружья взял снаряженные связанной картечью.

Примерно в середине ночи дремавший Андрей услышал сквозь храп Степана тихое повизгивание Шельмы. Он решил выйти из сторожки на перекур. Иногда Андрей курил, а вернее пытался этому научится. Всё же не пацан уже. Он взял у храпящего Степана пачку «Примы», спички и вышел на крыльцо. За ним в открытую дверь вышли лайки. Собаки покрутились около сторожки, а затем убежали в темноту ночи.

Андрей не стал курить – расхотелось. Он решил сходить посмотреть, куда сбежали собаки. Прошел совсем немного, как раздался собачий лай. Из-за туч выглянула луна, и он увидел, как ему навстречу бежит Жулик, а за ним большим колобком катится медведь. Страх от возможной встречи с хищником заставил действовать очень быстро. Андрей пришел в себя уже в сторожке, как он влетел в нее, он не помнил. Стал будить Степана под громкий и близкий лай Жулика. Но тот упорно не просыпался. Казалось, что пёс лает совсем близко, чуть ли не на крыльце за закрытой дверью. Андрей схватил ружье, рванул к двери и остановился. Открыть дверь он не мог. Животный страх не пускал его дальше. Ощущение близкой, но не страшной опасности сменилось чувством ужаса.

Сознание потеряло способность здраво рассуждать, в нем билась только одна мысль – вот сейчас сюда ворвется лютый зверюга, и с ним появится смерть для Андрея.

Сердце бешено колотилось, бросило в пот, всё существо Андрея хотело жить, организм страстно не желал умирать. Желание спастись любой ценой бросило подростка на пол и загнало под кровать, на которой храпел Степан. И уже там Андрей услышал, как громко и пронзительно завизжала собака. И ему стало стыдно. Простая мысль о том, что там за пределами сторожки бьются насмерть с диким зверем две лайки, а он! Они бьются уверенные в том, что человек придет им на помощь, совсем скоро придет, он не может не прийти. Так было всегда, с пещерных времен. И так будет всегда, пока будут существовать охотник и его верный пёс. А он тут прячется под кроватью с ружьем. Он, будущий офицер, командир, отец своих солдат, обязанный личным примером, преодолевая свой страх поднимать их в атаку... И чуть не заорав: «Наших бьют!», Андрей рванул из-под кровати на крыльцо. По пути движения он включил лампочку над крыльцом, от всей души врезал ногой по толстому заду Степана и выскочил на крыльцо.

Лайки умело работали по медведю. Юркая Шельма крутилась за медведем, изредка кусая его за гачи, не позволяя тому бросаться на Жулика, который метался перед мордой медведя, громко лая. Он увидел Андрея и твердо встал на пути зверя. Пес присел на задние лапы, весь как-то сжался, прижал уши и мелкими прыжками с лаем уверенно и неотвратимо пошел в атаку на медведя. За собакой был новый молодой хозяин, и в обиду пес его не даст! Как бы не был страшен зверь и жестока с ним возможная драка, Жулик решил защищать Андрея до последнего вздоха.

Медведь принял вызов и ринулся на Жулика. А дальше Андреем уже двигали инстинкты. Казалось, кто-то другой положил ружье на перила крыльца, большим пальцем правой руки сдвинул предохранитель, шариком мушки нашел грудину зверя и поочередно нажал на спусковые крючки. Два роя свинцовых шариков, объединенных шелковой нитью, поочередно смертельно поразили медведя. Его передние лапы разъехались, и он всей своей тушей свалился на землю. Обе лайки бросились на поверженного зверя.

Андреев пинок или грохот выстрелов разбудили Степана, и он слегка очумелый выскочил на крыльцо. Но дело было уже сделано.

ВОЛШЕБНАЯ ТАЙГА

Согласитесь, что школа, весь процесс обучения с его четкими границами взросления при переходе из класса в класс, да и сама школьная жизнь полны ярких запоминающихся моментов. Я абсолютно уверен, что если каждый хорошенько вспомнит этот период, то всплывет в его памяти что-то важное и затрагивающее только его. Для кого-то, возможно, это задачка по сложной контрольной, которую решил он и только он из всего класса, у кого-то это будет сочинение, зачитанное перед всем классом и отправленное на конкурс в область...

Кто-то вспомнит школьные вечера и свой первый «контакт» с одноклассницей, когда, шалея и сам удивляясь своей наглой нахрапистости, сумел ее «зажать» и дать волю рукам.

А для кого-то, возможно, это – первая настоящая драка, когда не чувствуешь боли, сатанеешь от ненависти и забываешь про страх.

В пятом классе, на одном из первых уроков литературы, ставшая впоследствии многими любимая учительница Людмила Алексеевна Клюканова знакомила нас с Пушкиным. Она рассказывала о его детстве, о няне Арине Родионовне, ее сказках и вдруг обнаружила, что один из наиболее беспокойных учеников, темпераментный и неусидчивый непоседа, странно преобразился. Он сидел совершенно тихо, напряженно вслушиваясь в рассказ про старушку-няню, внимательно встречая каждое новое слово, новое предложение, а на его милой подвижной мордашке застыло выражение восторженного удивления. Весь класс тоже как-то затих, и воодушевленная этим вниманием учительница с упоением продолжала описывать состояние юного слушателя сказок – будущего великого поэта.

Каюсь, мне в то время было не до Пушкина. Рассказ о детстве поэта, его няне и ее сказках поразил меня совпадением с моим детством. Удивление и захватившие воображение воспоминания усмирили мой буйный нрав и вынудили успокоиться.

В учебнике была картинка – кучерявый мальчик, подперев кулачком щечку, слушает сказки неродной бабушки.

Я в его возрасте с подобным вниманием также слушал сказки и также неродной бабушки. В Советском Союзе, в Западной Сибири была прекрасная страна – Горная Шория. Люди, немало поездившие и немало повидавшие в мире, называли ее за красоту Советской Швейцарией. Возможно, еще и за то золото, которое хранилось в ее горах и которое послужило причиной превращения этого чудесного края в край заброшенных карьеров и бездушного хозяйствования. Шорцы, местные жители, пошли проторенной дорогой всех малочисленных народов. Под нахрапистым натиском цивилизации они спивались и деградировали не просто семьями, а родовыми кланами, так как издревле жили породственному дружно и оседло, не кочевали, а кормились дарами тайги – охотой и рыбалкой. В нашем подъезде на первом этаже жила такая многоликая и многочисленная семья.

Во главе ее стояла старуха-мать, здесь же проживали ее сыновья со своими женами и их дети, ее внуки, двоюродные между собой братья и сестры. Жила семья весело. Летом к ним постоянно приезжали гости – многочисленные родственники. Гостили и уезжали, а им на смену приезжали другие. Осенью и зимой оставались в семье в основном женщины и дети – мужчины уходили в тайгу бить кедровую шишку и добывать пушного зверя. Весной и летом эти же мужчины ловили рыбу в бурной и стремительной реке Томь. Среди детей был один шкет, звали его Васькой, он был мой ровесник, мы с ним пошли осенью в первый класс.

А до этого – летом, подружились. В самом начале лета, когда дом только заселяли, и никто особо никого не знал, я случайно, болтаясь во дворе и осваивая новую территорию, натолкнулся на неприятную картинку. Трое лупили одного. Двое держали низенького мальчугана, а третий старательно отвешивал ему пендалей. Я рос в хорошей, благополучной семье, долго жил у бабушки. Она старательно и незаметно учила меня

основам христианства, а дед делал вид, что не замечал это и втолковывал мне свое видение мира – тоже хорошее и доброе. Благодаря ему я не курю сам, не курит мой сын и не курил мой отец. Но на окраине Новокузнецка, где проживали мои благовоспитанные старики, был «Шанхай». Там проживал тот пролетариат, который всегда жил и будет жить плохо и бедно. При любой власти и при любом строе. Им всё равно – какой сегодня праздник и куда надо идти – защищать Белый дом или его штурмовать – главное, чтобы было на халяву выпить и можно было вволю подраться. С детьми этих бесшабашных, вольнолюбивых и полукриминальных взрослых я общался. С ними было интересно – они были отчаянно смелы и уверенны в манерах и поступках. Поэтому и я уверенно с разбега налетел на мучителей, одного сразу толкнул и свалил, другому дал хорошего пинка, а с третьим мы схватились бороться. А затем я познакомился с Васькой. У него тоже были свои особые манеры и своя линия поведения. Он не умел, а поэтому не любил играть в футбол. Крайне неохотно играл в вышибалу и «штандер», если там были девчонки. Но обожал прятки. И еще он любил охоту. У этого семилетнего шкета был лук и рогатка, и вскоре кошки уже пугливо обегали наш двор стороной, а воробьи и голуби балансировали на грани вымирания.

Он не мог драться, просто не мог сделать больно другому пацану и поэтому терпел обиды, считая жестокость к себе чем-то вроде игры. Но откровенно презирал девчонок и просто считал ниже своего достоинства общаться с ними. С ним было интересно. Каюсь, я многое у него перенял. До сих пор я, уже взрослый человек, оглянувшись по сторонам, иногда начинаю мяукать и подманивать проходящего кота. Моя бедная младшая сестричка оказалась виновата в том, что она девчонка и вскоре почувствовала это на себе. Вероятно, в моей не очень удачной семейной жизни лежит плохо скрываемое презрение к женскому полу.

Васька был совершенно самостоятельным. В семь лет он открыто курил трубку и ходил, куда хотел и когда хотел. Я ни разу не слышал, чтобы его звали домой обедать или просто потому, что поздно. Однажды я затащил его к себе в гости, мы поиграли в машинки и солдатиков, а затем моя матушка нас накормила. То, что при этом она решительно прекратила нашу игру, заставила вымыть руки, а Ваську и умыться, а еще и поучала за столом, как надо правильно и воспитанно есть – здорово поразило Ваську. В ходе этих экзекуций он несколько раз дергался и бросал на меня вопросительно-негодующие взгляды и порывался что-то сказать.

Но когда я попал к нему с ответным визитом – то уже изумляться пришлось мне.

Прямо с улицы мы с ним прошли на кухню, уселись за стол и чуть-чуть подождали. Затем Васька крикнул что-то по-своему, в глубь квартиры.

Пришла девчонка лет 12–13, позвала еще двух поменьше, и так я в семилетнем возрасте впервые попал в ресторан.

Мы с Васькой только ели, а накрывали и убирали его сестренки.

Осенью, когда мужчины ушли в тайгу бить кедровую шишку, Васька загрустил. Возможно, он также хотел в тайгу, но надо было ходить в школу.

Как-то теплым вечером группа мальчишек увидела летучую мышь просто огромных размеров. Мы и раньше видели этих рукокрылых летунов, летают они будь здоров, свободно могут в пилотаже с ласточками соревноваться. А тут, вдруг может мутант, может просто экземпляр другой породы залетел к нам во двор. Ребята поменьше даже бросились догонять этот живой планер, ребята постарше сдержанно поохали и вскоре забыли. Васька сидел рядом со мной, он также оглянулся на восторженные крики малышни, и на лице его возникло восторженно-восхищенное выражение. Он широко раскрытыми карими глазами (шорцы вовсе не узкоглазы) удивленно следил за стремительным полетом огромной мыши, а затем вдруг как-то мгновенно подобрался. Лицо стало сосредоточенным и оценивающим. Оно так моментально изменилось, что я не узнал своего друга.

Добрый и ласковый, удивленный взгляд его стал жестким и твердым. Всё! Его безжалостные глаза послали вслед животному смертельный приговор.

Несколько вечеров Васьки с нами не было. А как-то утром на скамейке у подъезда появилась окровавленная тушка так поразившего нас летуна.

Васька был жутко предан дружбе. Он не играл без меня, и вообще мы с ним почти всё делали вместе. Но моя мать, сердцем чуя беду, старалась нас разлучать почаще. Мне трудно было с ней справляться, так как она подключала в трудные минуты отца. А тот просто повесил на гвоздике свой ремень с обещанием пустить его в дело. Однажды, загнав меня за уроки, она два раза выставляла Ваську за дверь, но в конце концов впустила его, пораженная Васькиным упрямством. Семилетний, неизбалованный родительским вниманием и лаской пацан, притащил мне, своему другу, кусок арбуза. Мать не пустила в дом. Он пришел позже, с тем же куском.

Мать его опять отшила. Но когда он явился спустя полчаса и опять с тем же куском арбуза, даже она была сломлена такой недетской настойчивостью. Сейчас я понимаю, что, вероятно, Васька ел арбуз первый раз в жизни, конечно, он ему понравился, и мальчуган твердо решил, что надо этой вкуснотищей со мной поделиться. Моя матушка была нормальной русской женщиной, и с тех пор отправляя меня во двор гулять, постоянно давала что-либо. Чаще всего это были конфеты – ириски «Золотой ключик», липкие коричневые подушечки в какао-порошке или карамель. Она знала – один я их есть не буду, да просто не смогу! А теперь безо всякого вранья. Впервые в жизни я пил спирт в гостях у Васьки. Когда к нему приехали очередные родственники, и веселье было в самом разгаре. Выпили мы с ним совсем по чуть-чуть. Но с тех пор я умею пить спирт, алкоголиком не стал, из дома вещи не пропиваю, выпиваю очень редко и предпочитаю неразбавленный спирт. Васька заразил меня неизлечимой болезнью – охотой. Подобраться с луком к ставшим осторожными бродячим кошкам и суметь попасть тупой стрелой в бегущую – поверьте, совсем нелегко. Осенью, возвращаясь из школы, мы с Васькой стали встречать у подъезда его бабушку. Я не помню, как ее звали – имя было шорское, но помню, что она была чудно одета – в лыжный байковый костюм. Ей было скучно в опустевшей квартире, подруг не имела, так как плохо говорила по-русски. Просто сидела на скамейке у подъезда, курила

трубку и ждала из школы внука. И меня. Она не хотела, чтобы мы пропадали, оставляли ее один на один со скукой, и начинала нам рассказывать сказки. Это были чудесные сказки. Возможно, она сама их придумывала, а может это были сказки шорцев. Все события в них были связаны с охотой, с преодолением трудностей, с оказанием помощи терпящим бедствие и попавшим в беду. Чаще всего там были два друга, которые всё делали вместе и если расставались, то ненадолго, и именно в это время с одним случалась беда, а другой приходил на выручку. Я их уже почти не помню, но помню, как мы с Васькой твердо решили идти по жизни вместе. И помогать друг другу. Как сказочные герои. Одна сказка всё же крепко засела в память.

Так как накануне мой дедушка открыл мне страшную тайну жизни – оказывается, все люди умрут. Кто-то раньше, кто-то позже, но обязательно умрут. Мне очень не хотелось умирать, но дед меня успокоил, что у меня это будет не скоро, а вот с ним это вскоре произойдет.

Когда я поделился своей бедой с Васькой, а деда я любил и не хотел, чтобы он умирал, он сказал, что попробует помочь и поговорит со своей бабушкой, которая всё знает и всё умеет и которую он также любит. Дождавшись нас из школы, бабушка нам объяснила, что люди не умирают, просто они уходят в волшебную тайгу, и рассказала сказку о волшебной тайге. Там так хорошо – идешь, захотел ягод – выходишь на поляну – она полна сплошь вкусных ягод. Идешь дальше – захотел рыбы – выходишь к реке, там легко и просто ловится любая рыба. Это тайга исполнения желаний, и поэтому оттуда никто не возвращается домой – так там хорошо. Я обрадовался вначале, а потом вспомнил, что дед мой был машинистом паровоза, и в тайгу его калачом не заманишь – вот в депо или на вокзал – другое дело. Васька долго объяснял бабушке, кто мой дед и почему он не ходок в тайгу. Ее здорово поразило то, что есть мужики, которые в тайгу не ходят и, по-моему, а я уже начал кое-что понимать по-шорски, она не поняла, что такое паровоз. Но всё же объяснила мне чуть позже, что мой дед просто уедет в рейс туда, где будет так хорошо, что он не захочет оттуда возвращаться.

Даже к любимому внуку, так как там он встретит своих верных и надежных друзей. Они будут опять ходить вместе на охоту и рыбалку. И я поверил.

Вероятно, стояло бабье лето, было еще тепло. Прошел небольшой дождик, после которого мы на стройке играли в прятки. Затем все разошлись – кто за уроки, кто в магазин, кто еще куда. Мы с Васькой тоже собрались уходить, и он сел покурить. Сидел он на железной бочке, на крышке, прикрыв ногами небольшую дырку. Из бочки странно пахло, в ней была дождевая вода и что-то еще и, вообще, она шипела и булькала внутри. Васька докурил свою маленькую трубочку, раздвинул ноги и начал выбивать в бочку пепел из трубки. Посыпались пепел и искры. Много позже я узнал и понял, что в бочке был карбид, туда же попала дождевая вода.

Началась реакция – стал выделяться ацетилен – горючий газ.

Бочка бы пошипела, и газ бы вышел, но Васька сел на бочку верхом и прикрыл дырку своими ногами. Газ собрался. Мальчуган сдвинулся в сторону и начал выбивать в бочку с газом горящий пепел.

Я не помню, почему и какая сила заставила меня сделать два шага и оказаться за стеной – я просто вышел из той комнаты, где была бочка.

Может, я пошел, уверенный, что сейчас за мной шагнет и Васька. Но он не шагнул, сзади гулко бабахнуло, мимо меня за спиной проскочило рыжее пламя, чуть лизнув жаром, и сразу где-то стал громко кричать человек.

Затем – провал в памяти, и просто не могу вспомнить, как вбежали взрослые, как пытались потушить горящего Ваську, как приехали врачи и хотели его забрать, дотронулись до него, и он стал протестующе кричать. Он кричал громко, протяжно и зовуще. Я протиснулся между чьих-то взрослых ног туда, где был этот ужасный запах и где валялась развороченная бочка, а рядом с ней куча обгорелых тряпок. Вдруг куча дымящегося тряпья шевельнулась и стала расти ввысь. Затем она как-то дернулась, и я увидел, как получилась странная дуга – это Васька выгнулся в спине, оперся на ноги и уперся в бетонный пол головой. Вероятно, ему так было легче переносить боль. От того, что мальчуган катался по бетону, инстинктивно пытаясь сбить пламя, одежда и клочья обугленной кожи смешались, лицо распухло и жутко изменилось, стало совершенно бесформенным, куда-то пропали руки, возможно, запеклись на груди.

И «А-А-А!»

Вдруг из всего этого бесформенного и обугленного куска мяса сверкнули глаза. Наши взгляды встретились. Боже, он меня узнал!

Я не мог отвести взор, всё куда-то исчезло, остались только Васькины глаза, и из них ко мне, в меня, внутрь, в мое существо лился Васька, его душа, его мысли. Он прощался со мной, просил не забывать, обещал, что мы еще встретимся. На какое-то мгновение черный обрубок стал привычным мальчуганом-шорцем, и я опять увидел его совершенно нормальным, к существующим глазам приложилось знакомое небольшое тельце. Да вот же Васька! Но миг – и глаза потухли, обугленная дуга стала опускаться и оседать вниз, начала дергаться и биться в конвульсиях. Раздался женский плач и чей-то протяжный стон. Я закрыл глаза, мне стало страшно. Горечь потери усугубилась тем, что отец меня, на всякий случай, в целях профилактики, в тот вечер вылупил ремнем.

Мы уехали из Сибири, я стал взрослым, и уже выросли мои дети. С 20 лет я занимаюсь охотой официально. Там бывало всякое, но я очень не люблю лезть в воду и крайне неохотно плаваю. Возможно, однажды я попаду в глубокую реку и с трудом, еле-еле смогу выплыть. Обессиленный, выползу на лесной берег и там встречу человека – моего ровесника, охотника-шорца с удивительно знакомым и дорогим мне лицом. Возможно, вместе с ним на берегу встретит меня и собака – копия моей любимой охотничьей лайки – кобеля Амба. Мне помогут подняться, и мы пойдем втроем в чудесную тайгу.

Там исполняются любые желания, там так хорошо, светло и просторно, спокойно и тихо, что не захочется из нее уходить.

Вероятно, я встречу там еще и тех людей, которые мне были дороги в этой жизни, но которых уже в ней нет. Пусть простят меня дети, я не захочу к ним оттуда возвращаться. Время пришло, и я уже вступил в эту глубокую реку. «Слышишь, Васька, слышишь, я иду к тебе!» □

ПАДАЕТ СНЕГ

Валериан МАРКАРОВ

Живет в г. Тбилиси, Грузия.

Иоланда не отвечала. Длинные гудки барабанили в ухо, заглушая вой ветра и жалобный крик деревьев за оконной рамой. Нервы Павла были на пределе. Он звонил ей каждые полчаса, как по расписанию. Где же эта авантюристка? Улетела с подружкой в Милан, потому что захотелось отдохнуть, расслабиться? Шляется по ночным клубам, отсыпаясь до ужина? Или отправилась развлекаться в круиз на большом морском лайнере, не потрудившись сообщить об этом? И нежится сейчас на солнце, наслаждаясь последними теплыми днями поздней европейской осени. Впрочем, на нее это похоже. Она умеет выкидывать фортели и делать всё, что взбредет в голову.

Еще раз позвоню, уговаривал он себя, и всё. Хватит! Но бездушный голос неизменно повторял, что абонент недоступен.

– Ну, мало ли почему не отвечает, может, нет возможности, – резонно возражал внутренний голос. – Перестань уже себя накручивать. Ничего сгоряча не решается. И вообще утро вечера мудренее. Ляжешь спать, а завтра, глядишь, а проблемы-то и нет, всё уладится само собой...

Он так и не смог уснуть, всё ворочался с боку на бок на кровати, то поворачиваясь к окну, то к стене. И думал об Иоланде. Черт побери, он любит ее и не хочет, чтобы с ней что-нибудь случилось. Конечно, она ничего ему не обещала. Признаться, они и знакомы-то были не долго, но ее поведение ранило, воспринималось как предательство, и ничего он не мог с этим поделать: обида и злость сплелись в душе в тесный клубок. А вдруг она его бросила? Ушла насовсем? Но этого не может быть. Он вроде бы нигде не оплошал, любил и лелеял ее больше, чем кто-либо другой. Нет, официального предложения не делал, хотел это обдумать, обставить всё красиво... И купить, наконец, ей бриллиантовое кольцо из белого золота, о котором она мечтала...

Когда часы показывали далеко за полночь, он выполз из-под теплого одеяла, натянул толстые носки и потащился на кухню, чтобы сварить себе кофе. Поспешно отпив пару глотков горячего напитка и откусив от бутерброда с пармской ветчиной, вновь принялся за старое, рука снова потянулась к телефону, беспрерывно нажимая на кнопки. Но и на сей раз механический голос отвечал, что абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети, перезвоните позже. Да, похоже, мобильный телефон у нее отключен.

Представил себе Иоланду в объятиях другого мужчины, у него застучало в висках. Да что же это происходит, черт побери?! Павел был на грани срыва, неизвестность и тревога душили и захлестывали его. Казалось, весь мир бросил его, оставив погибать в одиночестве. И он сидел, сжавшись в комок, кусал губы и смотрел в пол потухшими глазами. Потом, достав пачку сигарет и чиркнув зажигалкой, он медленно затянулся. Сизый сигаретный дым поплыл по комнате. Он открыл окно, чтобы впустить свежего воздуха. Почувствовав прикосновение колкого озноба, поежился и выдохнул изо рта пар. Осень уже вступила в свои права, но в этом году была особенно нетерпелива: навалилась всей своей мощью, окутала туманом, заморозила деревья и землю, закрутила по улицам опавшие листья, и вселила питерскую сырость в души людей. Внизу, на улице, куда-то

спешили машины, компании молодых людей торопились, громко разговаривая и смеясь, их сигареты ярко горели в темноте, чьи-то глаза были прикованы к экрану смартфона. Влюбленные парочки шли, прижавшись, друг к другу, словно они вросли один в другого. Но привычный городской вид был нынче иным: он сменил краски, улица казалась выцветшей, как старые фотообои, размытой, как декорации в старом фильме. И только холод был самым настоящим. Павел только успел закрыть окно, как снаружи хрустнула ветка, потом еще, затем протяжно застонало старое дерево и с грохотом повалилось на землю. И тишина... тишина четырех стен – она сдавливала виски, причиняя невыносимую боль...

...С Иоландой они познакомились пару месяцев назад в одном из ночных клубов на Невском, куда оба пришли напиться. Он – от того, что опять остался один, она – от того, что лишилась работы. Весьма обыденно, не так ли? Это была молодая девушка привлекательной наружности, в коротком коктейльном платье и туфлях на высоких каблуках. Она сидела за соседним столиком, лениво ковыряла мороженое и время от времени бросала на него томный взгляд...

Ее привлекали деньги – она довольно прозрачно намекала на это, заигрывая с ним. Его же чувства к ней на тот момент были простыми и примитивными. У него было всё, чего хотела она, а у нее – то, чего желал он. После пятой рюмки абсента она повисла у него на шее в медленном танце. Он, словно завороженный, смотрел на нее, растворяясь в бездонных озерах ее выразительных глаз. Ему нравилось, как она смеялась, как неуклюже передвигала ноги, как поправляла челку, как прикусывала нежно-розовые губы, горячие и влажные. Он высмотрел все родинки на ее лице, шее, руках, оголенных до локтей, познал ее запах, терпкий и сладковатый, с нотками миндаля, смешанный с тонким ароматом парфюма, но желал узнать ее ближе. Пусть незнакомка и пьяна и он еще не знает ее имени, но она привлекла его. Зацепила. Встряхнула что-то на дне его души, нечто улегшееся, но взметнувшееся высоко и замутившее все его мысли...

И она исподволь смотрела на него, словно изучала. Да, выглядит он потрясающе: брюнет, метр восемьдесят, острые скулы, безупречный профиль, а еще – взгляд. И эта улыбка, она действительно у него хороша: сначала иронично поднимается одна бровь, а потом расцветает всё его лицо, когда крупные губы обнажают ровные и белоснежные зубы на слегка смуглом лице...

Спустя час они уже ловили ночное такси. Свой автомобиль Павел оставил на парковке. Французский коньяк, которым он разогревал себя, бурлил приличным градусом в крови, затуманивая мозги. В машине она безудержно хохотала, пытаясь что-то рассказывать заплетающимся языком. А дальше все развивалось настолько стремительно, что Павел и опомниться не успел, как влюбился.

Это действительно было похоже на настоящие отношения... Или, по крайней мере, что-то заставляло его так думать. Они встречались каждый день и проводили вместе почти каждую ночь, насколько позволяла его занятость. Именно поэтому он и начал строить наивные планы на дальнейшее счастливое совместное будущее. Он покупал ей великолепные украшения и букет за букетом, дорогие конфеты, устраивал ужины с шампанским, водил на танцы до утра в эксклюзивные закрытые ночные клубы, где их никто не беспокоил.

Всего три дня назад они вернулись в город святого Петра из Парижа, где провели романтический уик-энд. Еще месяц назад Иоланда взяла с него слово, что он подарит ей Эйфелеву башню, а взамен сулила превратить вояж в незабываемое и полное романтики приключение. Павел сдержал обещание – они сняли номер «люкс» в шикарном отеле на Шанз-Элизе, гуляли по бульварам, Люксембургскому саду и Тюильри, наслаждаясь их умиротворенной атмосферой, посетили Нотр-Дам и Монмартр, откуда поднялись по знаменитой лестнице к базилике Сакре-Кёр, побывали в Гранд-опера и Мулен Руж. Утром они завтракали в ресторане своего отеля, и суетливый гарсон в красной куртке и длинном белом переднике исправно подавал им кофе с молоком и две тарелочки со свежеиспеченными круассанами, от которых пахло ванилью и чем-то еще, напоминавшим Павлу безоблачное детство, из которого всегда выплывали аппетитные запахи свежей выпечки. Потом они бродили по всем пяти этажам Лувра и Орсе, рассматривая шедевры Мане, Дега, Ренуара, Гогена, Ван Гога и других великих художников. Лениво блуждали по утопающему в зелени Марсову полю, по набережной Сены, любуясь снующими по ней корабликами, украшенными мириадами фонарей. А ближе к вечеру готовились к ночным развлечениям вкупе с дорогими деликатесами и великолепным шампанским, сладко обжигающим губы. И великая французская столица гостеприимно зажигала для них свои яркие огни под неизвестно откуда льющиеся звуки аккордеона и хриплого женского вокала, страстно затягивающего «Tombe la neige» Сальваторе Адамо. Говорят, знаменитый шансонье написал ее на клочке бумаги.

Первым сюрпризом для Павла стало то, что Иоланда не захотела идти в Гранд-опера. Как скучно, протянула она тоном избалованной девочки, скривила ротик и отвернулась к окну, не желая поддаваться на его настойчивые уговоры, что дают балет Баланчина, и что росписи на потолке театра сделал сам Марк Шагал. И перестала упрямиться лишь после того, как он пообещал ей посещение кабаре Мулен Руж – поглазеть на голые ножки развратных танцовщиц с перьями. Она честно высидела балет до конца, и, кажется, он ей даже понравился, но было понятно, что представления иного рода и шопинг доставляли ей куда большее удовольствие. Возможно, именно с тех пор и наметились их разногласия. Он для нее оказался слишком романтичным и окультуренным, она же для него слишком капризной, прагматичной и приземленной. Она до страсти обожала развлечения, а самое главное –

знала в них толк. И кто знает, быть может, любила охоту на мужчин, но об этом мало кому довелось узнать, поскольку в числе ее пороков не было привычки разбалтывать свои затаенные мысли.

Павел тоже умел брать от жизни лучшее, причем легко, не задумываясь, как человек, который убежден, что имеет на это право. Ведь он красавец – мужчина, уверенный в себе на все сто. Ему повсюду сопутствовал успех – и в бизнесе, и в жизни. Именно к Павлу обращались многочисленные родственники, друзья и знакомые за помощью, и он небезуспешно разруливал их неприятные проблемы, в первую очередь, конечно, денежные. Он разбирался в винах так, как никто из его окружения, ценил хорошую кухню, любил быстрые яхты и качественные автомобили. Часто менял марки машин, оставаясь верным только одной – своему «Мерседесу». Дорогие костюмы и часы, ботинки и белье, сигареты и сигары, парфюм и средства для ухода за собой – всё у него было отменного качества. Не говоря уже о женщинах: он с легкостью очаровывал девушек и наслаждался их восхищением.

Но с Иоландой что-то пошло не так. После знакомства с ней он, как, наверное, каждый влюбленный, стал похож на идиота с задурманенным рассудком. И однажды ему показалось, что она заметила это в его поведении и теперь просто посмеивается. Вчера утром, уже сделав шаг за порог, он вдохнул обволакивающий Иоланду нежный, соблазнительный запах, потерял самообладание, повернулся к ней, обхватил за талию и сильным рывком привлек к себе. Его губы, горячие и жаждущие, накрыли ее рот и становились все жаднее. К его удивлению, она отвернулась, холодно высвобождая свою руку из его руки с нервным смешком. Похоже, с ней творилось что-то неладное. Взволнованный, он заглянул в ее лицо: оно ему не понравилось, выглядело каким-то разочарованным.

– Что с тобой? Что-нибудь случилось? – спросил он. – Или ты не здорова?

– Да, у меня сегодня болит голова, приму таблетку, – соврала она, ушла в спальню и закрыла за собой дверь.

Скорее всего, она просто хотела прекратить с ним отношения, поставить в них точку. Не исключено, что она его и не любила, а была с ним от нечего делать, играла в свою игру, в которой он был мачо, она – его женщиной. А когда вконец ей стало скучно, она ушла, сильно его удивив: ведь это его роль, это он бросает девушек, он не привык к тому, что бросают его.

В Париже ее неистово тянуло в мекку французского шопинга – на Бульвар Османа, в самые роскошные бутики с мировыми брендами типа Шанель, Гуччи, Гарри Уилсон, и дома Моды на Авеню Монтень. А он просто хотел, чтобы она улыбалась ему.

– А ты купишь мне «Феррари Портофино», когда вернемся в Питер? – спрашивала она, сверкая голубыми, как летнее небо, глазами. Она была без ума от быстрой езды – пожалуй, не из-за самой любви к скорости, а потому, что это привлекало внимание к ее персоне. Всякий раз, садясь за руль его автомобиля, она резко и до самого пола вдавливала педаль газа и через доли секунды ветер уже раздувал ее длинные волосы.

– Куплю, – соглашался он, и Иоланда мечтательно жмурилась.

– А дом за городом?

– И дом! – дом у него уже был. Симпатичный двухэтажный коттедж, тихий оазис в сосновом бору на берегу Ладоги. Но зачем портить сюрприз?

– Хочу, чтобы в гостиной было панно и большой мраморный камин, а под потолком висели оленьи рога. И два кресла – а между ними фонтан бьет из бассейна, как из озера, в воде плавают золотые рыбки. Из бассейна журчащие ручейки падают в нижнее озеро, обрамленное скалами. Кругом – море зелени и цветов. Да, и чтоб обязательно шкура на полу, вместо ковра…

Павел не уточнял, чья шкура, да хоть саблезубого тигра, лишь бы она продолжала улыбаться. Лишь бы в этом камине горел огонь. Лишь бы в этом доме его ждали с работы. Лишь бы в нем жили веселые голоса и смех. Может, даже детский.

А пока дом пустовал. За его дверью поселилась звенящая тишина, тревожная и тоскливая, нарушаемая редкими завываниями собак, а от стены к стене, цепляясь хвостом за мебель, шастало эхо. Черепичную крышу засыпало желтыми осенними листьями, а каменные ступени поросли травой на радость юрким зеленым ящерицам. Уже давно никто не открывал дверцы старинного серванта, никто не сидел на стульях за овальным столом. Это ужасно, когда в большом доме живет тишина, тогда он кажется еще больше, и на ум приходят всякие неприятные мысли.

Он отложил в сторону телефон и подошел к окну. Последние листья неохотно покидали ветви деревьев, то ли с грустью, то ли с сожалением, и бесстрашно улетали прочь, к земле, чтобы завянуть и умереть. Он вздохнул. А листья за окном всё кружили и кружили в каком-то завораживающем смертельном танце.

Нет, звонить ей нет смысла. Она не ответит. Ветер усилился, заносил улицу листопадом. Наверное, и там сейчас метет, в маленьком, забытом богом Мельниково, наполненном осенью до краев. Поселке, откуда рукой подать до храма апостола Андрея Первозванного, поднимающегося из водной глади Вуоксы. Где вместо метро и асфальта ярко освещенных проспектов старенькие мостовые, где он уже и не помнит, сколько лет не был. Там так же мокрые, неприкаянные листья липнут к двум узким окнам маленького дома с видом на зеленую лужайку. Там никто и никогда не мечтал о камине и шкурах на полу, но всегда было уютно и тепло. Тепло было под мягким одеялом на тахте. Теплым был пар над чашкой сладкого чая перед школой, он струился, выписывал чудные силуэты и исчезал. Теплым был ленивый серый кот Тимоша, вечно дремлющий в плетенной корзине с клубками ниток. Из этих клубков вязались на спицах удивительно теплые шерстяные варежки, шарфы и носки. И теплой была ладонь на его щеке.

Павел не заметил, как за окном начал падать снег. Крупными хлопьями, похожими на ватные шарики, он летел из небытия, накрывая снежным покрывалом землю. Он не стал задергивать шторы и зачарованно смотрел, как снег танцует и серебрится в тусклом свете ночных фонарей, облаченных в светлые ореолы. В памяти всплыли слова знакомой песни «Tombe la neige», услышанной им всего несколько дней назад на берегу Сены. Тот хриплый женский вокал заворожил его больше, чем сама мелодия, никогда он еще не слышал такой мощи, такой красоты, такой страсти:

Падает снег...
Ты не придешь этим вечером.
Падает снег...
И мое сердце одевается в черное.
Ты не придешь этим вечером, —
кричит мне мое отчаяние,
Но падает снег, невозмутимо кружась.
В холоде и белом одиночестве.

Павел молчал. И его телефон молчал вместе с ним. Иоланда. Где ты теперь? Он уже не был уверен, что хочет это знать. Может, он просто придумал себе ее улыбку, ее бездонные глаза цвета неба, нежно-розовые губы? И их завтра – одно на двоих? А на самом деле и не было ничего. Она бросила его, как старый чемодан, без объяснений. А что будет дальше, если она объявится? Ведь оставила же в ванной комнате свою дурацкую, розового цвета, зубную щетку, флакон неизвестно с чем, и многочисленные, полупустые баночки с кремом – ох! они бесили сильнее всего: он всегда видел в них тайных агентов, которые нагло внедрились на его суверенную территорию. Нет, этого совместного «дальше» ему уже и не хотелось. Что что-то надломилось внутри и медленно дотлевало, так и не загоревшись. С Иоландой уже не загорится. А может, и ни с кем другим. Он лихорадочно сгреб в кучу всё то, что осталось от нее, смахнул в пакет и брезгливо опустил в мусорный контейнер.

Наверное, он хочет чего-то невозможного. Может, он тоже, как эти одинокие снежинки, кружит и кружит по жизни, бесцельно и безвольно, не зная, что ему нужно. Сила северного ветра тащит его за собой, а он покорно летит. Как все. И не понимает, что не туда. Хватит обманываться. Пора спуститься на землю, заглянуть внутрь себя – там его настоящие чувства. Зачем ему тихое уютное гнездышко в сосновом лесу на берегу Ладоги, в котором никто не живет? Зачем камин, неспособный спасти от одиночества? Ведь греет не пламя, а сердце, которое любит и ждет.

Он взял со стола телефон. Пролистал список контактов. Нашел тот, на который не звонил, к стыду своему, очень давно. И торопливо набрал номер, с замиранием сердца слушая ровные телефонные гудки, чуть нахмурившись. С каждым из них накатывала волна страха: ему казалось, что в ожидании прошла целая вечность. Впервые в своей жизни он почувствовал себя таким беспомощным. Потому что теперь действительно боялся, что не ответят. Ведь не было уже давно старенькой тахты, не было теплого кота Тимоши. И от страха, что нет больше и того, кто его всегда ждет, вспотели ладони. Сердце застучало где-то в горле, в ушах зашумело. Еще один гудок, еще один, еще...

– Алло, – наконец-то ответил на другом конце провода тихий старческий голос. Павел с облегчением выдохнул.

– Мама, – произнес он, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрогнул и не выдал охватившее его волнение. – Мама, это я... Как ты там? Мама, можно я завтра приеду?

СЕРИЯ «КАМЕННЫЙ ПОЯС: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ»

Предлагаемая книга посвящена судебным деятелям последнего состава имперского Екатеринбургского окружного суда (1918–1919 гг.). Тем, кто достойно исполнял свой служебный долг в тяжелейший для отечественной истории период Гражданской войны, повлекшей великие потрясения и потери среди всего людского населения страны, в том числе и служителей Фемиды. Тема эта навеяна одной шокирующей информацией о том, что «весь состав» этого суда был уничтожен большевиками в связи с тем, что в его стенах велось расследование уголовного дела о цареубийстве.

Так ли это? Когда, где и при каких обстоятельствах всё произошло. Чтобы ответить на эти вопросы потребовалось обратиться к архивным и официальным источникам. Естественно, что сведений на этот счет крайне мало. Но незначительные результаты все-таки появились. С ними мне хочется поделиться.

Прежде всего, тем, что на деле оказалось не совсем так. Часть коллектива суда, боясь расправы, вынуждена была эмигрировать из России навсегда. Некоторые деятели, рискуя жизнью, прятались от красных, где и как придется. Некоторые, действительно были расстреляны. Среди них – прокурор суда В.Ф.Иорданский, член суда И.А.Сергеев, следователь А.Д.Намёткин. О них и тех людях, кто так или иначе соприкоснулся с трагической гибелью последнего российского императора и его окружения, идет речь в нашем повествовании.

Людмила Павлова.

Олег ЭТЛУХОВ

Доктор экономических наук. Профессор. Академик РАТ (Российская академия транспорта). Награжден орденами «Чести и Славы» Республики Абхазия III и II степени; именным оружием. Автор романов и повестей. Наиболее значимые – «Следы на песке», «Притяжение», «Звезды над Каиром» (дилогия), «Лунный свет» (трилогия).

ЗА ГОРИЗОНТОМ

Ни один человек не в состоянии оценить то, что у него есть. Человек в состоянии оценить только то, что потеряно им.

I

Многие лета ходит земля по орбите, предначертанной ей ее создателем.

Все сущее на этой земле, все, что видит и не видит глаз человеческий, подчинено особым законам. Законам, силу и сущность которых знает только тот, кто создал их.

В этой жизни все подчиняется этим неписаным законам бытия, времени и пространства.

Восход солнца и его уход за горизонт, приливы и отливы морей и океанов, бег буйных рек и алчный блеск в глазах хищника, тихий покой полей и радостное пение птиц под облаками, порывы ветра и каждый шаг человека по дороге к себе самому и к своему Создателю.

Всевышний создал эту землю так, что каждый человек сам находит свою дорогу. Дорогу, по которой предначертано идти ему через восходы и закаты, дожди и снега.

Каждое утро, когда солнце начинает освещать первыми лучами эту грешную землю, человек продолжает свой путь по дороге, избранной им.

Как все смертные он знает, куда идет. Не знает только одного. Приведет ли дорога, дарованная ему, туда, куда смотрят его глаза.

Обо всем этом часто думал я, когда вспоминал историю, невольным свидетелем которой стал я некоторое время назад.

II

Лето в том году выдалось сухим, безветренным, знойным. Уже более месяца на землю не падало ни одной капли дождя. К концу июля листва на деревьях заметно пожелтела, трава пожухла.

Редкие порывы горячего, иссушающего ветра несли по улицам города рано пожелтевшие скрюченные листья и преждевременно высохшие на ветках многих плодовых деревьев корявые, морщинистые плоды.

В центральном парке города воробьи и голуби устраивали шумные сцены возле редких лужиц воды, оставшихся после отъезда поливочной машины, несшей спасительную влагу иссыхавшим от жажды цветам на пестрых клумбах по всему периметру центральной площади парка.

На это самое время и выпал срок начала моего очередного трудового отпуска.

На первых порах я планировал дописать несколько глав своего последнего романа и затем поехать отдыхать куда-нибудь в горы или в далекие заморские края. Но получилось так, что главы эти оказались совсем не последними, и затянувшаяся работа сорвала все мои планы. Так и остался я в Черкесске с зыбкой надеждой на то, что мне удастся завершить работу в более короткие сроки и хоть одну последнюю неделю отпуска отдохнуть от накопившихся проблем и бесконечных никогда не заканчивающихся хлопот.

Я работал целый день и лишь под самый вечер, когда спадала изнуряющая жара, выходил в город, чтобы подышать свежим воздухом и отвлечься от бесконечных сюжетов никак не заканчивавшегося романа.

Как правило, я шел в центральный парк, медленно бродил по его остывающим аллеям в тщетной надежде почувствовать прикосновение прохладного ветерка с далеких вершин сверкающих Кавказских гор.

Мне хотелось отвлечься от повседневности, послушать, как поют невидимые в кронах деревьев птицы, сосредоточиться на главной идее романа, которая все дальше и дальше уходила от меня.

В один из таких дней мое внимание привлек пожилой мужчина, сидевший на скамейке, расположенной несколько поодаль от аллей, по которым струился поток вечно озабоченных людей. У мужчины были редкие седые волосы. Глаза большие, усталые, но не потерявшие еще своего цвета и интереса к жизни, кипевшей рядом с ним. Они смотрели куда-то в одну точку, и было такое ощущение, что они были устремлены в пустоту уходящего дня. Туда, где пролегала незримая грань между временем и пространством. Туда, где не было никого, кроме самого этого человека и его мыслей.

На мужчине был чистый, аккуратный, но довольно старомодный светло-серый костюм. На ногах – тщательно вычищенные светло-коричневые туфли. Такие же аккуратные, но такие же старомодные, как и его костюм.

Когда я проходил мимо него, мне показалось, что он даже не заметил моего непродолжительного присутствия, продолжая, как и прежде, смотреть неподвижным взглядом куда-то в сторону заходящего солнца. Когда же двигаясь в обратную сторону, я снова проходил мимо него, глаза его скользнули вслед, и в них, как показалось мне, мелькнула какая-то затаенная мимолетная мысль. При этом мне неожиданно почудилось, что я когда-то видел уже этого человека, а вернее даже, мне показалось, что я когда-то видел именно выражение этих глаз. Больших, уходящих в мир, неведомый никому кроме него самого.

Я долго искал в своей памяти, но, так и не найдя нужного мне ответа, ушел по аллее, ведущей в сторону от человека, показавшегося мне и странным, и немного знакомым.

Последние лучи солнца, скатившегося за Псыжскую гору, скользили по моим глазам. Откуда-то со стороны Эльбруса, наконец-таки, повеял прохладный ветерок. На минуту стало уютней, но продолжалось это совсем недолго. Ветерок быстро растаял в ветвях деревьев, и все вокруг снова покрылось душной пеленой жаркого изнуряющего воздуха.

На следующий день, также ближе к вечеру, все повторилось вновь. Я увидел того же седоволосого пожилого человека, сидевшего, как и вчера, на той же скамейке. Когда я проходил мимо, взгляд незнакомца снова упирался в неподвижную синеву далекого закатного неба. Мне показалось, что я когда-то видел этого человека. Показалось, но не более. В памяти, как и вчера, не нашлось места для воспоминаний о каких-то событиях, связанных с ним.

Прошло еще несколько дней. Земля и люди ждали дождя. Дождя все не было. Трава все более желтела и окончательно засохла. Листья на деревьях еще больше поблекли, скрючились и покрылись безжизненной пыльной пленкой.

Работа моя не клеилась. Мысли уходили в никуда и не вырисовывалась главная идея задуманного романа.

Я по-прежнему выходил каждый вечер в город, вернее, в Центральный парк города.

В один из таких вечеров, когда я в очередной раз проходил мимо скамейки, на которой сидел заинтересовавший меня человек, он повернулся в мою сторону и, назвав меня по имени-отчеству, с улыбкой пригласил присесть рядом.

Я сперва несколько смутился даже не тому, что он назвал мое имя и отчество, а тону голоса, которым сказаны были эти слова. Спокойным, уверенным, будто разговаривал он с человеком, которого знал давно и совсем близко. Тон его голоса и выражение глаз сразу же нащупали в моей памяти то единственное звено, что связало в единое целое его имя и события, связанные с ним. Сразу же вспомнилось все, что было связано с делами давно ушедших дней.

Шел тогда далекий 1986 год.

III

День рождения Ленина прошел в этот раз как-то буднично и без особых торжеств, как во все предыдущие годы. Это породило в аппарате обкома партии всевозможные слухи и домыслы. Никто не мог понять, с чем связано было такое резкое похолодание к личности вождя революции и как можно было связать это с политикой гласности и перестройки, определенной командой нового генерального секретаря компартии страны.

На следующий день после скромных торжественных мероприятий меня пригласил к себе секретарь обкома партии Николай Львович и вручил анонимную жалобу.

Партия имела большие заслуги перед Советским народом. В ее деятельности было много положительных факторов, но были и отдельные довольно значительные недостатки. Одним из них было отношение к анонимным жалобам, которые рассматривались очень часто на том же уровне, что и официальные заявления.

В жалобе, написанной рукой «доброжелателя», говорилось о том, что руководитель крупного объединения, в котором работало несколько тысяч человек, завел отношения далеко не рабочего характера с ведущей актрисой областного драматического театра. Особо подчеркивалось, что поведение Александра Михайловича кладет тень на светлое имя партии и позорит ее среди многих тысяч людей, видевших своими глазами такое поведение депутата краевого Совета, руководителя крупного трудового коллектива, успешно решающего большие производственные задачи.

Особо подчеркивалась мысль о том, что между Александром Михайловичем и Анной значительная разница в возрасте, что придает их отношениям дополнительные негативные оттенки.

Передав мне жалобу, Николай Львович сразу же обозначил свою позицию по данному вопросу.

– Жалоба серьезная. Она может иметь большие последствия. В то

же время, не забывай, Александр Михайлович – человек, имеющий громадные заслуги перед партией и народом. Он депутат краевого Совета и единственный на Северном Кавказе руководитель крупного производства, имеющий звание доктора наук и лауреата Государственной премии страны. Объединение, которым руководит он, постоянно находится в ряду лучших предприятий отрасли и входит в число победителей Всесоюзного соревнования. Он – член коллегии Союзного министерства и кандидат в члены бюро обкома партии.

В то время я только начинал работать в обкоме партии и принялся с «пионерским» задором разбирать жалобу. Уже на следующий день после того, как я получил поручение секретаря обкома партии, я вызвал на «допрос» Александра Михайловича, затем побеседовал с секретарем парткома и рядом других работников объединения, которым руководил он.

За день до того, как я запланировал пригласить на «беседу» виновницу торжества, меня снова пригласил к себе Николай Львович и попросил вернуть ему жалобу. Я догадался, что где-то переусердствовал в своем желании добиться правды любой ценой и положил на стол все материалы проведенного мной «следствия».

Что стало с жалобой далее, я не знал. Помнил только, что при короткой случайной встрече на очередной партийной конференции Александр Михайлович довольно холодно поздоровался со мной, и в его приветствии и в выражении его глаз было отчетливо видно плохо скрываемое раздражение и осуждение всего того, что было связано со мной и разбором жалобы, который я провел некоторое время назад.

В те времена было мне около тридцати лет. Как многие мои сверстники того счастливого времени я видел мир, окружавший меня, в основном, только в черно-белых цветах. Других цветов и даже оттенков этих самых черного и белого я, как и многие мои друзья и товарищи по работе, не видел и видеть особо не желал. Потому я посчитал все происшедшее тогда и тон голоса, которым поздоровался Александр Михайлович со мной, следствием обиды человека, который не понял меня. Не понял моего желания увидеть правду такой, какой была она на самом деле.

С тех пор мы встречались с ним довольно редко, а после того, как Горбачев и Ельцин разрушили Советский Союз, а вслед за ним заводы и фабрики страны, я вовсе потерял из виду Александра Михайловича, объединение которого пало под «ноги» Гайдара и Чубайса одним из первых в нашей области.

Конечно, тогда в 1986 году, я был удивлен решением Николая Львовича, отстранившим меня от «расследования громкого дела». Знал об этом и Александр Михайлович, которому высказал я свое недоумение по этому поводу во время одной из наших последующих редких встреч. Я тогда так и сказал ему:

– Странно все это. Я так и не понял, где правда и где домыслы в этой истории. Думаю, что все это рано или поздно станет известно.

Потому, наверное, и здоровался он со мной после этого довольно холодно и сдержанно.

С тех пор прошло много лет.

Время не щадит никого. Не пощадило оно и Александра Михайловича. Потому и не признал я его в этот раз.

Теперь передо мной сидел и, грустно улыбаясь, смотрел на меня спокойным дружелюбным взглядом совсем седой человек с глубокими морщинами на щеках и на высоком бледном лбу.

Воспоминания о событиях тех далеких дней и особенно вопрос о том, почему тогда так неожиданно отстранили меня от разбора той самой жалобы, вызвали во мне живой интерес, и после нескольких традиционных вопросов о жизни, здоровье и текущих делах я без лишних предисловий спросил Александра Михайловича:

– Скажите, пожалуйста, если вам не тяжело, что стало причиной того, что у меня забрали тогда жалобу на вас, и куда она подевалась потом.

Мой собеседник не заставил долго ждать ответа.

– Ничего странного и удивительного. Когда я увидел, что вы начинаете переходить грани приличия и готовы были втянуть в разбор жалобы Анну Александровну, я решил переговорить с Николаем Львовичем и прекратить ненужные осложнения и без того непростой и неприятной для меня ситуации. Мы поговорили. Я рассказал ему все, как было без малейших прикрас и утаиваний. Он выслушал и коротко заключил: «Мне все ясно. Будем считать, что эта история для нас с вами закрыта. Идите и работайте. Никто не будет больше тревожить ни вас, ни Анну Александровну». Вот тогда-то и затребовал он от вас ту злополучную анонимную жалобу. Через несколько дней Николай Львович позвонил мне и попросил зайти к нему, – продолжал свой рассказ Александр Михайлович. – Я зашел. Он протянул мне жалобу и сказал: «Мы тут посоветовались с «первым» и решили, что жалоба эта не должна уходить в архив и оседать на полках ненужных страстей и домыслов. Возьмите ее и делайте с ней что хотите». На этом наш разговор закончился. Я взял жалобу и, придя на работу, порвал, а затем и сжег ее. Вот и все, – закончил Александр Михайлович свой рассказ, после чего вопросительно посмотрел на меня.

Его ответ полностью удовлетворил меня, но все равно я не удержался от второго вопроса.

– Извините меня за любопытство, но чем закончилась тогда эта история с Анной Александровной.

После моих последних слов выражение его лица резко изменилось, и он ответил совсем не так, как ожидал того я.

– Говорят, что вы начали писать романы и совсем неплохие?

– Да, – отвечал я. – Не знаю, насколько они хороши и своевременны, но писать я действительно начал и уже вышло в свет несколько романов, на которые обратила внимание российская и зарубежная критика.

– Все ясно. Я прочитал два ваших последних романа. Они произвели на меня неплохое впечат-

ление, но поверьте мне, что я не особо желаю стать героем вашего очередного опуса. Не хочу, чтобы в нем прозвучало и имя Анны. Потому я не смогу сказать вам более ничего о том, как и чем закончилась история, которая, как я вижу, так заинтересовала вас.

После этого он всем своим видом показал, что наш разговор подошел к концу.

Александр Михайлович встал со скамейки, извинился за то, что вынужден был покинуть мое общество, и, коротко попрощавшись, удалился по аллее в сторону улицы Первомайской, где находился дом, в котором он проживал.

Всю последующую неделю время мое оказалось до предела насыщенным бесконечными неотложными проблемами. После их разрешения мысли, сумбурно бродившие в моей голове, наконец-таки получили словесное содержание, и мне удалось завершить написание последних глав затянувшегося романа.

Затем я сразу же вылетел в Москву, где меня уже с нетерпением ждали в известном книжном издательстве. Завершив дела и сдав роман в печать, я добрался, наконец, до отдыха на морском побережье, где и пробыл десять дней оставшегося отпуска.

Вернулся я в Черкесск уже в самом конце лета.

Удивительное время – конец лета.

Вроде бы и солнце светит так же ярко, как в июле, вроде бы и деревья еще такие же зеленые, как месяц назад, но все равно от всего вокруг веет уже чем-то грустным и уходящим надолго или даже безвозвратно.

Листья на деревьях теряют свою свежесть и шепчут всем вокруг о чем-то грустном, светлом, так и неизведанном в который раз. Пение птиц становится тихим, задумчивым, воздух прозрачным и пахнущим грустью грядущей осени.

Я имел обыкновение ходить с работы пешком, проходить по аллеям парка несколько раз и уже с отдохнувшей и немного просветлевшей головой направляться домой.

Так было всегда. Так получилось и сейчас.

Около двух недель кряду я проходил мимо скамейки, на которой сидел обычно Александр Михайлович. К моему немалому удивлению его не было на привычном месте ни одного раза. Я заметил это, но не придал особого значения. Прошло еще некоторое время.

Начало октября выдалось теплым, солнечным, светлым. Иногда казалось даже, что вернулось не вовремя ушедшее лето.

Я сидел в своем кабинете. Только что закончившееся совещание в правительстве произвело на меня тягостное и даже удручающее впечатление. Ни те, кто проводил его, ни те, кто приглашен был на совещание – не понимали, что желают сделать они и что необходимо делать сейчас вообще. Не было главного. Конкретной цели, во имя чего собрались они. Никто не говорил, когда и как построить заводы и фабрики. Как создать рабочие места для населения республики. Как решать социальные проблемы села и города. Были общие, ни к чему не обязывающие рассуждения, непонятные дебаты, неясные цели и задачи.

Невольно вспомнились совещания такого же уровня, проходившие в Советское время. У них была совершенно другая тональность, совершенно другой уровень мышления, другие цели, другие задачи. Секретари обкома партии и руководство облисполкома четко определяли задачи, стоявшие перед трудовыми коллективами области. Вопросы, как правило, шли о производительности труда, рентабельности производства, строительстве новых объектов в промышленности и в сельском хозяйстве. Спрашивали строго, но кадры берегли. Сталинский лозунг «Кадры решают всё» был негласным ориентиром движения вверх, к новым свершениям, к новым рубежам.

Сейчас все было совсем иначе. Вопрос не шел ни о работе заводов и фабрик, ни о новых технологиях, ни о чем-то новом вообще. Мои размышления на эту тему прервал звонок по телефону. Секретарь доложила мне, что со мной хочет переговорить неизвестная женщина. Она не представилась, но сказала, что у нее очень важный для меня вопрос.

Я поднял трубку. На том конце провода прозвучал глухой женский голос.

– Я племянница Александра Михайловича. К сожалению, его уже нет в живых. Я выполняю его последнюю просьбу. Если вам не тяжело, то подъедьте, пожалуйста, по адресу. – Она назвала улицу, номер дома и квартиру. – Мне необходимо передать вам небольшой пакет. Это воля покойного.

Известие о кончине Александра Михайловича меня огорчило. Не откладывая в долгий ящик, я в тот же день выехал по указанному адресу. Дверь открыла высокая женщина средних лет с большими темно-карими глазами. Глаза смотрели на мир немного удивленно и в то же время добро и устало, в них был вечный вопрос, на который не смог ответить еще ни один мужчина.

Я прошел в зал. Экран телевизора закрыт был темной занавеской. На столе – портрет Александра Михайловича, обрамленный черной траурной лентой. На портрете он был таким, каким видел я его много лет назад.

Женщина, по-видимому, ждала меня. На краю стола лежал небольшой пакет с бумагами. Его и вручила мне племянница покойного.

Вечером того же дня я открыл пакет и начал знакомиться с записями, сделанными беглым неровным почерком. Начав читать их, я сразу же понял, почему Александр Михайлович просил передать их именно мне.

Это были записи, описывавшие события, о которых шла речь в той злополучной жалобе, которую поручили разбирать мне много лет назад.

Прочитав их до конца, я пришел к невольному выводу: события, происшедшие в те далекие годы, описаны настолько ясно и четко, что их можно было не перерабатывать, а просто поведать читателю как самостоятельную часть истории, которая осталась для меня так и не понятой, несмо-

тря на то, что я внимательно прочитал дважды с самого начала до конца записи, сделанные Александром Михайловичем.

Придя к такому выводу, я и решил сделать так, как показалось мне правильным.

Теперь уже читателю судить о той истории, которая произошла много лет назад. Он писал...

IV

«После встречи и разговора с ...., – тут шли мои фамилия, имя и отчество, – я понял.

События, описанные в той жалобе, могут быть неверно истолкованы сегодня теми, кто был очевидцем странной истории из моей жизни. Истории, которая по неведению ее подробностей может положить тень на имя честной кристально чистой девушки, если не поведать людям, помнящим ее и события, связанные с ее именем, всю правду.

Потому и решил я взяться за перо и рассказать все, как было. Мне показалось, что мой рассказ о тех днях хоть как-то искупит мою невольную вину за все то, что произошло тогда, и за ту роль в безрадостных событиях далекого времени, участником которых стал я в те дни.

А дело было так.

В один из теплых майских вечеров я возвращался с работы. Шел пешком. У меня была давно уже выработавшаяся привычка – с работы идти пешком.

Неспешный вечерний променад давал возможность отдохнуть голове, обдумать события ушедшего дня, спланировать работу на день завтрашний. Дела в объединении шли совсем неплохо. Мы провели монтаж и пробный запуск полученного с Урала оборудования, позволявшего выйти на качественно новый уровень организации производства и сделать пробный выпуск продукции, не уступавшей по своим характеристикам лучшим образцам зарубежного производства. На пуске конвейера присутствовал секретарь обкома партии Николай Львович. Он тоже остался доволен достигнутыми результатами, хотя и не говорил вслух громких слов.

Теперь монтажникам и наладчикам оборудования оставалось сделать только несколько незначительных доводок конвейерной линии и станков с программным управлением с тем, чтобы запустить процесс массового выпуска продукции особого назначения. Объединение работало на оборонный комплекс страны, и потому качество выпускаемой продукции имело особое значение.

Мои размышления прервал голос моего друга Султана. Занятый своими мыслями, я просто не заметил, как он вышел из здания обкома партии и догнал меня. Султан работал начальником управления культуры облисполкома. На эту должность он попал совсем недавно. До этого он работал инструктором обкома партии.

Лицо у Султана веселое. Видно, у него состоялась какая-то добрая беседа в его бывшем ведомстве. Так оно и оказалось. Уже через пару минут он поведал мне, что только что был на приеме у «первого». «Первым» в народе традиционно называли первого секретаря обкома партии, который имел в те времена неограниченную власть в области.

Султан рассказал: «На днях планируется выезд делегации нашей области на дни культуры и искусства Карачаево-Черкессии в Республике Абхазия. Руководить делегацией будет заместитель председателя облисполкома. Я как министр культуры назначен его заместителем, – поведал он далее. – «Выезд через 2 дня. Мне предстоит теперь нелегкая работа, – продолжил свой рассказ Султан. – Поехать в составе делегации хотят многие. В то же время число членов делегации ограничено. Поедет государственный ансамбль песни и танца «Эльбрус», русская труппа областного государственного драматического театра, несколько писателей, поэтов, композиторов, ученых историков и филологов», – закончил свою мысль Султан.

Затем после некоторой паузы он добавил: «Мне поручили включить в состав делегации еще одного депутата краевого или областного Совета народных депутатов».

Потом лицо Султана расплылось в довольной улыбке, и он неожиданно предложил мне: «Слушай. Давай я предложу включить в делегацию тебя. Ты уже несколько лет не был в отпуске. Вот и отдохнешь от своих забот и хлопот хоть пару-тройку дней. Тем более что ты абазин и хорошо понимаешь абхазский язык. Помимо этого, я знаю, что у тебя имеется много друзей и знакомых в Абхазии», – заключил свою мысль Султан и вопросительно посмотрел на меня.

Выслушав его предложение, я подумал: «Монтажники и наладчики оборудования выезжают завтра на Урал в Свердловск. Они должны «доработать» необходимые детали и агрегаты конвейера и станочного парка для окончательного запуска их в производство. Им необходимо на поездку и уточнение особых моментов эксплуатации у проектировщиков не менее двух недель. Этого времени было вполне достаточно для того, чтобы съездить в Абхазию, где у меня действительно было множество друзей и близких знакомых».

Я решил дать согласие на поездку в Сухуми.

Так совсем неожиданно я попал в состав делегации, которая через два дня должна была выехать в сторону благодатного края по ту сторону Кавказских гор. Так все и произошло.

Колонна нашей делегации состояла из трех новеньких автобусов Икарус, двух служебных автомобилей и автомобиля ГАИ, сопровождавшего нас.

Ехали медленно.

Делегация большая. Половина – женщины. Как известно, в дороге у женщин проблем много. Гораздо больше, чем у мужчин. Потому колонна останавливалась через каждые два-три часа. При этом женщины отходили подальше от машин со словами:

– Пора уже и носик попудрить, да и на себя в зеркало посмотреть.

На одной из таких остановок я обратил внимание на высокую светловолосую девушку лет 25–26. Выделялась она из общей массы женской части нашей делегации не только довольно высоким

ростом, но и особой осанкой и посадкой головы, которые позволяли ей как-то царственно и снисходительно смотреть на мир вокруг себя.

Когда я повнимательнее присмотрелся к ней, то увидел: глаза у нее большие, серые. Когда она поднимает их, то они на мгновение вспыхивают то ли холодным, то ли вопросительным блеском. Ходит медленно, говорит ровно, взгляд спокойный, уверенный, уходящий то в собеседника, то внутрь себя. Улыбается не часто, но когда эта редкая улыбка скользит по ее лицу, оно становится каким-то теплым и немного беспомощным. Все ее движения скупые. Короткие фразы и сдержанная форма общения с подругами и попутчицами говорили о властных сторонах ее характера. В них были и спокойствие, и уверенность женщины, познавшей грозную силу своей красоты.

Мое внимание к ней было совершенно непроизвольным и неакцентированным. Просто она резко отличалась от всех, и потому я и выделил ее из толпы.

Абхазия встретила нас как самых дорогих гостей. На границе делегацию ждали хлеб, соль, вино, фрукты, искренние улыбки и такие же искренние рукопожатия. В этот вечер правительство Абхазии устроило банкет в честь нашего приезда. На банкете говорили много о дружбе, кровной связи народов Кавказа, особой роли русского народа, скрепившего воедино интересы всех народов нашей страны.

Часа через два после открытия застолья тамада объявил перерыв. Все вышли во двор. Начались танцы.

Я часто слышал от своих знакомых, что души абхазов созданы Всевышним из теплых улыбок, чудесного многоголосия и огненных танцев. Глядя на них в этот момент, я думал: «Абхазы – добрый хороший народ. Они прекрасно поют. Но все равно, большая часть их души соткана из ритмов прекрасных танцев, уносящих людей куда-то высоко за облака. Туда, где, распластав крылья над вечностью, летели в неизвестность бездонного неба гортанные кавказские орлы».

Прошло несколько минут. По кругу полетели распростертые, как крылья этих самых орлов, большие сильные руки. Они увлекали людей куда-то за облака. Туда, где чистое небо пронзали своим беспокойным клекотом далекие птицы. Птицы, уносившие в никуда мечты и надежды людей, сотворенных Всевышним из песка и глины.

Мой взгляд, скользивший по силуэтам и лицам людей, объятых все испепеляющим пламенем танца, несколько раз невольно останавливался на их глазах. Их тела были здесь, на земле. Глаза там, в далеком небе. Они все летели и летели над грешной землей, унося весь этот оцепеневший мир куда-то в никуда своим танцем.

Сам я ни петь, ни танцевать не умел. Возможно, потому так завороженно смотрел на них, прикоснувшихся на мгновение к божьей искре. В голову неожиданно пришли стихи известного абазинского поэта, который писал:

«Беспечно светлые восторги
Как в первый день, как в первый раз,
Но часто, безотчетно вздрогнув,
Готов пуститься в вечный пляс,
Но танцевать я не умею.
И как на тени чародеев
Смотрю на пляшущих на вас».

Когда я оглядывал громадный зал, где находилось большое количество людей, мой взгляд снова непроизвольно остановился на Анне. Она вместе со своей старшей подругой, заслуженной артисткой России Лилей Озовой, стояла чуть в стороне от круга людей, вовлеченных в божественный танец, и разговаривала с пожилой актрисой Абхазского театра.

В том, что мой взгляд остановился именно на ней, не было ничего удивительного. Она заметно выделялась не только ростом, но чем-то еще, трудно уловимым, эфемерным, так и не понятным мною. То ли скромной прической ровно уложенных красивых светло-русых волос, то ли такой же скромной одеждой, подчеркивавшей ее особый вкус, то ли чем-то еще, неуловимым, но существовавшем явно и очень даже зримо.

Она и ее собеседницы стояли так, как стоят обычно люди, не стремящиеся в круг для танцев и не особо жаждущие того, чтобы их пригласили туда. Но в том, как стояли они, было и что-то другое. Они стояли так, что отчетливо обозначалось их нежелание быть в общей массе людей. В то же время, так, чтобы они были хорошо видны всем тем, кто находился в большом многолюдном зале.

Я не успел додумать еще свои мысли на эту тему, как из круга танцующих вылетел высокий гибкий молодой человек лет тридцати. Он был элегантен, статен, божественно красив. Сделав плавный круг вокруг Анны и ее спутниц, он остановился перед ней и изящным кивком головы пригласил ее на танец.

Та спокойно посмотрела на него. В ее взгляде не было ни удивления тому, что он вышел из круга и пришел пригласить ее на танец, ни радости, ни отрицательных чувств.

Мне показалось даже, что она похожа была в эту минуту на сказочную королеву, милостиво осматривавшую своего верноподданного, который обязан был сделать так, как сделал он. Через мгновение после этого она показала ему жестами, что говорит с подругами и не особо желает прерывать свой разговор ради танцев. Кавалер все это увидел и, ничуть не удивившись полученному отказу, повторил свое приглашение. Весь его вид говорил: «Я понимаю, «Ваше Величество», что вы танцуете не со всеми, но со мной вы обязаны станцевать».

Кавалер был настойчив.

Окружавшие их люди увидели эту сцену и с интересом ожидали, чем ответит русская «королевна» на предложение абхазского «принца». Та еще несколько мгновений подождала с ответом и потом милостиво улыбнувшись двинулась в сторону «принца». «Принц» был совсем не маленького роста, выше 180 сантиметров, но все равно он оказался чуть ниже, чем Анна стоявшая на высоких каблуках.

Пока они шли до круга танцующих и зрителей, у меня мелькнула мысль: «Анна русская. Как будет танцевать она национальный танец. Абхазские танцы дано станцевать не каждому и не каждой. Абхазские танцы – это особый дух, особая ритмика, особая пластика, особое состояние души человека».

Возможно, понимание этих нюансов и привлекло пристальное внимание хозяев к тому, как шла исполнять их танцы русская девушка. Шла спокойно, ровно, словно предстояло ей исполнить не один из самых трудных и изумительных танцев в мире, а обыкновенный гопак или трепак. Спина ровная. Шея с горделивым изгибом. Голова слегка наклонена вперед, и вся ее грациозная величественная фигура плыла, как корабль по легким волнам, устремленный одновременно и вверх, и вперед.

Как и многие другие, находившиеся в зале, я невольно обратил внимание на происходившее событие. Тем временем Анна вошла в круг, остановилась на мгновение, чтобы поймать ритм танца, и неожиданно для всех и для меня тоже, поплыла по кругу в такт мелодии лившейся из горячих тел гармошки и барабана. Поплыла уверенно, словно танцевала она эти танцы с малых лет, впитав в себя их суть с материнским молоком. Она дважды прошла по кругу, все более и более входя в свою новую роль. Плыла уверенно и спокойно. Плыла со снисходительной улыбкой на большом красивом лице, словно одаривая особой милостью кавалера, летевшего, как настоящий ширококрылый орел, рядом с ней. Анна все так же милостиво улыбалась ему, и лишь внимательный взгляд мог увидеть, что манера исполнения ею абхазского танца имела то ли абазинский, то ли черкесский «акцент».

Гармошка и барабан все более ускоряли ритм танца, кавалер Анны все выше взлетал над грешной землей, и было такое ощущение, что он не желает уже вообще опускаться на нее и хочет лететь все выше и выше вверх. Лететь, унося с собой в неизведанную даль прекрасную лебедь из холодной северной стороны Кавказского хребта. Полет орла закончился неожиданно быстро. Видно, этого не ждал и сам «орел». Потому немного растерянно смотрел он на то, как Анна, остановившись посреди круга, слегка кивнула ему головой, благодаря за танец, и пошла в сторону своих подруг, хлопавших все это время в ладоши и подбадривавших ее отдельными громкими выкриками.

Я заворожено смотрел на эту сцену. Откровенно говоря, я не ожидал такого поворота событий с самого начала действия, предполагая конфуз, который должен был ожидать «Русскую красавицу», осмелившуюся станцевать абхазский танец.

В то же время я подумал: «Теперь начнется. Теперь Анне предстоит нелегкое время. Ее начнут приглашать на танец. Пригласят не раз и не два».

Так все и произошло. Вскоре к ней подошел мой хороший знакомый – министр культуры Абхазии. Он согласно абхазскому этикету остановился в нескольких метрах от нее и приветливым, подчеркнуто вежливым кивком головы пригласил ее на танец. Анна оценивающе смотрела на него пару секунд, подумала и затем, улыбнувшись, направилась в его сторону, принимая приглашение.

Так повторилось несколько раз. В конце концов, дошла очередь и до председателя правительства Абхазии. Бравый грузин не сдержался от добрых чувств и тоже подошел к Анне, приглашая ее на танец, когда гармонист заиграл грузинскую народную мелодию «Картули».

Анна одарила милостью и его. Одарила спокойно и уверенно, как умеют делать это настоящие королевы из сказок Андерсена или братьев Гримм. И грузинский танец она станцевала уверенно и красиво. Видно, у нее была хорошая мера готовности в исполнении национальных танцев.

Я смотрел на происходящее, понимая, что ставки растут и растут, пока не поймал вдруг себя на мысли о том, что я и сам станцевал бы с ней. Но, к сожалению, танцевал я совсем плохо, и понятно было, что на фоне искусных танцоров, коими оказались министр культуры и председатель правительства Абхазии, я буду выглядеть нелепо и даже смешно.

Эта мысль остановила меня, и я продолжал смотреть на происходящее со стороны.

Тут-то и произошло то, что поразило всех и меня тоже. Неожиданно к Анне подошел «хозяин» Абхазии. Первый секретарь обкома партии Борис Викторович, довольно высокого роста, волосы густые, немного волнистые, глаза большие, внимательные. В них главная мысль: «Я не забыл, что я в первую очередь мужчина и абхаз, и только уж затем первый секретарь обкома партии».

Борис Викторович так же выжидательно остановился около Анны, и как всякий абхаз галантным движением головы и рук пригласил ее на танец. Все предполагали, что Анна безотлагательно и с радостью примет приглашение «хозяина» Абхазии, которого редко удостаивались многие другие женщины.

Но неожиданно для всех все вышло совсем не так. Анна не заулыбалась и не сдвинулась даже на шаг вперед, как сделала бы на ее месте любая из тех женщин, что находились в зале. Конечно же, она знала кто такой Адлейба. О личности этого человека не раз заходил разговор в автобусе во время поездки делегации от Черкесска до Сухуми. Она не могла не слышать, как в восторженных тонах говорили о нем поэты и писатели, знавшие его раньше. Говорил много лестных слов о нем и тамада застолья, когда предоставлял ему слово для приветствия делегации Карачаево-Черкессии.

Борис Викторович высок, строен. Глаза большие выразительные. Они внимательно, немного недоуменно и вопросительно смотрят на Анну, стоящую перед ним. Пауза затянулась.

Во всей фигуре Анны и в ее взгляде нет ни вызова, ни тени самомнения. В ее взгляде можно прочитать только одно: «Если вы пришли пригласить меня на танец как первый секретарь обкома пар-

тии, я, конечно, приму ваше приглашение. Это мой долг перед «хозяином дома». Приму, независимо от того нравится это мне или нет. Но если вы пришли пригласить меня как мужчина и абхаз, я сделаю это с удовольствием. С большим удовольствием. Решайте! Кто вы? От этого будет зависеть многое. И мое желание сделать то, что хотите вы, – тоже».

Вся эта немая сцена длилась всего несколько секунд, но Борис Викторович прекрасно понял, чего ждут от него. Видно, даже кабинет 1-го секретаря обкома партии не убил в нем дух мужчины и абхаза. Он не показал своего недовольства затянувшейся паузой. Более того, по его губам пробежала добрая понимающая улыбка, которую при желании можно было понять: «Я понимаю, что вы «королева». Понимаю, что я только руководитель небольшой республики. Я подошел к вам как мужчина, умеющий ценить красоту и женское совершенство. Теперь вам решать, что делать дальше».

Они поняли друг друга. «Королева» улыбнулась и сделала шаг в сторону Великого абхаза. Она признала в нем мужчину, достойного особого внимания.

Я видел, как заметно потеплели и заулыбались глаза Бориса Викторовича. Видно, он и сам получил удовольствие от той мысли, что в нем признали самое главное. Он не только хозяин Абхазии. Он мужчина. Мужчина, достойный внимания «королевы».

Зал замер в ожидании завершения этой дуэли. Замер и затем взорвался громом аплодисментов, когда Анна, тепло улыбнувшись, подала руку Борису Викторовичу.

Музыканты грянули знаменитую мелодию Рица. Борис Викторович сделал «круг почета» вокруг Анны. Она увидела. Орел полетел. И, взмахнув своими крылами, она полетела вслед за ним. Летела долго, пока Борис Викторович не остановился сам и не захлопал в ладоши в такт музыке, благодаря ее за прекрасно исполненный танец. Видно было, что танец и реакция Анны на его приглашение доставили ему истинное наслаждение. Вернее даже, он получил удовлетворение от той мысли, что большой кабинет и большие эполеты не убили в нем главного. Он как был мужчиной, так им и остался. Это признала сама «королева». Признание такой королевы дорого стоило. Потому и улыбался, тепло и радушно, Борис Викторович, покидая банкет по своим неотложным делам.

Анна в тот вечер больше ни с кем не танцевала.

Тамада осыпал ее вниманием и, в конце концов, предоставил ей слово. Анна сказала коротко, но как-то емко и с большим смыслом. Хлопали ей долго и искренне.

На следующий день я встретился с Борисом Викторовичем. Мы давно уже знали друг друга. В свое время я встречался с ним в Очамчирском районе, где он работал тогда первым секретарем райкома партии. С тех пор у нас были с ним добрые дружеские отношения. Приезжал я к нему и в конце семидесятых годов, когда его назначили первым секретарем Абхазского обкома партии. Приехал. Поздравил. После этого мы нередко созванивались с ним по телефону и несколько раз встречались в Москве, когда совпадали даты нашего приезда в столицу.

Мы посидели с Борисом Викторовичем совсем немного. Полчаса. Не более. Когда я выходил из его кабинета он спросил:

– Как тебе понравилось мое соло с вашей «королевой». Я ответил ему так, как думал.

– Королева была хороша. Но ты не уступал ей. Вся наша делегация отметила, что ты как был настоящим мужчиной, так им и остался.

Он довольно заулыбался, услышав мой ответ.

Вечером того же дня мы сидели с ним на спектакле, который давал наш театр для жителей Сухуми. Зал Абхазского драматического театра был заполнен до отказа. Десятка два зрителей сидели около стены на обыкновенных стульях, занесенных в зрительный зал. Спектакль прошел на прекрасном уровне. Зрители многократно вызывали артистов на бис. Засыпали их цветами. Особенно много цветов досталось Анне, исполнившей главную роль в спектакле.

Когда помощник Бориса Викторовича поднес ей громадный букет роз и что-то сказал на ухо, она посмотрела в нашу сторону, махнула рукой и радостно заулыбалась.

В тот же день уже ближе к вечеру я вышел погулять на набережную Сухуми. Со мной были два моих старых добрых товарища Алеко Алексеевич Гварамия и Олег Багратович Шамба. Мы сидели в ресторане Амра, что располагался на пирсе, уходившем вглубь Сухумской гавани. Столик наш находился на втором этаже в тени большого разноцветного зонта. С того места, где он располагался, открывался чудесный вид на бескрайние морские просторы. Легкий ветерок курчавил изумрудную поверхность моря. Слышно было, как под нами бились волны о пирс, как иногда над нами кричали что-то людям седокрылые чайки. Кричали о вечности, до которой никак не могли дотянуться, кричали о боли своей, которую никак не могут увидеть люди. Что это была за боль и почему чайки кричали о ней так громко – я не знал. Но твердо знал другое. Так было до меня. Так было сейчас. Так, по-видимому, будет всегда, пока видит и слышит человек. Человек, которому не дано познать тайну своего создания и своего места в бесконечности времени и пространства.

Мои друзья, как и я, сидели завороженные чудом откровения, когда разум человека на мгновение соприкасался с вечностью и растворялся в ней.

Алеко Алексеевича хорошо знали в Абхазии. Он знаменитый математик, один из лидеров своего народа, который за пеленой таинственных математических символов не забыл голос предков. Ему прочили большое будущее в науке. Он уже и тогда был очень заметной фигурой в мире математиков Союза, где о его имени говорили всегда с большим уважением.

Олег Багратович – экономист. Он изучал региональные экономические системы. Иногда обращался за консультациями и ко мне как к человеку, который пришел в экономику от станка, из гущи тру-

довых коллективов, их проблем и их реалий.

Официант довольно быстро накрыл нам стол. Еды было много. Спиртного всего одна бутылка.

Мои собеседники, как и я, не особо дружили с вином и водкой. Потому и стояла одинокая бутылка «Апсны» на нашем столе просто для украшения.

В неспешной беседе прошло более полутора часов. Говорили о многом. В основном, о проблемах взаимоотношений абазин и абхазов, о путях сближения двух составляющих единого народа Абаза, разбросанных по многим странам мира. Самые большие общины нашего народа находились в Турции, Советском Союзе, Сирии и Иордании.

Общины были, но единого литературного языка, единого алфавита и единой письменности у нашего народа не было. Об этом и шел наш разговор. Разговор нелегкий, трудный. Тема была далеко неоднозначная, с множеством подводных камней, не сразу же видимых непосвященному в эту проблему человеку.

Все понимали, что эту проблему нужно решать. В ней будущее нашего народа. Все это было ясно, но ясно было и другое. Проблема была настолько велика и трудно разрешима, что над ее реализацией придется работать еще не одному поколению нашего народа. Работать до тех пор, пока абхазы и абазины не поймут. Или мы найдем общий взаимоприемлемый вариант решения этой проблемы или наш народ будут ждать в будущем не самые лучшие времена.

Мы рассуждали на эту тему уже не в первый раз. Каждый из нас имел свое понимание проблемы. Каждый видел свое. Утешало только одно. Все мы понимали особую значимость этого вопроса и думали над тем, как решить его.

С места, где находился наш столик, хорошо было видно, как медленно уходит за далекую кромку горизонта усталое солнце с грустной прощальной улыбкой. Горизонт тонул в синеве моря и сливался с последними лучами светила, уносившими в неведомые края надежды и чаяния людей прекрасного приморского края.

В это время мой взгляд упал на набережную и остановился на Анне, сидевшей на скамейке в тени большого эвкалипта. Она была одна и задумчиво смотрела на то же солнце, на которое смотрел я несколько секунд назад.

На Анне было легкое бело-голубое платье. На ногах – белые босоножки.

Пока я с удовольствием рассматривал «чудесное видение», в ее сторону направлялись два молодых человека, явно желавших завести знакомство с ней. Продолжая разговор со своими друзьями, я начал поглядывать вниз. Туда, где на скамейку, на которой сидела Анна, подсели эти самые молодые стройные парни. Они были явно местные. Вернее всего, из тех красавчиков, которых в народе называли «съемщиками». Оба прекрасно одеты. Оба вели себя уверенно и даже немного развязано.

Я смотрел на то, как они «закидывают удочки». Спокойно, деловито, уверенные в своей неотразимости и в успешном итоге начатых «переговоров». Видел я и то, что Анна совершенно не реагировала на их слова и их действия, будто их не было рядом вообще. Затем, по-видимому поняв, что от них просто так не отвяжешься и они уже не отступят от своих планов, она попыталась встать со скамейки, но не тут то было. Ребята с двусмысленной улыбкой не дали ей подняться с места. Вроде бы они и улыбались, но улыбки на их лицах были уже не самые добрые. Видно, они знали свои силы и свои возможности. Я увидел растерянное выражение лица Анны. Видно, она не ожидала такого поворота событий и растерялась от наглости и хамства своих новых ухажеров, поняв, что попала в крайне неприятную ситуацию.

В следующее мгновение я встал из-за стола и, извинившись перед друзьями, быстро направился по лестнице, ведущей из ресторана в сторону набережной. Через пару минут я был уже около ребят и Анны.

Увидев меня, Анна приободрилась. Лицо ее стало по-прежнему строгим и уверенным. По моему виду она сразу же догадалась, что ее в обиду дадут. Я был еще в том возрасте, когда сила не ушла из моего тела. Уверенность в своих возможностях не покинула еще меня. Спортивное прошлое и семнадцать лет, проведенных мной на бойцовском ринге, внушали мне уверенность в том, что я не опозорю «честь абазинского флота».

Ребята, увидев мой решительный вид, поняли, что будет «махаловка» и, встав со скамейки, двинулись в мою сторону. Все это происходило без слов, очень быстро и однозначно. Все было ясно и так.

В глазах Анны я поймал на мгновение торжествующие искры. Она как всякая девушка не могла не оценить шаг мужчины, пришедшего ей на помощь в трудную минуту и готового биться за нее.

В это время я увидел, что выражение лиц ребят резко изменилось. Они почему-то сразу сникли и стали без слов уходить от меня. Я оглянулся и увидел, что ко мне подходит Алеко Алексеевич.

Видно, он, не поняв моего поспешного ухода из-за стола, пошел вслед за мной. Алеко, как и я, боксер. Его «особые качества» в Сухуми знали хорошо. Потому и услышал я, как обескураженные его видом ребята, отойдя на несколько метров от нас, без долгих раздумий сказали:

– Алеко Алексеевич, извини. Мы не знали, что он с тобой.

Через минуту после этого мы втроем поднялись на верхний ярус ресторана, где располагался наш столик. Алеко сразу же узнал Анну. Он был на том самом банкете, где она выступала в роли «королевы бала».

Алеко Алексеевич сделал новый заказ. Теперь на столе появились шампанское, фрукты и коробка дорогих московских конфет. Абхазы всегда остаются абхазами. Они умеют ухаживать за женщинами. Особенно за такими, как Анна.

Оказалось, что мои друзья пить умеют и даже совсем неплохо. А говорить – тем более.

Вскоре она забыла о неприятном инциденте на набережной

и улыбалась своим новым знакомым широко и радостно. Просидели мы в ресторане еще часа два-три. Анна услышала от моих друзей массу комплиментов и добрых слов. Ближе к 11 часам Анна засобиралась к себе на турбазу, где размещена была основная часть нашей делегации. Руководство делегации и я в том числе располагались в гостинице обкома партии, которая находилась в другом месте, совсем недалеко от набережной, где и сидели мы в то время.

Алеко Алексеевич хотел вызвать такси, но к нему подошел один парень и сказал:

– Алеко Алексеевич! Вы ищите такси. Не нужно. Я и мой товарищ отвезем вас и ваших друзей куда вы скажете.

Удивляться такому повороту событий я не стал, ибо знал, каким громадным авторитетом в Абхазии пользуется мой старший товарищ. Через несколько минут мы попрощались.

Алеко Алексеевич и Олег Багратович сели в одну машину, мы с Анной – в другую.

Минут через 10 после этого красивая новая Волга бежевого цвета довезла меня и мою спутницу до ворот турбазы. Я поблагодарил водителя и пошел провожать Анну.

Неожиданно для меня она както совсем по-свойски оперлась о мою руку и зашагала по аллее, ведущей в центральный корпус, где находилась ее комната. Я понял. Это жест благодарности девушки за все то, что смог сделать я для нее в этот вечер.

Когда мы подошли к лестнице, ведущей в вестибюль здания, она отпустила мою руку. Остановилась. Внимательно посмотрела на меня и, кивнув головой на прощание, коротко сказала:

– Спасибо. Спасибо за все. Я умею отвечать добром на добро.

С этим она и ушла к себе.

Когда я вернулся в гостиницу, дежурная подала мне телеграмму. Неотложные дела требовали моего срочного возвращения в Черкесск. В ту же ночь я уехал домой, известив об этом Султана и руководителя делегации.

Несколько позднее газета «Ленинское знамя» напечатала отчет о поездке нашей делегации в Абхазию. Статья в восторженных тонах рассказывала своим читателям о том, как живет далекий благодатный край, о его успехах в развитии отраслей народного хозяйства республики, о вновь построенных дорогах и линиях электропередач, заводах и фабриках. Ничего удивительного во всем этом не было. Вся страна, как и братская Абхазия, шла тогда уверенно вперед и, как казалось всем нам, без оглядок по сторонам.

Видно, все это нам действительно только казалось. Последующее время показало, куда повели великую страну Горбачев и его команда.

А пока мы жили в счастливом неведении и верили в нерушимость и величие великой страны Советов.

В самом конце статьи указан был перечень лиц, особо отличившихся во время посещения братской республики. Среди них значилось и имя Анны, которой присвоили звание заслуженной артистки республики Абхазии.

Чуть позднее Султан рассказал мне, что он был против этого решения. Против не потому, что он считал Анну недостойной этого почетного звания, а лишь потому, что согласно существовавшего положения для получения этого звания артист или артистка должны были иметь в своем арсенале как минимум 10 лет стажа работы на сцене и особые заслуги в области театрального искусства.

Заслуги у Анны были. Она уже несколько лет исполняла главные роли в спектаклях областного театра. Заслуги были, но необходимого стажа работы не было, уточнил свою позицию по этому вопросу Султан.

Абхазская сторона внимательно выслушала его мнение и коротко ответила: «Присуждаем звание мы, а не вы. Она так прекрасно играла на сцене и так прекрасно танцевала абхазские танцы, что ни одно положение, существующее у вас в России, не может изменить нашего мнения и принятого решения. Тем более что это мнение самого Бориса Викторовича», – добавили они.

После этого Султану не оставалось ничего более, как согласиться с их мнением. Немного подумав, Султан добавил:

– Ты знаешь, эта пава очаровала всю Абхазию. О ее игре на сцене в восторженных тонах писала местная пресса. Так что я думаю, что она заслужила ту награду, которую получила из рук Председателя Президиума Верховного Совета Абхазии товарища Кобахия. Ты бы видел, сколько лестных предложений сыпалось на голову этой особы, – добавил он. – После твоего отъезда ее каждый вечер приглашали на какое-нибудь мероприятие. Приглашали одну, но шла она на все эти мероприятия только в сопровождении своих подруг. С ними и возвращалась она после всех встреч, которые заканчивались банкетами или застольями в ресторанах. Этим она еще более очаровала абхазскую сторону, увидевшую в ней образец честности и порядочности. Ее осыпали вниманием и подарками, но вернулась она домой все той же Анной. Я видел, как ей оставляли свои визитки самые важные и значительные лица Абхазии. Она брала их, тепло улыбалась всем, благодарила за внимание – и все. Я так почему-то думаю, что на все эти визитки она так и не взглянула после нашего приезда в Черкесск, – закончил свой рассказ мой товарищ.

С тех пор прошел почти год. Дела в объединении поглотили всего меня, и в моем жестком режиме работы не оставалось даже одного свободного часа для того, чтобы увидеть все иное, что происходило вокруг меня. Я в буквальном смысле дневал и ночевал в своем рабочем кабинете.

Наконец работа нового конвейера и современного оборудования была налажена в полном объеме. Начался выпуск продукции необходимого качества, которую с нетерпением ждали в оборонном комплексе страны.

Снова пришла весна. Прошли первомайские праздники. Прошли как-то не совсем празднично и светло, как бывало это ранее.

Наступило 9 Мая.

9 Мая – это особый праздник. Он даже не столько государственное мероприятие, сколько ликование народов всего Советского Союза, переживших самую страшную войну в истории человечества. Это был восторг, смешанный с болью потерь, понесенных каждой семьей нашей страны.

После окончания демонстрации я шел по улице Ленина в сторону центральной площади, где должен был собраться коллектив нашего завода после окончания парада. На углу улиц Ленина и Горького неожиданно я увидел Анну. Она держала за руку мальчика лет 5–6-и и внимательно смотрела в сторону площади, выискивая кого-то в бесконечной толпе людей, сновавших вокруг нее.

Я остановился и подумал:

– Подойти или нет. Не поставлю ли я ее в неловкое в положение своим появлением.

Пока я раздумывал над этим вопросом, Анна, приняв какое-то решение, пошла в сторону центрального парка, по-прежнему держа за руку симпатичного мальчика, внимательно разглядывавшего все вокруг себя.

Я на минуту замешкался, не зная, что делать дальше. Пока я размышлял над вопросом – удобно ли будет подходить к ней, когда она кого-то ищет и не поставлю ли я ее в неловкое положение своей невольной радостью от встречи с ней – Анна затерялась в беспокойной массе людей, высыпавших на улицу в этот день. Когда я уже почти смирился с мыслью о том, что приятная для меня встреча с Анной, к сожалению, не состоится, неожиданно я увидел ее голову в другом конце парка.

Анна была очень высокая девушка. Помимо этого высокие каблуки, на которых стояла она в этот день, заметно выделяли ее из общей массы людей.

Увидев ее, я перестал раздумывать о этичности или неэтичности своего желания подойти к ней и сразу же принял решение. Догоню и поговорю с ней. Посидим где-нибудь в кафе, вспомним поездку в Сухуми, заодно расскажу ей, как складывались события вокруг присвоения ей звания Заслуженной артистки Абхазии.

С этой мыслью и отправился я в ту сторону, где мелькнула минуту назад голова Анны.

Шел я широким шагом, ибо за это время она успела уйти от меня метров на сто-сто пятьдесят. Я помнил, что Анна с ребенком, и потому понимал, что идти быстро она не сможет, и я довольно быстро догоню ее. Теперь главное было в том, чтобы не потерять ее из виду.

Людей, высыпавших на улицы города, было огромное множество, но все равно проследить за Анной было совсем не трудно, ее голова увенчанная, туго сплетенной русой косой, постоянно выделялась из общей массы.

Кем доводился ей ребенок, которого держала она за руку, можно было только догадываться. То ли ее сын, то ли близкий родственник.

Когда я вышел из парка через юго-западный выход, то увидел бабушек, продающих цветы. У абазин считается признаком дурного тона или чем-то еще не очень хорошим покупать цветы женщинам. Но все равно я почему-то решил купить букет цветов. Оглядев бегло все, что предлагали продавщицы, я пришел к выводу, что все букеты неказистые. Потому взял два букета и, соединив их воедино, направился дальше по улице Первомайской в ту сторону, где находились Анна и ее маленький спутник.

Минут через 10 я догнал их. В это время Анна, словно почувствовав мое приближение, оглянулась. Наши взгляды встретились. Я без слов протянул ей букет и, стараясь сохранить хотя бы внешнюю форму приличия, изобразил на лице вежливую улыбку. Тут же я невольно вспомнил прошлогоднюю картину, когда перед Анной стоял в ожидании «приговора» великий Адлейба. Почему-то в этот момент я прочитал в ее взгляде примерно то же самое, что было в нем тогда, в Сухуми. Мне показалось, и я уверен до сих пор в том, что в ее глазах было написано:

– Кто дарит мне букет? Директор объединения? Депутат? Лауреат? Человек, который привык к тому, что все уважают и обожают его, или мужчина. Просто мужчина. Мужчина, которому я нравлюсь.

Вся эта сцена длилась всего одно мгновение. Мой букет завис в это время между мной и ею. В это время я вдруг явственно почувствовал два исхода нашего мысленного диалога. Или она примет букет, холодно улыбнется мне, скажет спасибо и, развернувшись, пойдет дальше по своим делам. Или же она возьмет букет, тепло улыбнется мне и покажет всем своим видом, что она рада встрече со мной и цветам, которые я дарю ей.

Сознание того, что она выберет первый вариант, подстегнуло меня. Я готов был уже объяснить ей словами, что цветы дарит ей мужчина. Просто мужчина.

Но в это время она тепло улыбнулась мне, взяла протянутый букет и спокойным тоном сказала:

– Я рада видеть вас. Как вы?

Я понял. Видимо она сама прочитала в моих глазах невысказанные вслух слова и решила «пощадить» меня и не доводить до необходимости объяснения ей вслух всех моих затаенных мыслей.

Все это время мальчик, который сопровождал Анну, смотрел недоуменным взглядом то на нее, то на меня. В его глазах был открытый вопрос:

– Кто этот «дядя» и почему он дарит цветы его Анне?

И на этот раз Анна ответила на немой вопрос мальчика раньше, чем был задан он.

– Малыш! Этого дядю зовут Александр Михайлович. Мы ездили с ним в том году в Абхазию. Я рассказывала тебе о нем.

Последние ее слова вселили в меня надежду. Если рассказывала, значит помнит.

– Он неплохой дядя. Только корчит из себя иногда слишком много, – добавила она и уже совсем по-свойски то ли тепло, то ли снисходительно улыбнулась мне.

С тех пор мы начали видеться с ней довольно часто. Оказалось, что и в моем до предела перегруженном графике работы можно было найти отдельные окна и вырваться

на пару часов за проходную нашего объединения.

Первым заподозрил что-то неладное мой водитель. Он никак не мог понять: почему раньше никогда не было так, чтобы я оставлял его на работе или же завозил его домой и говорил:

– Я заеду за вами в конце дня. Пока отдыхайте.

Он как-то понимающе и дружелюбно выслушивал эти слова и после того, как это произошло в очередной раз, ответил.

– Все понял. Как вам удобно. Я буду дома. Заезжайте, когда закончите все свои дела.

Последние слова «все свои дела» он выделил как-то особо, словно напутствовал меня на какое-то доброе дело. Так и повелось с тех пор. Мы выезжали с Анной на природу, ездили в горы, потом на море. Очень часто с нами ездил ее племянник – тот самый малыш, который так недоуменно смотрел на меня в первый день нашего знакомства. Нередко мы вырывались и в Абхазию, где хорошо запомнили ее и всегда встречали как хорошего доброго друга.

Вскоре мы подружились с ее племянником, и мне уже трудно было сказать, чье общество доставляло ему большее удовольствие. Мое или ее.

Был я к тому времени в непонятном подвешенном состоянии. С женой мы разошлись уже несколько лет назад, но поддерживали отношения в рамках требований этикета вежливости и возможного взаимоуважения людей, которых связывали незримые узы общих детей и внуков.

Дети мои были к тому времени уже взрослыми, имели свои семьи, но все равно почему-то были уверены в том, что наши взаимоотношения с их матерью рано или поздно должны наладиться и в их «отчем» доме будут снова полный покой, взаимопонимание и уют.

Они хотели этого. Не хотел этого я.

Я понимал, что мы совсем разные люди с их матерью. Понимал и терпел до той поры, пока дочки закончат учебу, выйдут замуж и начнут свою самостоятельную жизнь. Когда все это произошло, мы и развелись мирно, спокойно.

Я оставил своей бывшей жене все, что у меня было, и перешел жить к своей матери. Не взял с собой ничего, кроме личных вещей, зубной щетки и бритвенного станка. С тех пор я жил только делами и заботами своего объединения.

Вскоре судьба улыбнулась мне, и я получил новую квартиру. Так началась моя новая жизнь. Тогда, когда было мне уже около пятидесяти лет.

С детьми своими я сохранил прекрасные отношения. Я одевал, обувал их, ездил с ними за границу, был рядом с ними в добрые и не в самые добрые для них времена. Наши отношения омрачало только одно обстоятельство, о котором ни я, ни мои дети не говорили никогда вслух. Они желали, чтобы я нашел общий язык с их матерью. Надеялись, что это произойдет рано или поздно.

Я знал, что этого не произойдет никогда. Указанное обстоятельство было единственным фактором, которое нарушало идиллию прекрасных отношений между нами.

Анна никогда не расспрашивала меня об этой стороне жизни. Она тактично держала дистанцию и даже не намекала на необходимость разговора по данной теме.

Я понимал, что ей, конечно же, не безразлична перевернутая страница моей жизни, но чувство тактичности и нежелание поставить меня в неловкое положение сдерживали ее, и она даже не стимулировала меня к разговору, ведущему к прояснению ситуации и определению наших мест в этой истории.

В Анне вообще было множество черт характера, вызывавших невольное уважение к ней и к образу ее мышления и поведения. За все время нашего знакомства она ни разу не попросила меня ни о чем. Вообще ни о чем. Ничего не спрашивала.

У меня была полная свобода действий. Она позволяла мне делать все, что я хочу и так, как я хочу. При этом я постоянно, на подсознательном уровне чувствовал, что каждое мое слово, каждый мой шаг, каждое мое действие сканируется ею, анализируется и получает какую-то особую незримую оценку в особой системе баллов, суть которой знала только она сама. За все время нашего знакомства я не услышал ни одного слова о том, что она думает по тому или иному поводу, как оценивает она мои действия – только молчаливое одобрение или молчаливый укор в ее глазах.

Сперва такая форма наших взаимоотношений напрягала меня, но со временем я привык к ней и даже начал получать удовольствие от молчаливого взаимопонимания сложившегося между нами.

Помимо всего прочего удивляло меня и другое. По вопросам, не имевшим никакого принципиального значения, она могла говорить спокойно и даже выражать свое полное несогласие с моими мыслями или действиями. Это могло касаться моей манеры езды на автомобиле, излишнего количества купленных мной продуктов питания, фруктов или овощей. Но в то же время, сама она ни разу не попросила меня купить хотя бы бутылку воды или одно яблоко. Она молча созерцала все мои действия, молча оценивала их, никогда не говорила слово «мало». Всегда говорила – зачем так много. Кто все это съест. Кто все это выпьет.

Под стать ей был и ее племянник, который вопросительно смотрел на нее, когда ему нужно было что-нибудь. Без ее согласия он, ребенок, не просил ничего, даже находясь в дороге. Видно, так его воспитали. Воспитали в том духе и в рамках тех незримых рамок приличия, которых придерживалась она сама. Поражали в Анне не только эти черты ее характера. Поражало и многое другое.

Принято считать, что женщины добиваются своего двумя способами. Или качают права. Или качают бедрами. Анна не делала ни того, ни другого, но своего добивалась всегда.

Она не искала слабых мужчин, на которых можно было «ездить без седла и поводьев». Она общалась только с людьми сильными, с людьми, имевшими сильный характер и немалые возможности.

Мне не раз и не два вспоминались сцены, когда она смогла без слов и без всякой рисовки оседлать сперва «Абхазского принца», затем министра культуры, а затем и самого Адлейба. Помнил я и то, как легко и просто «оседлала» она меня, слывшего человеком с нелегким и даже с непредсказуемым характером.

Со временем я понял. Анна была из той особой породы женщин, которые, находясь рядом с мужчиной, растворяются в нем, становятся водой, без которой гибнет все живое, воздухом, без которого мужчине становится нечем дышать.

Она никогда ничего не выясняла, никогда ничего не доказывала. Мужчина, находившийся рядом с ней, просто понимал. Она не опустится до этого, и каждый, кто попробует сделать ее обыкновенной женщиной, перестанет для нее существовать.

Понимал это и я. Потому и старался быть не таким, как все остальные мужчины.

Однажды мы ехали с ней из Ростова. Я находился за рулем автомобиля. Она молча смотрела на дорогу, бежавшую под колеса машины.

Шел мелкий нудный дождь. Пожелтевшие ветви деревьев клонились под порывами сильного степного ветра. По полям, прижавшимся к тихим Донским затонам, шла холодная хлипкая слякоть поздней осени. Настолько холодная и неуютная, что даже нам, сидевшим в теплой кабине современного комфортабельного автомобиля, становилось как-то не совсем удобно и уютно. Ощущение дискомфорта и озноба, ползущего по телу, проходило даже через ветровое стекло, по которому сновали бесконечные капли мелкого нудного дождя, и дворники, силившиеся одолеть непрерывные потоки холодного осеннего дождя.

Анна сидела рядом со мной, поджав ноги под себя. Смотрела вперед неподвижным взглядом. Куда был устремлен ее взгляд и о чем думала она в это время – трудно было сказать.

Я вообще редко догадывался о ходе ее мыслей. Мог предположить, о чем думает она в тот или иной момент, но не более.

Спрашивать было неудобно. Сама она ничего не говорила.

Самое удивительное было в том, что при всем при этом между нами всегда было полное взаимопонимание. Взаимопонимание без слов. Просто взаимопонимание – и все.

В это время, начав обгон грузового автомобиля, я увидел боковым зрением, что на обочине дороги стоят мужчина и женщина. Вернее, я увидел даже не их самих, а их смутные силуэты, мелькнувшие в вечернем сумраке и в мареве падающих на землю сплошных потоков бесконечной воды.

Я обогнал грузовик и вдруг почувствовал, что взгляд Анны изменился. Лицо стало другим. Она ни слова не сказала мне, но я явственно почувствовал, что по ее лицу пробежала тень неудовлетворенности и какой-то скрытой досады.

Я не спросил, чем вызвана эта досада. Я просто понял, просто почувствовал. Она разочарована мной. Люди остались на обочине дороги. Нам тепло, уютно. Они под дождем и холодным ветром.

Ни слова не говоря, я развернул машину. Развернул, проехав через две сплошные линии.

Раньше она всегда выражала свое недовольство, когда я нарушал правила дорожного движения. Выражала без громких эмоций. Просто говорила:

– Нездорово это. Ты слуга народа, а не небожитель, которому дозволено все. Некрасиво это. Мне стыдно и за тебя, и за себя.

На этот раз она не сказала ни слова. Словно я и не нарушил грубейшим образом существующие правила дорожного движения.

Проехав с полкилометра назад, я снова развернулся в обратную сторону. Развернулся, вновь грубо нарушив правила дорожного движения. И снова ни слова в упрек. Упрека или укора не было даже во взгляде. Напротив, в нем была затаенная радость или даже гордость за то, что делает ее мужчина.

Я подъехал к мужчине и женщине, все еще стоявшим на обочине, остановил машину. Сразу же разглядел. Мужчина – священник. На нем черная ряса. Женщина, по-видимому, его жена. Смотрит спокойно, уверенно. То, что я развернулся и приехал за ними, совсем не удивило ни его, ни ее.

Поп пропустил вперед свою жену, свернул зонтик и сел в машину вслед за ней.

Глаза добрые, понимающие. В них удовлетворение. Удовлетворение не столько даже от того, что они наконец-таки нашли приют от дождя и холода, а от того, что он увидел жест доброй воли. Увидел руку, поданную ему в трудную минуту. Увидел исполнение божьей заповеди – не проходи мимо страждущего помощи твоей.

На Анну я не смотрел. Знал и без взгляда на нее. Она довольна. Довольна тем, что увидела во мне человека, способного понять и ее, и людей, попавших в трудную ситуацию. Я даже почувствовал ее мысли: «Хорошо, что я не ошиблась в тебе. С другим я просто не общалась бы. Как здорово, что ты не обманул мои ожидания».

Иногда я ловил себя на мысли о том, что пусть даже и непроизвольно, но довольно часто я сравнивал Анну с другими женщинами, которых видел вокруг себя. Происходило это, возможно, еще и потому, что мне доставляло немалое удовольствие то обстоятельство, что Анна бесспорно выигрывала у своих невольных оппоненток во всех этих сравнениях. Она знала, как сидеть, знала, как стоять. Умела, когда нужно молчать, когда нужно говорить. Говорить не просто так, а именно то, что нужно.

Анна никогда не спорила со мной, ничего не доказывала мне, но я всегда во всех ситуациях чувствовал, что у нее есть свое мнение и при необходимости она будет отстаивать его. Отстаивать тихо, спокойно, не унижая ни меня, ни себя.

Я уже привык к тому, что она молча выслушивала мои слова, молча обдумывала их, затем так же молча кивала головой в знак того, что она услышала меня. При этом очень трудно было однозначно сказать, что значил этот кивок, то ли согласие с тем, что было высказано мной, то ли несогласие с

моим мнением. Просто кивок головой, который значил только одно. Я услышала. И ничего больше.

Мы никогда не ссорились с ней. Не говорили друг другу не только обидных или плохих, а даже просто громких слов. Форма общения всегда однозначно вежливая, искренняя, доброжелательная. Даже тогда, когда она выражала изредка свое несогласие со мной, тон ее голоса был не грубым и не конфликтным. Спокойным, ровным, словно говорили мы о чем-то обыденном и совершенно понятном нам обоим. Но все равно, несмотря на все это, меня никогда не покидало чувство того, что мы живем с ней в разных мирах. Мир, в котором жил я, начинался и заканчивался моей работой. Все остальное являлось приложением к этому миру.

Анна уважала мое «я», которое жило на работе, уважала цели и задачи, которые стояли передо мной, будоражили мое сознание, надолго уводили всего меня в цеха и в отделы моей организации. Она понимала и уважала все то, что было дорого и важно для меня, но все равно сама она жила в другом мире. В мире, главными составляющими которого являлись семейный покой и тишина, запах родных стен, теплоты и уюта.

Она хотела иметь семью и детей. Своих детей. Я тоже хотел этого, но...

Вот это «но» и служило тем самым невидимым, но совершенно очевидным барьером, что лежал все это время между нами. Барьером, о наличии которого мы никогда не говорили, но знали оба о том, что он есть, чувствовали его незримое присутствие в пространстве между нами и никак не могли высказать друг другу отношение к этому факту.

Я видел, что она тяжело переживает сам факт этого барьера. Ждет, когда я уберу его, и между нами не будет уже никаких двусмысленных ситуаций и недосказанности.

Она ждала. Ждал чего-то и я, хотя понимал, что для меня этот барьер трудно преодолим. Понимал это потому, что знал, какие обстоятельства лежат в основе этого самого барьера.

Первым из них было следующее. Я знал, что мои дети никогда не примут Анну как мою жену. Не примут не потому, что она плохая или хорошая. Нет. Вопрос был совсем не в этом и не в ее личности конкретно. Дети мои не приняли бы никого вообще, ибо задались одной единственной целью. Любой ценой помирить меня со своей матерью. Они не понимали и не желали понимать, что между нами все закончено. Закончено раз и навсегда. Это был единственный вопрос, в котором они не считались с моим мнением.

Помимо всего прочего я понимал, что даже намек на возможность моей женитьбы на другой женщине мог вызвать у них резкую реакцию с непредсказуемыми последствиями. Начались бы «разборки полетов», которые могли оскорбить Анну и навсегда отторгнуть ее от меня.

Помимо этого было еще одно и совсем немаловажное обстоятельство, которое тормозило меня. Обстоятельство это состояло в значительной разнице в возрасте. Я подходил уже к тому порогу, за которым начинается осень, и хорошо были видны контуры будущих зимних дней моей грядущей безрадостной старости. Старость бывает разная. Моя же рядом с Анной могла быть только безрадостной. Безрадостной только потому, что рядом со мной резким контрастом с моей беспомощной старостью нарисовались бы цветение и запах молодости Анны, которая к тому времени только вошла бы в пору женского расцвета и обаяния. Я понимал все это. Понимал, что у меня нет будущего рядом с ней. Возможно, именно поэтому я так жадно цеплялся за возможность провести рядом с ней хотя бы еще один день, хотя бы еще один час.

Прошло несколько лет.

Я все ждал какого-то чуда. Чуда, в существование которого не верил уже и я сам. Я понимал, что терпение Анны на исходе. Она уже не верит ни мне, ни моему молчаливому ожиданию своего неизбежного краха.

Между мужчиной и женщиной никогда не было и никогда не будет идеальных отношений. Причина тому одна. У женщин короткая память. Они давно уже забыли о том, что были созданы Всевышним из ребра Адама. Более того, многие из них уже уверены в том, что все наоборот, и Всевышний создал мужчин из их ребра.

Может быть, Анна так и не мыслила, но все равно она была женщина. Такая же женщина, как и все остальные.

Бывали конфликтные ситуации и у нас с ней. Бывало все, но никогда эти ситуации не имели скандального или антагонистического содержания. При возникновении такой ситуации каждый из нас занимал «стойку кобры», молча предупреждал другого об опасности дальнейшего выяснения отношений и медленно, медленно уходил в пассивную оборону. Ни одного слова упрека. Никаких споров. Каждый из нас терпеливо начинал ждать, когда стихнут сиюминутные страсти и можно будет снова продолжить наши отношения без унижения себя или своего временного оппонента.

Проходило некоторое время, и все возвращалось на свои места. Мы продолжали отношения, будто и не было недавнего досадного недоразумения или неожиданного всплеска эмоций. Такая форма выяснения отношений стала для нас естественной и взаимоприемлемой. Она устраивала и ее, и меня, так как давала возможность каждому из нас оставаться при своем мнении, не затрагивая естественные хрупкие места пересечения интересов мужчины и женщины.

Бывали, конечно, и в наших отношениях исключения из правил, но происходило это крайне редко.

Все это время Анна, как и прежде, работала в театре. Мастерство ее росло день ото дня. Сперва она долго, вдумчиво читала пьесу, которую планировал поставить театр. Читала несколько раз, стараясь понять главную суть той роли, которую предстояло играть ей.

Исполняла она всегда только главные роли, но, несмотря на это, долго и скрупулезно вживалась в каждую роль в пьесе. Она считала, что невозможно сыграть свою

роль, если не поймешь до конца побудительные мотивы других действующих героев пьесы, которые жили на сцене рядом с ней.

Я не мешал ей в ее работе. Не досаждал советами и ненужными нравоучениями. Я был слаб в вопросах театрального искусства, знал это и потому старался только смотреть, но не комментировать увиденное.

Игра Анны на сцене мне нравилась. Я получал истинное удовольствие от того, что видел, но не высказал вслух своего восторга. Происходило это, в основном, только по одной причине. Я понимал свою «безграмотность» в вопросах сценического искусства, сценической речи, сценического движения и потому не желал, чтобы она увидела слабые места в моей «оборонительной линии».

Когда шли спектакли с ее участием, я приходил всегда с небольшим опозданием после начала спектакля, садился в задних рядах и с удовольствием вкушал плоды с прекрасного, но незнакомого мне дерева.

Она знала, а может просто чувствовала мое присутствие в зале. Об этом можно было судить по тому, что после окончания спектакля она шла к тому месту, где стоял мой автомобиль, в полной уверенности в том, что я жду ее там. Она приходила радостная с большой охапкой цветов. Но все равно я вез ее к цветочным рядам, где покупал ей свой букет. При этом мне видно было, что именно вид этих цветов доставлял ей главное удовольствие в этот день.

Анна свою работу любила. Работа в театре составляла значительную часть ее внутреннего «я».

На вопрос: «Любили ли ее саму в театре?», трудно было дать однозначный ответ. Труппа вроде бы и признавала ее талант и право играть первые роли во всех спектаклях, но в то же время значительная часть этой же труппы то ли завидовала, то ли не хотела понимать право Анны на лидерство в коллективе.

Театральный коллектив – сложнейшая социальная среда. Здесь все как у художников. Признание и хорошие искренние слова о таланте человека говорят только после его смерти.

Несмотря на свой возраст, Анна все это понимала и философски относилась к своему месту и к своей роли в театральном сообществе. Она смотрела на все разговоры вокруг своего имени как-то свысока. Спокойно и снисходительно.

– Пусть говорят, устанут – перестанут, – говорила она, услышав очередные сплетни о себе. И немного подумав, добавляла:

– Даже такие досужие разговоры и сплетни лучше, чем пустота и молчание вокруг твоего имени. Говорят – значит видят.

Ее рассудительность и не по возрасту холодный ум и здравый смысл часто удивляли меня. Мне даже приходила иногда в голову мысль: «А не относится ли она и ко мне так же рассудительно и спокойно, как ко всему остальному вокруг себя. Не взвешивает ли она все мои плюсы и минусы на особых весах, не сопоставляет ли она мои чувства, мое желание быть рядом с ней с моим возрастом и всеми вытекающими оттуда последствиями».

Такая мысль была не без оснований, я видел, что она была не только умной и думающей девушкой, но с явными признаками зрелой мудрости, которая приходит ко всем остальным людям в конце, а не в начале сложного жизненного пути.

Однажды во время нашего очередного затянувшегося раунда молчаливого выяснения отношений, когда мы разошлись по разным углам ринга и внимательно смотрели друг на друга, но не говорили ничего вслух, мне пришла в голову мысль: «У нее есть молодость, красота, ум, талант. У меня же нет ничего, кроме желания быть рядом с ней и не меньшего желания сохранить свое лицо. Оставить его в ее памяти светлым и благородным»

В это время мы сидели и пили чай. Она долго смотрела на меня. Потом каким-то странным отрешенным голосом сказала:

– Напрасно ты так думаешь. Да, я девушка, не лишенная внимания мужчин. Раньше оно доставляло мне удовольствие. Теперь я смотрю на это совершенно равнодушно. У меня есть ты, и мне не нужно никого другого. Напрасно ты выставляешь на первый план свой возраст. Он здесь ни при чем. Причина не в возрасте. Причина в тебе.

Как догадалась она, о чем думаю я в этот момент, и почему именно в это время она сказала мне именно эти слова, я так и не понял.

Каждый человек рано или поздно подходит к той черте, когда он вынужден проводить самооценку своей личности. Мера объективности этой системы зависит от уровня интеллекта человека и его критериев. С течением времени подошел к этой черте и я. В общей массе плюсов и минусов моего характера я отметил про себя одно качество, которое казалось мне существенным подспорьем в моей работе. Я никогда не кричал и даже не повышал голоса на своих подчиненных. Мог спокойным тоном довести до их сведения все, что нужно мне от них. Мне казалось, что это качество наряду с уровнем моей профессиональной подготовки давало мне возможность успешно руководить большим трудовым коллективом и направлять его работу в нужном направлении. Мое умение работать с людьми отмечали многие мои товарищи, и мне казалось, что я достиг в этом деле определенного уровня. Но Анна несколько раз озадачила меня тем, что, несмотря на свой довольно юный возраст, она умела совсем по-другому и совсем не так, как я, доводить до меня свои желания и даже требования. Я довольно часто и далеко не без удовольствия рассказывал ей о своей работе. Рассказывал, делая особый упор на значительные достижения коллектива объединения. Мы постоянно находились в числе лучших коллективов отрасли страны, завоевывали переходящее Красное знамя Союзного министерства, обкома и крайкома партии. О наших достижениях говорили газеты и журналы, радио и телевидение. Нас, и меня в том числе, награждали орденами и медалями. Меня ввели в коллегию Союзного министерства и в канди-

даты в члены бюро обкома партии. На лацкане моего пиджака красовался значок сперва депутата областного, а затем и краевого Совета народных депутатов. Наконец, встал вопрос о том, что мою кандидатуру будут рассматривать на бюро Ставропольского крайкома партии на предмет выдвижения меня в депутаты Верховного Совета СССР.

Обо всем этом я рассказывал Анне, но видно где-то переусердствовал в своем желании показать ей все свои «трудовые» достижения и победы.

К Анне постоянно приходил ее племянник и любимец, который был с ней в тот самый день нашей встречи на площади. Сперва я общался с ним ради уважения к Анне. Прошло некоторое время, и мы сдружились с ним. Был он мальчиком своеобразным и довольно оригинальным в мышлении. Вскоре я привязался к нему и стал называть его «мой друг». Он, не долго думая, начал называть меня в ответ «мой большой друг».

Однажды, когда малыш начал в хвалебном тоне рассказывать Анне о наших с ним совместных делах и планах на будущее, она посмотрела мельком на меня и затем стала говорить мальчику. Говорила ему, но явно адресовала свои слова в мою сторону:

– Да, мой хороший. Твой «большой друг», в общем-то, неплохой дядя, только он становится иногда таким же хвастунишкой, как и ты. Ты бренчишь о своих великих победах в игре крестики-нолики, он бренчит своими орденами и медалями. В общем, два сапога пара. Потому, видно, и такие друзья, что одного поля ягоды.

Говорила она эти слова с такой доброй теплой улыбкой на лице, что я не смог даже показать ей свое недовольство ее мыслями. Мы посмотрели друг на друга, и оба заулыбались.

Был еще один аналогичный случай, который заставил меня еще более укрепиться в своих выводах и предположениях.

У меня подрастал внук. Прекрасный малыш примерно того же возраста, что и племянник Анны.

Когда он едва научился ездить на велосипеде, то сразу же заявил моей дочери:

– Ты знаешь, мама. Я теперь уже очень хорошо езжу на велосипеде. Наверное, скоро поеду на соревнования и обгоню там всех.

В другой раз, едва научившись держаться на воде, он сказал:

– Мама! Совсем скоро я буду плавать лучше вас всех. Буду плавать на профессиональном уровне и поеду на Олимпиаду.

Обо всем этом я рассказал както Анне. Она выслушала мое полушутливое повествование и серьезным тоном заявила.

– Даа! Сразу видно, чей он внук и в кого он пошел.

Я хотел обидеться на ее замечание, но, подняв глаза, увидел добрую, теплую улыбку. В этой улыбке были не ирония или насмешка, а затаенные светлые чувства радости и уважения ко мне. Просто добрая шутка, но шутка, в которой была и доля правды.

Мне сразу же невольно вспомнились мои откровения, когда я с гордостью и не без доли бравады сообщал ей об очередных успехах объединения, которым руководил я, или о тех наполеоновских планах, которые жили в моей голове. Я не был в числе тех, кого можно было легко загнать в угол или заставить изменить свое мнение грубым давлением или скрытой лестью. Не раз и не два мне удавалось отстоять свое мнение в кабинете Союзного министра или даже в обкоме партии, где многие мои коллеги теряли голову при грозном взгляде секретарей обкома или заведующих отделами этого всесильного заведения.

Все это было так, но Анна умела одной, двумя короткими фразами заставить меня задуматься о том, что говорю или делаю я. Глядя на все это, я и подумал, что у нее своя, особая форма доведения мыслей и желаний до собеседников. Форма, если не лучшая, то, по крайней мере, не худшая, чем моя манера общения со своими работниками.

Умение слушать, молчать и думать – великий дар Всевышнего, дошедший не до каждой женщины.

До Анны он дошел. Она могла долго, долго слушать меня, не перебивая ни единым словом. Иному могло показаться, что ей не особо даже интересно все, о чем говорю я. Только я сам знал, что все это не так. Я видел и даже чувствовал, как внимательный взгляд ее светло-серых глаз то уходил куда-то вглубь меня, то менял свое направление и уходил внутрь себя, где оценивал каждое слово, сказанное мной.

Сознание того, что мысли, излагаемые мной, не уходят в пустоту, а постоянно взвешиваются и тщательно анализируются ею, заставляло меня «держать порох сухим» и не расслабляться ни на минуту.

Бывало даже так, что сознание того, что мои слова и мои мысли будут «профильтрованы» через особые, никому не видимые устройства, заставляло меня заранее обдумывать свои слова и действия и возможную реакцию на них с ее стороны.

Анна почти никогда не спорила со мной, никогда не высказывала свое мнение по поводу тех или иных моих мыслей или суждений, но при всем при этом я явственно чувствовал ее молчаливое согласие или несогласие со мной. Мне даже трудно сказать сейчас, что чувствовал я конкретно и как понимал я ее положительную или отрицательную реакцию на все то, о чем говорил я, но для меня в это время было совершенно очевидно, где играли белые цвета, а где они потемнели или даже стали черными.

Возможно, это была особая форма взаимопонимания мужчины и женщины, где слова и мысли вслух становились второстепенными факторами, а на поверхность выходило обыкновенное желание понимать и быть понятым.

Представители творческой богемы своеобразны и оригинальны в своем восприятии окружающего мира. Они, плывущие под небесами, видят его совсем не так, как мы – шагающие по ухабам этой грешной земли. В этом мире, вокруг них, звучат другие звуки, сияют другие цвета, живут другие совершенно непредсказуемые мысли и

желания. В основе восприятия ими окружающей действительности лежит постоянное осознание своего особого «Я» и мера признания этого «Я» всем остальным окружающим миром.

Все они, и даже самые знаменитые и признанные, находящиеся на вершине славы и почета, считают, что их немного недооценили, немного недопоняли, немного не так увидели.

Мыслила ли Анна именно так, я точно не знал, но она была актрисой, и можно было предположить, что подобные мысли возникали и в ее голове. Так или иначе, она послала материалы о себе в одну именитую киностудию. Я узнал об этом только тогда, когда из Москвы пришел ответ. Анну вызывали на кинопробы. Не ожидая моих вопросов, она сразу же объяснила:

– Я не знала, заинтересуются ли моей личностью на киностудии, потому и не сказала тебе ничего заранее. Все артисты желают реализовать свое «Я» и увидеть себя на киноэкране. Экран – это вершина признания таланта и возможностей артиста. Экран – это мечта. Для большинства из нас так и не реализованная. У меня появился шанс. Возможно, единственный в этой жизни. Благослови меня. Твое одобрение многое значит для меня.

Сказать ей «нет» я не мог.

Анна была талантливой, очень талантливой актрисой. Я понимал, что мир, в который желает уйти она, может навсегда забрать ее у меня. Все это было так, но все равно я дал согласие на ее отъезд. Дал только потому, что понимал. Если я не сделаю так, то, возможно, она никогда уже не простит мне этого. При этом где-то в глубине души теплилась надежда, что кино оставит мне ее, но надежда эта была слабая, эфемерная и почти призрачная.

На следующий день Анна улетела в Москву. В аэропорту она смотрела на меня как-то странно. Что было в ее взгляде, я так и не понял. То ли сожаление о чем-то, то ли осуждение чего-то, то ли какая-то главная так и не высказанная мысль.

После этого Анна звонила мне каждый день. Звонила вечером, когда заканчивались съемки на площадке киностудии. Рассказывала, как счастлива она, попав в новую среду и видя, что мир кино принимает ее как свою.

– Ты понимаешь, – тихо говорила она, – мне кажется, меня поняли, оценили и приняли. Так думают все мои партнеры по пробным съемкам. Что думает «главный», я еще не знаю, но пока он, вроде бы, доволен мной и каждый вечер по окончании съемок говорит при всех: «Молодцом. Все хорошо. Продолжай так же. Видно, ты попала на свою роль. Надеюсь, я в тебе не разочаруюсь».

Так продолжалось пять дней. Анна была в восторге. Я видел, она ушла в другой мир. Ушла надолго и уже не думает возвращаться назад. Туда, где жили я и весь наш маленький провинциальный город.

На шестой день она не позвонила.

Не позвонила она и на седьмой день.

Я понял – кино забрало ее у меня.

Понял я и другое. Я не в силах ничего изменить. Мне нужно смириться с реальностью и продолжать жить так, как жил я до того, как увидел ее.

Я пробовал сделать это, но у меня ничего не получилось. Видно, тот мир, в котором жил я вместе с ней, был особым и неповторимым. Но этот мир отвернулся от меня. В нем не оказалось места для таких, как я.

Жизнь продолжалась. Я собирал себя из осколков былого. Ходил на работу, пытался делать все то, что делал я до этого. Получалось плохо, но другого выбора у меня не было.

Жизнь продолжалась. Нужно было привыкать жить в ритмах «новой старой жизни».

Так продолжалось около десяти дней, пока к исходу душного субботнего вечера Анна ни вернулась в Черкесск. Взгляд сосредоточенный, спокойный, уверенный. Так смотрят обычно на мир люди, принявшие очень важное и однозначное для себя решение. Я не стал расспрашивать ее ни о чем. Не стал делать этого только потому, что видел – ей тяжело. Я посчитал, что в таких условиях лезть в душу к человеку с ненужными расспросами просто неправильно и не этично.

При этом подумалось. Посчитает нужным – расскажет сама. Сама она так ничего и не рассказала.

Лишь спустя некоторое время я узнал все, что произошло с ней, от ее сестры.

Режиссер, пригласивший Анну на просмотр, ее игрой остался доволен. Уже на пятый день пробных съемок помощник режиссера сказал ей:

– Все, дорогая моя. Увертюра к большому концерту закончилась. Вы прошли. Будете сниматься в главной роли. Вам остается только утрясти некоторые мелкие формальности этого дела.

Формальности эти оказались мелкими, но совсем не простыми. Как объяснил ей все тот же помощник режиссера и, по-видимому, его близкий друг, Анне нужно было пройти проверку на надежность и верность идеям единой команды в постели режиссера.

– Вы не первая, вы не последняя в этой системе «подбора и расстановки кадров», – уточнил Анне ее собеседник.

Анна от сделанного ей предложения «подписать договор дружбы и сотрудничества» отказалась. В глубине души она надеялась, что все обойдется, и инцидент будет исчерпан без выполнения условий «договора».

Видно, напрасно. Больше ей никто не позвонил. Она ждала почти неделю, когда ее пригласят на съемки фильма. Поняла, что ее ожидания бесполезные только тогда, когда узнала, что съемки фильма уже начались. Начались без нее.

Главную роль, которая предназначалась ей, отдали другой актрисе. Видно, она оказалась сговорчивее. Вот и поплыла к славе и признанию прямо на спине.

Так бывает в этой жизни. Нужно пожертвовать чем-то для того, чтобы получить большее. Анна эту жертву принести отказалась и, как я понял, в дальнейшем ни разу не пожалела об этом.

Ницше говорил: «Каждому свое».

Анна свое выбрала. Для нее чистая совесть и возможность смотреть мне в глаза, не отводя взгляда, оказались выше, чем слава и почет, ожидавшие ее на экранах кинотеатров и телевизоров страны.

Как-то я сказал ей:

– Иногда ко мне приходит странное предчувствие, что самый страшный удар в моей жизни нанесешь по мне ты. Ты и только ты.

Говоря такие слова ей, я не грешил против истины и не играл словами. Такое предчувствие действительно приходило ко мне. Приходило не раз и не два.

К моему немалому удивлению, Анна совершенно спокойно среагировала на мои слова и так же спокойно ответила:

– Возможно. Все возможно. В этой жизни нельзя зарекаться ни от чего.

Я долго думал над тем, что могли значить ее слова, но так и не пришел к единому для себя мнению.

Анна не способна была на подлость или даже просто на обман или двуличие. Играла она только на сцене. В отношении меня она была всегда абсолютно честной. Так и остались тогда ее слова полной загадкой для меня, и я так и не понял, что имела она в виду, говоря их, и что заставило ее сказать то, что она сказала.

Однажды я переступил черту. Несильно, но все равно переступил. Сказал немного более того, что нужно было сказать, да и тон голоса был, наверное, не самый мирный и не самый спокойный.

Анна ничего не ответила мне. Прошло некоторое время. Может, час, может, два.

Мы сидели за столом. Она подняла на меня взгляд и сказала:

– Насколько я знаю, абазины были когда-то большим и сильным народом. Земли царства народа Абаза простирались от Анапы до самого Трабзона.

Анна говорила тихо, спокойно, не спеша, будто даже не мне, а кому-то другому, который должен был передать мне ее мысли.

– Я слышала, что государство это было не только с обширными землями, многими городами и тысячами селений. Я слышала, что было оно настолько могущественным, что с ним считались и персы, и арабы, и византийцы, и русичи, а племена и народы, жившие по соседству с абазами, платили им дань и отдавали им даже право первой ночи. Все это было. Было много веков назад. Все это было. А теперь? Сегодня жалкие остатки этого некогда могущественного народа влачат безрадостное существование, во многом завися от воли тех народов, которые совсем недавно платили им дань. Может быть, я в чем-то ошибаюсь. Но, так или иначе, мне кажется, что многочисленная цепь неоднозначных трагических событий, приведших народ Абаза на грань, за которой просматриваются не самые радужные перспективы для вашего народа, была связана с тем, что элита народа очень часто говорила или решала свои проблемы, не подумав до конца о дне завтрашнем и о том, куда может привести дорога, которую избрали они. Сперва говорили, потом думали, – повторила она и добавила, – совсем как ты сегодня. Сперва наговорил непонятно, что и зачем, а теперь думаешь. Прав ты был или нет.

Слова эти и тон, которым были сказаны они, заставили меня задуматься о многом. И о судьбе своего народа, и о своей тоже. Все люди хотят быть счастливыми. У каждого из нас свое понятие о счастье. Для одних счастье – это деньги. Для других – это власть. Для большинства же людей счастье – это чистая совесть, здоровье и благополучие близких людей, добрые дела, сотворенные его руками, и любовь одной единственной женщины.

У меня было многое, для того чтобы чувствовать себя счастливым человеком, не хватало только одного – уверенности в том, что Анна всегда будет рядом со мной.

Этого хотела она. Этого хотел и я, но обстоятельства складывались совсем не так, как думали и желали того мы.

Когда в обком партии пришла та самая злополучная жалоба, облившая ушатом грязной воды мои отношения с Анной, я долго думал – кто мог быть автором этой анонимки. Но еще больше беспокоил меня другой вопрос. Как среагирует на эту грязь сама Анна. От женщины, которую облили грязью, можно было ожидать любой реакции.

На первый вопрос трудно было найти однозначный ответ. С одной стороны, я всегда старался быть объективным и никогда не допускал несправедливых действий по отношению к своим подчиненным. Помимо этого, я никогда и ни при каких обстоятельствах не проявлял предвзятости ни к одному своему работнику. Поразмыслив некоторое время, я пришел к выводу, что ветер дует не с той стороны. Дальнейшие размышления привели меня к мысли о том, что, вернее всего, анонимка эта связана была с приближавшимися выборами генерального директора нашего объединения, которые должны были состояться в самом скором времени.

Никто ни в обкоме партии, ни в трудовых коллективах области не понимал ни социальной, ни экономической, ни любого другого смысла, заложенного в этом мероприятии. Мероприятия, которыми Горбачев и его команда опоясали как удавкой, всю экономическую систему страны. Очевидно было, что оно поднимет мутную волну, по всему Союзу и может дорого обойтись всей экономической системе государства в целом.

На поверхность всплывут всевозможные авантюристы, горлопаны и авантюристы с большими белыми, а иногда и черными пятнами в биографии. Обком партии проводил жесткую кадровую политику. Человек с малейшим пятнышком в биографии моментально выпадал из резерва кадров. Теперь партийные органы оказались отрезанными от этой работы. Подбор и расстановка руководящих кадров заводов и фабрик были отданы на откуп опьяненной и обманутой непонятными лозунгами толпе. Появившиеся на арене ловкие снабженцы, сбытовики и деятели теневой экономики производства не знали, но зато хорошо

знали, как обворовывать трудовые коллективы и удовлетворять свои непомерные аппетиты.

Так впоследствии все и получилось, но в то время мне стало ясно совсем другое. Кому-то приглянулось мое кресло. Вот и пустил он в ход «тяжелую артиллерию».

К моему немалому удивлению Анна совершенно спокойно среагировала на жалобу. Как она узнала о жалобе и ее содержании, я так и не понял.

Вечером, когда мы сели пить чай, она неожиданно для меня сказала:

– Ты знаешь. В этой жизни за все нужно платить. Меня никто не неволил общаться с тобой. Я сама выбрала свою дорогу. Все это время я была счастлива. За счастье нужно платить. Я готова к этому.

Слова эти прозвучали без малейшего пафоса, рисовки или надрывных нот. Прозвучали просто и естественно. Я был благодарен ей за них, но сразу же принял решение: Анну в эту грязь я окунать не позволю.

После этого, буквально на следующий день я пошел к Николаю Львовичу. Рассказал ему все как было. Вопрос был исчерпан.

Через месяц я выиграл выборы. Выиграл с явным преимуществом, но на душе осталось двоякое чувство. С одной стороны, благодарность Анне за то, что она готова была «принять бой» и стоять рядом со мной. С другой стороны, горечь от того, что я вольно или невольно поставил ее перед нелегким выбором, навлек на нее тяжелые проблемы и заставил думать – а нужны ли ей такие отношения с непредсказуемыми последствиями.

Я очень часто задавал себе вопрос: «Что объединяет меня с ней?» Задавал этот вопрос только потому, что видел, что между мной и Анной было очень мало общего. Вернее даже сказать, у нас было почти все разное. Она была лирик, я технарь. Ее чистая душа плавала где-то высоко в облаках, моя практичная и во всем продуманная ходила по земле. Ходила пешком и видела мир таким, каким он был на самом деле.

Анна была верующая. Она не только верила в Бога. Бог все время жил в ее душе.

Я же вспоминал о Боге только тогда, когда мне становилось трудно или плохо.

Мы были совсем разные, но все равно мы были вместе. Я чувствовал себя рядом с ней спокойно и уверенно, словно Бог, живший в ее душе и днем, и ночью, согревал своим добрым дыханием и меня грешного и далеко не агнца безропотного.

Все это было так, но все равно мы были вместе, словно противоречия в наших характерах и вкусах не разъединяли, а соединяли нас в единое целое. Мне часто приходила по этому поводу в голову теория Маркса о борьбе и единстве противоположностей в природе и в обществе. Мне даже казалось иногда, что Бог, живший в ее душе, делал ее крепче и сильнее меня. Делал ее спокойной и уверенной. Уверенной в своей правоте в большинстве случаев, когда наши мнения по тому или иному вопросу не совпадали. В таких случаях она спокойно уходила в свое «Я» и так же спокойно ждала того дня, когда во мне успокоится волна непонимания и недовольства. Ждала, уверенная в том, что все будет так, как желает того она, и никак не иначе.

Эта уверенность ее в себе и в нашем добром будущем передавалась, как всегда, и мне, и я начинал мыслить так же спокойно и уверенно.

Однажды, после одного такого короткого «боя», когда мы без слов разошлись по разным углам ринга, я намеками дал понять ей:

– Так нечестно. У тебя все еще впереди. У меня все уже позади.

Я не сказал ей именно эти слова, но смысл того, что сказано было мной в этот день, сводился именно к этой мысли.

Она долго смотрела на меня, раздумывая над чем-то, затем тихо, но довольно четко ответила мне:

– А может быть, все наоборот.

Я знал, что Анна всегда правдива и никогда не играет словами. Потому слова, сказанные ею, заставили задуматься меня.

Я предположил, что она имеет в виду свое слабое здоровье. Это действительно было так. Она часто болела. Болела тяжело. Я даже помнил несколько случаев, когда она только ради того, чтобы не сорвать спектакль, или репетицию спектакля, выпивала массу таблеток и шла полуживая в театр, отыгрывала свою роль и, возвратившись домой, в буквальном смысле падала с ног и долгое время после этого приходила в себя.

Глядя на ее внешний вид, человеку, не знавшему близко ее, трудно было даже предположить, что у нее такое слабое здоровье. Тело большое, стройное. Немного склонное к полноте, но не полное, оно дышало, на первый взгляд, неиссякаемым здоровьем. На самом деле все было совсем не так, и мне казалось иногда, что ее тонкая осиная талия вот-вот сломается под весом невидимых никому тяжелых недугов, сгибавших и очень часто приковывавших ее надолго к постели.

Когда она высказала мне эту странную мысль, я, как всегда, не стал спорить с ней и выяснять, что значили ее слова. На этом наш разговор на спорную тему закончился, и я больше никогда уже не возвращался к этому вопросу.

Разными были у нас и характеры. Я постоянно ощущал, что она имеет неоднозначные и довольно оригинальные формы мышления и такие же неординарные способы реализации своих мыслей. При этом я так же явственно чувствовал, что во всех нечастых конфликтных ситуациях Анна сама отпускает поводья только ради уважения ко мне и не рвет мое самолюбие властными сторонами своего нелегкого характера.

Она никогда не говорила громких слов о любви. О любви она не говорила ничего вообще. Просто каждый ее шаг, каждый ее взгляд и каждое ее движение сами говорили за нее. В них была постоянная нескрываемая забота обо мне.

Я уже привык к такой форме «выяснения» отношений и считал ее внимание ко мне и заботливый взгляд намного весомее и желаннее многих громких слов, звучавших из уст других женщин. Громкие слова приходят и уходят. Ее искреннее желание делать что-либо для меня было постоянным и

намного более весомым, чем любые слова о любви и нежности.

Каждый раз, когда я выходил из дома, она внимательно осматривала меня с головы до ног, выискивая малейшую пылинку или изъян на моей одежде или обуви. Очень часто бывало и так, что она приседала на корточки, поправляла мне край брючины или, взяв обувную щетку, тщательно зачищала еле видимые пятнышки на моих туфлях. Когда она делала это, мне хотелось наклониться и поцеловать ее волосы, туго стянутые на голове. Поцеловать в знак благодарности за искреннюю заботу обо мне. Хотелось, но что-то незримое, но очень существенное сдерживало меня.

Как-то в один из очередных праздников дети подарили мне нарядную белую рубашку и импортный молодежный галстук. Я надел рубашку, повязал к нему новый галстук. Рубашка смотрелась здорово. А вот галстук, может быть, был и красивым, но не совсем по возрасту. В нем проглядывала какая-то аляповатость. Не было необходимой строгости и требуемой скрытой импозантности.

Когда Анна увидела мой наряд, то почему-то нахмурилась, а затем сказала:

– Я все время полагала, что у тебя хороший вкус. Видно, я ошибалась.

Сперва я не до конца понял смысл слов, высказанных ею, но затем, увидев задумчивое и совсем не игривое выражение ее лица, решил перевести ее слова в обычную шутку. Я подошел к ней, взял за руки и подвел к зеркалу:

– Посмотри сюда, и ты, возможно, изменишь свое мнение и скажешь мне, что у меня великолепный вкус.

Говоря эти слова, я показал ей рукой на ее изображение в зеркале и добавил:

– Посмотри, какая она красивая и умная. А ты говоришь, что у меня нет вкуса.

Анна не стала комментировать мою мысль. Не стала возражать или оспаривать ее, а лишь сказала, задумчиво глянув на меня, а затем на свое отображение в зеркале?

– Возможно, девушка и смазливая, и даже красивая, но умна ли она – я не знаю.

Сказаны были эти слова без малейшей рисовки или намека на двусмысленность, обдуманно и с особым выражением лица. Сказаны так, что я долго еще думал над подтекстом, заложенным между ее словами и выражением ее глаз. В глазах этих лежало раздумье. Раздумье женщины, стремившейся понять, где она и где истина, которую никак не может найти она.

В труппе, где играла Анна, главные мужские роли, как правило, исполнял Николай Петрович. В том году Петровичу исполнилось ровно 45 лет. Был он талантливым актером. Его дважды приглашали на работу в известные академические театры страны. Дважды приглашали – дважды увольняли со скандалом. Николай Петрович имел нехорошую подругу. Звали эту подругу водка. Когда он уходил в запой, спектакли, в которых играл он, долго «стояли» и ждали его возвращения в реальный мир.

Семьи у Николая Петровича не было. Дома тоже. Все это он променял на свою верную «огненную подругу», с которой не расставался он в такие дни и ночи ни на один час. Даже ложась спать, ставил ее около старого дивана, на который просто падало его тело в эти дни.

Жил Николай Петрович в подсобном помещении театра, выделенном ему сердобольным директором «Храма Мельпомены» Черкесска. В дни, когда Николай Петрович возобновлял свои отношения с верной подругой, общаться с ним становилось невозможно. Водка пробуждала в нем особую форму агрессии. Тогда он лез выяснять отношения на кулаках со всеми, кто оказывался рядом с ним и высказывал хотя бы одно слово несогласия с ним.

Все знали его доброту и интеллигентность, когда он находился в трезвом состоянии. Потому и удивлялись его друзья и товарищи особой агрессии, проявлявшейся в запойные дни. Удивлялись, но подходить к Николаю Петровичу не решались.

Артисты труппы помнили, что в двух театрах, куда приглашали его на работу, он обматерил, а затем и ударил обоих главных режиссеров, имевших неосторожность сделать ему замечание. За это и вылетел он со скандалом из трупп знаменитых театров.

В дни разгула Николая Петровича все его коллеги по сцене с надеждой смотрели на Анну. Она была единственным человеком, имевшим свободный и безопасный доступ к бушевавшему дебоширу. И не только доступ, но и право публично ругать его и чуть ли не ставить в угол как провинившегося школьника. При виде Анны Николай Петрович становился кротким, сразу же сбавлял обороты, смотрел на нее извиняющимся взглядом и обещал ей клятвенно больше никогда не пить ни грамма спиртного. Анна долго отчитывала его за нерадивое поведение, приводила в чувство и вела на очередную репетицию. Николай Петрович покорно шел за ней, не пил после этого месяц-другой, затем срывался, и все повторялось вновь.

После одного из таких падений «в пике» Николая Петровича отправили в больницу. Вся труппа, обиженная на него, в больницу не ходила. Ходила туда только Анна. Она варила ему супы, жарила котлеты, и я вез ее в городскую больницу, где лежал Николай Петрович.

Иногда заходил к нему и я. Заходил и видел. Глаза Николая Петровича загорались радостным светом, когда он видел свою укротительницу.

– Вот и дочка пришла, – говорил он, садился на свою кровать и ждал, когда она начнет кормить его.

На меня Николай Петрович не обращал никакого внимания. Я просто присутствовал рядом с ними – и все. После долгих раздумий мне стало ясно. Он считает меня недостойным быть рядом с его Анной. «И стар, и не Принц Датский».

Николай Петрович не скрывал своего отношения ко мне. Я все это видел, но терпел его причуды, чтобы не обидеть Анну.

Как-то Анне позвонили из больницы. Сказали, что Николаю

Петровичу стало плохо. Просили срочно приехать в больницу. Я привез Анну, поднялся с ней на второй этаж, зашел в палату. Она села возле кровати Николая Петровича. Он, видимо, почувствовал ее присутствие. Открыл глаза, пошевелил рукой, но не смог поднять ее.

Анна положила на его плечо свою руку. Глаза Николая Петровича загорелись живыми огоньками. Тусклыми, короткими, но все равно радостными.

После этого я услышал.

– Ты золотой человек. Будь счастлива. Он тоже, видно, неплохой. – При этих словах его глаза посмотрели в мою сторону. – Скажи ему. Пусть поторопится. Потом будет поздно. В этой жизни все нужно делать вовремя.

Хоронили Николая Петровича скромно. Его семья находилась далеко от Черкесска. Где жили они – никто не знал. Настоятель местной церкви отец Василий отпел покойного. Автобус отвез на кладбище работников театра. Они уехали, а я все слышал его голос, как будто он был не в гробу, а стоял рядом со мной. «Пусть поторопится. Потом будет поздно. В этой жизни все нужно делать вовремя».

Все мы всю свою жизнь ищем истину. Знаем, что ее нет, а если она и есть, то совсем не там, где видится она нам. Никто еще до истины не дошел. Видно, она где-то там, за горизонтом. Там, куда не доходит ни взгляд человека, ни его мысль. Все это так, но все равно человек всю свою жизнь ищет эту истину. Знает, что не найдет, но все равно ищет ее.

Видно искала ее и Анна, глядя то на меня, то на свое отображение в зеркале нашего дома. После этого я услышал еще одну странную фразу: «Человек не может приплыть к другому берегу, если все время стоит на своем берегу и не может оторваться от него».

Слова эти заставили задуматься меня, но их истинный смысл узнал я только через некоторое время. Узнал, когда ничего уже нельзя было изменить.

Все люди хотят быть счастливыми. У каждого из нас свое понимание счастья. Для одних счастье – это деньги. Для других – это власть. Для большинства же мужчин счастье – это чистая совесть, здоровье и благополучие близких людей, добрые дела, сотворенные его руками, и любовь одной единственной женщины.

У меня было много для того чтобы чувствовать себя счастливым человеком. Не хватало только одного. Уверенности в том, что Анна будет всегда рядом со мной. Этого хотела она. Этого хотел и я, но обстоятельства складывались совсем не так, как думали и желали того мы.

Так продолжалось довольно долгое время, пока однажды я не начал чувствовать, что наши отношения стали давать трещину. Все было, вроде бы, как и прежде. Те же теплые руки. Тот же добрый взгляд. Но с некоторых пор, очень часто я стал замечать в уголках ее глаз какую-то затаенную грусть, словно она стояла на перроне вокзала и прощалась со мной, уезжающим навсегда в далекие невозвратные края. Выражение это стало проглядываться все чаще и чаще, пока в один день я н понял: она устала ждать. Она прощается со мной.

Прощается навсегда.

V

Каждая дорога имеет свое начало. Каждая дорога имеет свой конец.

Дорога, по которой идет человек, может закончить свой путь у подножия горы, куда не забраться ему уже никогда, у кромки моря, которое не переплыть ни одному смертному, или на краю пропасти, за которой бездна, пустота и небытие.

Я не знал, где и как закончилась дорога Александра Михайловича. Просто не хотелось думать о неизбежном и грустном. Все это было так, но непредвиденные обстоятельства вновь столкнули меня с историей, которая так долго волновала мое сознание.

Прошло некоторое время. По улицам Черкесска вновь гуляла прекрасная девушка, одетая в белоснежные одежды цветущих вишен и яблонь. Звали эту девушку весна.

Прошло еще несколько дней.

По тем же улицам и аллеям города поплыли потемневшие лепестки совсем недавно расцветших деревьев. Откуда-то издалека стали проглядывать дни долгожданного грядущего лета.

Люди снова поверили в то, что именно это лето вернет им многое из того, что было потеряно ими в годы, давно ушедшие в никуда. Или даст им взамен хрупкую надежду на то, что не все еще потеряно ими в этой жизни, и их ждут еще теплые светлые дни, как в годы далекой молодости, или мгновения давно потерянного счастья.

Примерно в это время мне снова позвонила племянница покойного Александра Михайловича. Она сказала:

– Я перебирала бумаги моего дяди и натолкнулась на несколько записей, которые, возможно, дополнят те, что передала я вам в прошлом году. Если вы не потеряли интерес к этой теме и этому вопросу, можете заехать к нам и забрать бумаги в любое удобное для вас время.

Вечером того же дня, сразу же по окончании работы, я заехал в квартиру по знакомому мне адресу.

Портрет Александра Михайловича висел на стене в центре зала. Рамка недорогая, из простого дерева.

Мир всегда был полон мистики, обмана и неожиданностей. На минуту мне показалось, что при моем появлении глаза Александра Михайловича на фото на мгновение вздрогнули, словно признали и молчаливо приветствовали меня. Я никогда не был суеверным или особо впечатлительным, смотрел на жизнь реальным взглядом, но в это мгновение готов был поклясться, что все было именно так, как показалось мне и никак не иначе.

Потом я долго думал над этим фактом, стараясь понять, что же произошло со мной в тот вечер. Я понимал, что вернее всего все это мне просто почудилось, но все равно в глубине души начали шевелиться непонятные мне сомнения. До этого дня я много раз слышал,

что выражение глаз человека на портретах или фотографиях резко меняется после его смерти. Утверждали даже, что экстрасенсы, глядя на фотографии, могли однозначно сказать – жив или мертв человек, изображенный на ней.

Говорили многое. Я никогда не верил в эти рассказы. Теперь засомневался. Слишком явственным было то, что я увидел в тот вечер.

Ночью мне даже приснился какой-то непонятный сон. Сон без начала и без конкретного сюжета. Просто мне показалось, что кто-то спрашивает меня. Кто был этот спрашивающий, я так и не понял. Не помнил и того, что говорил он в начале и что сказал в конце. Он просто был – и все.

В памяти остались лишь два слова: «Найди. Отдай».

В этой жизни время не щадит никого. Все стареют. Все становятся все более и более впечатлительными и сентиментальными. Видно, не стал исключением в этом плане и я. Вне зависимости от моего желания, несколько дней мне приходили в голову слова, услышанные мной во сне. После этого я в который раз перечитал два листа бумаги, которые передала мне в тот вечер племянница покойного.

На первом листе было написано: «Мы расстались с Анной без слов. С тех пор я не видел ее больше никогда. Все, что хотел сказать я ей, осталось во мне. Со мной, наверное, и уйдет в никуда.

Я не обманывал ее. Просто я не мог сделать ничего иначе. Обстоятельства оказались сильнее моих желаний».

На втором месте были стихи. Вернее даже, всего четыре строчки:

«Дарил тебе рассвета радость,
Улыбку солнца и луну.
Свою беспомощную старость
Дарить тебе я не хочу».

После долгих размышлений я решил найти Анну Александровну и передать ей записи, которые попали в мои руки. С этой целью я обратился к директору театра, моему старому приятелю Каноке Мюридовичу Клычеву.

Он ответил:

– Около года назад Анна Александровна уволилась из театра и уехала из Черкесска. Где она сейчас – никто не знает.

Я сделал еще несколько попыток найти Анну Александровну, но все мои усилия оказались тщетными. Так и остались бумаги Александра Михайловича у меня на руках.

Очень часто, возвращаясь домой с работы, я прохожу по аллее, на которой увидел я когда-то Александра Михайловича. Проходя мимо скамейки, на которой сиживал он более года назад, я всегда невольно оглядываюсь назад.

Видно, в таких случаях многое может показаться. А может и нет. Так или иначе, мне всегда казалось, что вслед мне смотрят глаза, которые спрашивают меня:

– Ты нашел ее?

Спешным шагом удаляюсь я от этого наваждения. Проходит время, и я снова возвращаюсь туда же. Почему – не знаю.

Видно, во мне, как когда-то в душе Александра Михайловича, живет надежда рано или поздно найти Анну Александровну и рассказать ей все, что не смог рассказать ей когда-то мой покойный друг.

Изредка, когда у меня выпадает полчаса свободного времени после работы, я сажусь на эту скамейку. Смотрю на солнце, бесшумно опускающееся за Псыжскую гору, слушаю пение птиц, прячущих свою радость в кронах деревьев, загадочную тишину, уходящую в синеву неба, никак не в силах понять, что больше всего влекло в свое время Александра Михайловича сюда, на эту скамейку. Что хотел увидеть и услышать он в то время, когда жизнь и смысл этой жизни медленно, медленно уходили из его тела. Он знал это. Знал и все равно приходил сюда.

Зачем?

Мне пришла в голову мысль. Совсем рядом находится театр. Театр, в котором работала Анна. Возможно, именно поэтому и приходил он сюда.

Так было и на днях. Я сидел на скамейке.

Лето снова пришло в Черкесск. Легкий ветерок шевелил свежую зеленую листву деревьев. Они тихо-тихо шептали что-то вечернему закату. Шептали беззаботно и радостно. В них была новая жизнь. Молодая, сильная.

Они еще не знали, что пройдет время, и совсем скоро опять придет осень. Не знали и того, что тот же ветерок, что игриво ласкает их сегодня, погонит их завтра по холодным аллеям парка и унесет в никуда. Туда, куда унес он мысли и несбывшиеся надежды многих тысяч людей, так и не понявших, почему так рано и неожиданно приходит иногда осень. Приходит и забирает все, что было у них.

Солнце все дальше и дальше уходило за горизонт. Его лучи освещали уже тот мир, который не смог увидеть еще ни один смертный. Что было там, за горизонтом, не знал и я. Знал только, что туда уходят все дороги. Уходят в поисках ответа на вопрос: «Куда и зачем идет всю свою жизнь человек?»

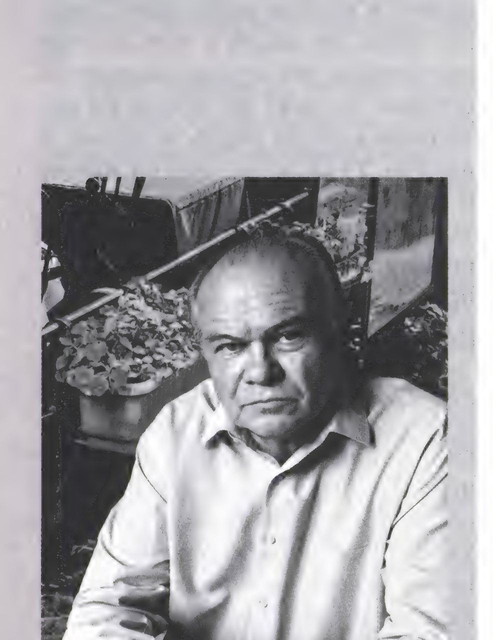
Иногда мне кажется, что ответ на этот вечный вопрос и искал Александр Михайлович, долго и пристально глядя на солнце, катившееся за горизонт.

Мне даже начинает слышаться его голос.

– Так было до меня. Так будет после меня. Так будет всегда. Такой создал эту жизнь Всевышний. Странной, непонятной, прекрасной и неповторимой.

ДОЛГ, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ...

Будничная жизнь территориального опера госбезопасности на рубеже двадцатого столетия

Станислав СОЛОМАХИН

Подполковник в отставке. Кавалер ордена Мужества. Ветеран боевых действий первой чеченской кампании. Живет в Екатеринбурге.

Подразделение городского отдела Управления КГБ СССР по Свердловской области, в котором я начинал свою для многих неожиданную, но лично для меня обдуманную и сознательно принятую почетную и не легкую службу, мы между собой в разговорах называли «молодежным». Сферой наших интересов было юное, молодое поколение свердловчан, порой безрассудно вступающих в еще неизвестную для них взрослую жизнь. На качественно новом этапе изменения своего сознания, на переломе становления они в сложное и непростое перестроечное время середины 80-х годов двадцатого века, уже более свободно и независимо формировали свою активную гражданско-социальную позицию. Огромная, жизнерадостная масса студентов, обучающихся в различных учебных заведениях города, всевозможные рождающиеся и развивающиеся, как на дрожжах, самодеятельные формальные и неформальные объединения, многочисленные клубы по интересам, новоявленные, вносящие сумятицу в умы подростков разнообразные направления и течения уличной субкультуры, иногда выбивающиеся из общей массы общепринятых моральных норм поведения своей протестной направленностью – вот наше основное поле деятельности и объект пристального профессионального внимания.

Молодой человек (это я уже про себя), только что закончивший один из «элитных» гражданских институтов города, смотрел на все происходящее большими открытыми глазами, с хорошими позитивными амбициями и конструктивным настроем. С трепетом и внутренним волнением входил в неведомую еще по новому статусу жизнь. Будет громко сказано, но стараясь полностью окунуться в живую, энергичную, вырабатывающую кучу нестандартных идей студенческую среду, я уже по-другому более целенаправленно и осознанно вникал в царившие там порядки и нравы. Казалось бы, в хорошо знакомой обстановке, но уже с иным, более профессиональным взглядом, пытаясь уловить, понять и с помощью старших товарищей разобраться в негативных тенденциях и направлениях, оказывающих агрессивное влияние на умы будущего поколения «строителей коммунизма», на которые ранее не обращал бы столь пристального внимания, я ощущал себя бойцом в обойме идеологической борьбы словно пограничник на передовых рубежах защиты советского социалистического конституционного строя и политической системы страны в целом. Пока же для меня было все ново и свежо, не очень знакомо и не совсем понятно, но жутко и страшно интересно. Даже настораживающее отдельные личности понятие, каким нас окрестили – сотрудник «идеологического» подразделения – не вызывало у меня как у бывшего комсомольского активиста тревожных ассоциаций, требующих разъяснения. Не сильно отличаясь по возрасту, да и по внутреннему содержанию и темпераменту от студенческой братии, я искренне был рад выпавшему на мою долю направлению поставленных новой службой задач. Считая, что мне здорово повезло, я мысленно уже представлял, как буду работать, можно сказать, в родном и близком моему характеру окружении, где не надо кардинально перестраиваться, боясь потерпеть неудачу

вхождения и равного общения в абсолютно привычной и не враждебной тебе среде. Изначально, находясь под властью своего «высокого» самосознания, интуитивно старался хотя бы визуально выглядеть более собранным, аккуратным, как мне казалось, более солидным и представительным. Деловой костюм и галстук, непривычно сдавливающий, словно удавкой шею, подчеркивали, по моему мнению, более значимый официальный статус советского офицера-чекиста.

Лена, не успевшая привыкнуть к столь резкой перемене внешнего обличия мужа, буквально в кратчайшие сроки заковавшего себя в непривычные для вольной и независимой души строгие рамки приличия, старалась, как могла, во всем поддерживать и помогать. Сама с трудом понимая, зачем нужны такие суровые требования и ограничения, когда вся страна находится на эмоциональном подъеме в преддверии грядущих жизненных перемен, она как любящая жена делала все, чтобы муж выглядел на фоне других достойно, как говорится, «с иголочки». Позже вспоминая те «веселые» годы, Лена охотно вставляла колкое словечко о внешнем виде сотрудников и коллег по работе мужа. Строгий костюм, чистая рубашка и туфли, бритый «фасад» и обязательный атрибут – галстук – вот оно лицо настоящего чекиста. Действительно, прогуливаясь с женой по набережной или историческому скверу центра города Свердловска, не знаю как, но ей безошибочно удавалось определять в толпе горожан тех, кто имел отношение к спецслужбам.

Территориально мы находились рядом с Управлением КГБ СССР по Свердловской области, в комплексе зданий городской администрации. Благодаря именно нашему независимому дислоцированию мы имели возможность держать на рабочем месте типичную, общепринятую молодежную одежду в виде рубашек или футболок свободного покроя и понравившейся расцветки, а также джинсы и легкую спортивную обувь. Приходя на службу, мы все это переодевали, выходили в город и растворялись в общей массе городского населения, превращаясь в обычных законопослушных граждан. Правда, было одно неудобство, постоянная необходимость посещения Управления, а это было к нашему неудовольствию очень часто. Различные совещания, обязательное секретное делопроизводство, да и элементарный поход в столовую и спортзал, а также любые другие мероприятия, проводимые в Управлении, заставляли нас вынужденно переодеваться в классические костюмы и становиться, как сейчас принято называть, номенклатурными работниками, выполняющими важную государственную миссию.

По поводу тогдашнего моего внешнего вида и формируемого положительного образа офицера спецслужб у Лены сложилась замечательная байка, которую она с удовольствием вспоминает и любит рассказывать в кругу знакомых и близких нам людей. Это было в начале мая 1984 года, когда я в первый раз пришел навестить свою жену в больнице. Все мы когда-то становимся родителями, вот и Лена, находившаяся на сохранении в ожидании рождения и появления на свет второго в нашей семье ребенка, готовилась стать мамой. В те годы вокруг зданий роддома и больниц наблюдалась одна и таже привычная картина, будущие «папаши», как обычно находящиеся снаружи под больнич-

Уважаемый

Соломахин Станислав Васильевич

Сегодня в Вашей жизни большое и знаменательное событие. Вас принимают в славный отряд офицеров-чекистов органов КГБ. Вам оказано высокое доверие. С сегодняшнего дня Вы становитесь ответственным за обеспечение государственной безопасности нашей социалистической Родины. Будьте готовы к этому, будьте достойны выполнения этой трудной, но почетной задачи. Помните всегда, что какие бы задачи ни выполняли чекисты, они прежде всего были и остаются политическими бойцами нашей Коммунистической партии и сила их - в её руководящей, направляющей роли. Поэтому коммунистичаская идейность должна быть высшим регулятором всей деятельности молодого чекиста, она должна пронизывать всю его оперативную работу, его духовную жизнь, быть самым драгоценным Вашим качеством.

Работа в органах госбезопасности потребует от Вас высокой требовательности к себе, дисциплинированности, быть образцом нравственности и культуры. Пусть примером для Вас на избранном пути будет героическая жизнь верного рыцаря ревоюции, Первого Чекиста Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Вручая наш наказ, поздравляем Вас с началом практической работы в органах госбезопасности и твердо верим, что Вы будете самоотверженно выполнять свой долг, настойчиво овладевать марксистско-ленинской теорией, профессиональным мастерством, сохранять и преумножать славные чекистские традиции, постоянно поддерживать связь с народом, строго соблюдать социалистическую законность, отдавать все силы делу обеспечения государственной безопасности нашей любимой Родины — Союза Советских Социалистических Республик.

Коллектив чекистов Управления
КГБ СССР по Свердловской
области

« 9 » сентября 1983г. г. Свердловск

НАКАЗ молодому чекисту.

ными окнами, выкрикивая имена своих любимых, писали большими буквами на асфальте добрые, ласковые и приятные слова. В нашем случае это происходило на чистейшем белом полотне снежного покрова, выпавшего накануне неожиданным сюрпризом и накрывшего словно одеялом, причудливо выглядевшие кусты и деревья с только что появившимися ярко зелененькими листочками. Снег в тот год завалил полностью празднично разукрашенный город, готовый с достоинством встретить весенний первомайский праздник. Я, естественно, был не исключением. Очутившись у стен больницы, стал в первую очередь визуально и методично изучать оконные проемы, рассчитывая определить место расположения палаты, где находится моя ненаглядная. В это время соседки Лены по палате, стоявшие у подоконника и с интересом наблюдающие за неординарными мальчишескими действиями молодых людей, вычислили меня сразу, еще до того, как я открыл рот. Хором обращаясь к Лене, они весело защебетали: «Вон твой пришел, правильный такой, ...ну ты знаешь, таких обычно по телевизору показывают». Подойдя к окну и увидев родного человека, она, широко улыбнувшись, засмеялась и подтвердила: «Да девчонки – это действительно мой». Ей было очень приятно это слышать, ведь не всех можно вот так просто по телевизору показывать.

Небольшой коллектив подразделения, состоящий ровно на половину из только что пришедших, не имеющих опыта молодых сотрудников и второй половины уважаемых старших оперов, прослуживших 3–4 года, был дружен и един в своих действиях и мыслях, заряженных энергией бушующих страстей, зарождающихся и охватывающих буквально все слои населения в новом пробуждающемся гражданском обществе. Удачное соединение молодого задора и наработанного оперативного опыта давало возможность незамедлительно и, самое главное, тактически правильно войти в новую для тебя атмосферу чекистской семьи, где один брал шефство над другим и отвечал за него согласно своему профессиональному и моральному кодексу чести. Прославившая советскую школу контрразведки преемственность в работе не одного поколения оперативного состава была в действии и показала здесь свою высокую эффективность. Вот где мы не на словах, а на деле впитывали славные традиции чекистов «железного Феликса», осваивая и перенимая, прежде всего, оперативную мудрость и смекалку.

Для начала меня «бросили» с головой в пучину быстро развивающегося неформального движения панк-субкультуры, проявившего себя в городе Свердловске в так называемых «бритовисочных панках», активизировавших свою деятельность в начале 80-х годов двадцатого века. Само движение панк (англ. punk – «нехороший», «дрянной») – субкультура (отсутствие культуры как таковой), возникло в начале 1970-х годов в Великобритании, США, Канаде и Австралии. Характерной особенностью данного молодежного направления являлось критическое отношение к обществу и политике. Молодые люди, имеющие отношение к социальной прослойке рабочего класса, стали высказывать тревогу по поводу своего положения в обществе, испытывая разочарования в отношении экономического неравенства и пренебрежения правами этого самого рабочего класса со стороны буржуазии. Основная масса наших доморощенных «панков» состояла из бывших уличных хулиганов и троечников, учащихся профессионально-технических училищ, считавших себя «гегемоном пролетариата» – будущим передовым рабочим классом, выступающим за революционное преобразование гражданского общества.

Охватывая и активно засасывая в свои ряды безрассудную и бесшабашную молодежь, пропагандируя якобы прогрессивную западную панк идеологию и панк-моду, выражающую несогласие с общественным мнением, политическим строем, любыми нормами и правилами, господствующими в обществе путем агрессии и бунтарства, отдельные местечковые личности и музыкальные коллективы включались в борьбу за умы неподготовленной и пытливо ищущей себя молодежи. Называя, например, себя пацифистами – сторонниками ненасильственных действий, они, в то же время, участвуя в шествиях и демонстрациях, переходящих в беспорядки и вандализм, считали насилие вполне приемлемым способом достижения социальных измене-

Блюхер Василий Васильевич, 1928 г.р., сын одного из первых маршалов молодой советской республики, легендарного Василия Константиновича Блюхера, в 1978 году возглавил новое учебное заведение – Свердловский инженерно-педагогический институт (СИПИ), аналогов которому в СССР не было.

ний. Мальчишки и девчонки естественно ничего толком не знали, по большому счету они и не стремились что-то знать. Здесь свою роль сыграло стадное чувство толпы, чувство собственной причастности и личного участия в массовых мероприятиях, проводимых заводной, эксцентричной молодежью.

С целью осуществления более качественной и эффективной работы, предусматривающей установление прямого непосредственного контакта с будущими воспитателями и преподавателями профессионально-технических училищ города, меня представили руководству нового, только что созданного и готовившегося к своему первому выпуску Свердловского инженерно-педагогического института. Целенаправленное знакомство с будущими преподавателями рассматривалось как реальная влиятельная и объединяющая основа оперативной работы с этой большой, стихийно организованной, но быстро набирающей популярность и силу толпой юного подрастающего поколения. Задача ставилась одна – удержать их в рамках дозволенного, направив необузданную энергию в правильное русло.

Тесно и плодотворно сотрудничая на начальном этапе своей служебной деятельности с самым молодым вузом Урала по вопросам, связанным с государственной безопасностью, я с удовольствием вспоминаю те дни середины восьмидесятых годов двадцатого века. В то время я познакомился с замечательнейшими людьми, яркими представителями Уральской высшей школы. Людьми, много сделавшими в целом для системы образования нашей великой страны – первым ректором института Василием Васильевичем Блюхером в 1984 году и сменившим его в 1985 году Евгением Викторовичем Ткаченко.

Проект создания СИПИ курировал бывший председатель КГБ и секретарь ЦК КПСС А.Н.Шелепин. Институт осуществлял подготовку преподавательского состава для средних специальных учебных заведений.

В 1990–1992 годах институт занимал второе и третье место в России по системе рейтинговых оценок министерства, пропустив вперед лишь Московский и Российский государственные педагогические университеты. В 1992 г. Е.В.Ткаченко был приглашен в Москву. С декабря 1992 г. по август 1996 г. – министр образования Российской Федерации.

Будучи министром, инициировал сохранение государственного статуса образовательных учреждений Российской Федерации, приостановив запланированную на 1993–1994 гг. по указу Президента РФ Б.Н.Ельцина разработку закона о приватизации образовательных учреждений России, а также намеченные на 1993–1995 гг. Постановлениями Правительства РФ ваучеризацию образования и стагнацию системы начального профессионального образования.

Я благодарен этим двум замечательным ученым за тот наглядный пример честности, порядочности и глубочайшего уважения к окружающим тебя людям. Воспринимая минуты общения с этими людьми как эталон межличностного взаимоотношения, давшего мне бесценный опыт ведения правильного выверенного разговора в лучших традициях культуры научной интеллигенции, я, находясь во власти обаяния харизматичных и сильных личностей, старался как можно больше получить от этих встреч, впитывая навыки, способствующие моему профессиональному развитию как оперативному работнику. При каждом разговоре или беседе фактически всегда получал необходимые полезные, по своей сути наставнические советы в плане определения и принятия ответственного наиболее взвешенного и правильного решения.

Освещая вышеуказанный период, я расскажу две совершенно разные по сюжету истории, где два «героя», две житейские ситуации, две поломанные судьбы, охватившие разные временные и исторические периоды, но что удивительно – с одним общим знаменателем, незримо объединяющим и делающим их фактически похожими. Взглянув на эти реальные персонажи, раскрываемые с современной позиции нравственно-психологического подхода, понимаешь, что несмотря на все перипетии общественного и социального порядка, человеческая жизнь это, прежде всего, результат твоих собственных рук и усилий, направленных на поиск оптимального выбора, с последующим стремлением к занятию достойного места в современном обществе. Ну да ладно, завершим нашу нравоучительную вступительную

Ткаченко Евгений Викторович, 1935 г.р., в 1985 году сменив Блюхера В.В., был назначен, а в 1990 г. впервые избран ректором созданного в Советском Союзе института, в кратчайшие сроки получившего высокие результаты и широкую известность в России и 68 странах мира.

преамбулу с претензией на философские размышления и перейдем к делу.

Молодой Свердловский институт только что выпустил своих первых специалистов преподавательского состава для обучения и воспитания нового поколения будущего рабочего класса нашей страны в средних профессионально-технических учебных заведениях. Честно и объективно говоря, институт не успел еще должным образом показать и положительно зарекомендовать себя как самостоятельная, привлекательная команда. Он в силу ряда субъективных причин не считался в глазах свердловской молодежи популярным и престижным вузом, вследствие чего большого ажиотажа при вступительных экзаменах как в других институтах не наблюдалось. На начальном этапе становления институт формировал свой положительный образ исключительно благодаря личности первого ректора. Новое учебное заведение возглавил Василий Васильевич Блюхер, человек, имеющий непосредственное отношение к одному из видных советских военачальников Гражданской войны. Он был сыном легендарного маршала Василия Константиновича Блюхера, первого кавалера орденов Красного Знамени и Красной Звезды. Мое официальное представление ректору института и само знакомство с этим удивительным человеком, конечно же, отложилось в памяти на всю жизнь. Короткий, но позитивный и благоприятный период сотрудничества запомнился, прежде всего, присущей и свойственной Василию Васильевичу доброжелательной мягкой манерой общения. Он с каждым говорил одинаково, независимо от статуса и положения собеседника. Мне кажется, любовь к людям – это неотделимая черта характера этого замечательного человека. Вспоминая те не простые годы, я с удовлетворением осознаю, что, оказывая посильную помощь специфическими оперативными действиями, мне удалось внести свою лепту в сохранении честного имени заслуженного и уважаемого ученого. На добрую память о тех незабываемых встречах осталась написанная В.В.Блюхером и подаренная в 1984 году книга: «По военным дорогам отца».

Обозначившись в институте сотрудником правоохранительных органов, я поначалу больше воспринимался как милиционер. Студенты и преподаватели института слабо представляли себе, что может интересовать КГБешника в обычном гражданском ВУЗе, а милиционер – это совсем другое дело. Якобы более приземленный и доступный для разговора, живо интересующийся обычными проблемами студенческой молодежи, он проще и скорее вызывал доверие. Отсюда и первая в моей служебной деятельности оперативная информация в основном милицейского характера, включающая различного рода правонарушения на основе злоупотребления, такие как неправомерные действия сотрудников при поступлении в институт, договорные экзамены и курсовые. Наркотики тогда были не актуальны, стояли более важные задачи обеспечения выполнения «горбачевского сухого закона». В многонациональной стране, воспитывающей молодежь на принципах дружбы и интернационализма, совсем неожиданно основными фигурантами и инициаторами криминальных сводок выступили молодые люди, прибывающие на учебу в Свердловск из южных и закавказских союзных республик. Они оказывали заметное негативное и разлагающее воздействие на внутренний микроклимат единственного в своем роде института, оказавшегося не готовым противостоять резкому наплыву чуждой потребительской идеологии. Появляющиеся с завидным постоянством факты причастности национальных представителей союзных республик к неправомерным действиям могли сыграть злую шутку, в итоге дискредитирующую благородную идею создания высшей школы подготовки собственных молодых, перспективных, политически грамотных и передовых национальных кадров для участия в становлении, воспитании и образовании современного рабочего человека.

Институт в силу стоящих перед ним перспективных задач по формированию нового советского человека как представителя передового рабочего класса и будущего строителя коммунизма находился под пристальным вниманием Областного комитета Коммунистической партии, и мне практически раз в полгода приходилось готовить аналитический документ о моральном и политическом климате, складывающемся в коллективе института. Причем, как правило, вышестоящий административный орган хотел видеть, в первую очередь, негативные моменты и трудности, препятствующие выполнению поставленных партией задач, и только потом вытекающие из выше предоставленных материалов мероприятия и предложения по устранению выявленных недостатков.

Негативной информации было много, но она была не нашей подследственности. Отрицательный фон, балансирующий на уровне возникающих в городе неблагоприятных разговоров, стал постепенно просачиваться за стены института, раскачивая еще так и не сложившуюся, да и не устоявшуюся деловую репутацию ВУЗа. Речь идет прежде всего о зарождающихся коррупционных схемах, а проще говоря, о взятках, с чем пришлось открыто столкнуться в институте. Как вы понимаете, я не мог оставаться в стороне и молча ждать, когда сотрудники милиции начнут свою работу, не проявляя к этому вопросу никакого интереса. Помимо этого, кому-то это покажется, возможно, смешным, но параллельно с основной работой приходилось решать и текущие повседневные вопросы, совершенно не входившие в сферу моих профессиональных интересов, но заметно отвлекающих и мешающих текущему рабочему процессу. Однажды, например, В.В.Блюхер высказал просьбу помочь разобраться с нарушениями контроля и правильного использования спирта в лабораториях института в свете «сухого закона», введенного в мае 1985 года генеральным секретарем ЦК КПСС

Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Да, представьте, было и такое. Сотрудники института, убедившись в мягком характере ректора, пользовались моментом, используя свое служебное положение в корыстных целях. Отвлекаясь на работу в этом направлении, иногда приходилось сталкиваться с удивительными жанрами эпистолярного стиля и неиссякаемой творческой инициативой образованной части младшего научного персонала. Взяв, например, один из отчетов по списанию спиртосодержащей жидкости в лабораториях металлургического факультета, расположенного на отдаленной территории института, мы можем увидеть логически не приемлемую, но вполне «жизненно убеждающую» картину. В качестве внушающего доверия объяснения сотрудники смело и безапелляционно излагают не подлежащее сомнению утверждение, что: «...спирт в количестве пяти литров использовался в процессе обучения для обработки и обтирки рабочего учебного прокатного стана...» Оказывается, в условиях строжайшего дефицита спирта и тотального контроля над его использованием, такие формулировки в документах проскакивали на «ура».

Постепенно скапливающаяся негативная противоправная «милицейская» информация, от которой, как вы поняли, нельзя было просто отмахнуться, обозначила и показала прописавшиеся в ВУЗе на начальном этапе отрицательные тенденции и при первичном анализе позволила выявить одну закономерность. Все, что было связано с разговорами о злоупотреблениях и возможных нарушениях в период работы приемной комиссии, каким-то образом имело отношение к одному из руководителей учебного отделения, этакого своеобразного «решалы» местного пошиба. Я не был с ним знаком, а инициатива нашей последующей встречи принадлежала именно этому человеку, вылившаяся в личное приглашение, с предложением чая и попыткой установления дружеских отношений. Мотивом и поводом послужило якобы желание и благие намерения по объединению усилий активного противодействия возможным негативным процессам. Как выяснилось из первого разговора, он длительное время проработал в органах милиции по линии «борьбы с расхитителями социалистической собственности». Будучи опытным оперативным работником «Отдела по борьбе с экономическими преступлениями», он, хорошо зная методы и специфику работы правоохранительных органов, выразил искреннюю готовность оказывать всестороннюю необходимую помощь даже в оперативном плане. Патриотично высказывая свое негодование действиями правонарушителей, он выверено говорил правильные вещи и в какой-то момент завоевал симпатию своим грамотным подходом к юридическим тонкостям решения подобных вопросов. Человек старше меня лет на 5-6 с богатым опытом (по его словам) общения с преступным миром, знанием психологии преступника и огромным желанием наведения правового порядка в тяжелый период формирования нового коллектива единомышленников института, казалось, был для меня своевременной и удачной находкой. К тому же интеллигентно и умело строя свою беседу с преподавателями и сотрудниками института, проявляя доброжелательность и дружеские знаки внимания, он выглядел в глазах последних исключительно положительным руководителем. Вроде бы как повезло, появился вполне «свой» и необходимый нам человек на важном участке работы. Настораживало только одно, что почему-то именно к нему ведут все концы, требующие оперативного выяснения и логического объяснения. Несколько последующих встреч и бесед, к сожалению, только укрепили мнение, позволившее усомниться в его искренности. Манера ведения беседы, задаваемые вопросы дали в итоге возможность определиться в том, что основной целью его выхода на контакт была все-таки попытка выяснить, какими сведениями обладаю лично я. От разговоров он никогда не уходил, был вежлив, улыбчив, корректен и предусмотрителен. Чисто побрит с легким улавливаемым ароматом мужского одеколона в элегантном отглаженном пиджаке как самостоятельном элементе гардероба, фокусирующего внимание именно на его персоне и всегда в начищенных туфлях. Внешне он действительно оставлял положительное впечатление.

В напряженный летний период работы приемной комиссии 1984 года весь небольшой по сравнению с другими ВУЗами персонал института оживленно и с интересом обсуждал назревшую и задевшую за живое тему: громкое и открытое возмущение одним из абитуриентов условиями и правилами зачисления на первый курс. А произошло следующее: в приемную комиссию, согласно установленному порядку, пришел абитуриент, чтобы сдать документы для зачисления на первый курс по квоте для представителей союзных республик. Ознакомившись с документами молодого человека, ему было отказано (что оказалось для него совершенно неприемлемым) с формулировкой «в связи с несоответствием предоставленных документов». Абитуриенту корректно разъяснили, что в «Свидетельстве» об окончании профессионального училища есть несколько удовлетворительных оценок, тогда как согласно требованиям, предъявляемым к документам, в «Свидетельстве» должны быть только положительные оценки. Молодой человек в резкой эмоциональной форме, с применением нецензурных слов выразил свое неудовольствие и несогласие, оскорбив сотрудников приемной комиссии. Буквально через четыре дня он вновь появляется в приемной комиссии и предъявляет уже другое «Свидетельство», где стояли только положительные оценки. Естественно, своим предыдущим поведением он не просто запомнился, но и негативно настроил против себя всех членов приемной комиссии. Столкнувшись воочию с явным нарушением, свидетельствующим о подделке документа об окончании училища, ему вновь было отказано. Новая неудача не просто озадачила, она взбесила

молодого человека. Он долго ходил по коридорам института, врываясь в кабинеты администрации, возмущался и громко, не стесняясь никого, кричал о том, что с таким трудом ему удалось достать новое свидетельство об окончании училища, затратив на это слишком много денег, а его не принимают. В данной ситуации главное было в другом, он совершенно искренне не понимал, почему «огромные» деньги уплачены, а его не зачисляют на первый курс института. Сложившаяся ситуация, всколыхнувшая мирный процесс работы комиссии, вызвала нездоровый ажиотаж, накладывая пятно недоверия на имидж молодого института. Ранее я не считал необходимым обращать внимание на такие моменты, полагая их не свойственными и не типичными недоразумениями, но на этот раз решил присмотреться, что же все-таки в действительности происходит в период вступительных экзаменов. Для того чтобы лично убедиться, в чем здесь проблема, понадобилось совсем немного времени. После зачисления на первый курс и утверждения списков студентов первое, что я сделал, это взял для ознакомления экзаменационные работы представителей союзных республик. Мне хватило одного беглого просмотра диктантов (вместо сочинения представители республик писали диктант). Здесь я увидел столько нарушений, что сам удивился в правомерности и законности зачисления будущих студентов на первый курс. Порою экзаменационные листы с диктантами, уложившимися в рамках одной страницы, были не просто испещрены зачеркиваниями и изменениями буквально в каждом слове, самое интересное и удивительное было в том, что поправки делались другой ручкой, с чернилами другого цвета и этой же ручкой ставилась итоговая удовлетворительная оценка и роспись экзаменатора.

Выявленные факты привели меня к устойчивой мысли о четко отработанной схеме, позволяющей безнаказанно зачислять национальные кадры союзных республик в студенты с грубыми нарушениями. Вникнув в механизм привлечения преподавателей для проверки знаний будущих студентов, я еще более утвердился в причастности к этим нарушениям «хорошо мне знакомого» руководителя учебного отделения. Дальнейшая его проверка длилась не долго. Достаточно было только подтвердить несколько предыдущих периодов насыщенной трудовой деятельности проверяемого. Изучая материалы личного дела, вспоминая при этом рассказ «знакомого» о вынужденной смене сферы своей деятельности в связи с переездом из города Житомира (Украина) в Нижний Тагил, я, внимательно рассматривая «Трудовую книжку», заинтересовался одной деталью. Как раз в момент переезда в документах произошел двухгодичный перерыв в работе. Отсутствие какой-либо информации по этим двум годам меня естественно заинтересовало. Сделал запрос и получил ответ из Житомира, все встало на свои места. Выяснилась интересная ситуация: оказывается, наш положительный добровольный помощник, будучи сотрудником милиции, был уволен из органов МВД по дискредитирующим обстоятельствам как человек, совершивший преступление и осужденный по уголовной статье на два года лишения свободы. Свой срок он отбывал в колонии для сотрудников правоохранительных органов в городе Нижнем Тагиле. Выйдя на свободу, он не вернулся в Житомир, а остался в Нижнем Тагиле, устроившись в местный педагогический техникум. Как ему удалось произвести столь положительное впечатление на ректора СИПИ Блюхера В.В., история умалчивает, но то, что именно по приглашению и настоянию Блюхера В.В. он был переведен на работу в институт с последующим переездом в город Свердловск, в институте знали многие. Работая в Свердловске на новом месте, он умудрился так войти в доверие что, заручившись поручительством Василия Васильевича, стал кандидатом в члены Коммунистической партии Советского Союза, а это явно свидетельствовало минимум о сокрытии, а максимум о целенаправленном обмане членов партии института и непосредственно ректора В.В.Блюхера. Окончательно убедившись в том, что о прошлой его жизни никто в институте не знает, я решил ознакомить с результатами полученной информации прежде всего Василия Васильевича Блюхера. Знакомство с материалами проверки оказалось для ректора неожиданной и очень неприятной реальностью. Переживая в душе и осознавая свою вину в том, что не смог увидеть в этом внешне добропорядочном взрослом человеке изощренного и двуличного мошенника, Василий Васильевич попросил не доводить, если есть такая возможность, дело до милиции, а дать ему время самому во всем разобраться.

Пытаясь определиться с перспективой работы по факту получения взятки, а это была подследственность органов милиции, я предварительно, конечно же, встречался с сотрудниками милиции, но заинтересованности в работе по своему бывшему коллеге, подкрепленной высказываниями оперов о трудностях в доказательстве подобных преступлений, я не увидел. На основании вышесказанного и в плане реализации материалов проверки я даже рад был согласиться на то, чтобы Василий Васильевич сам определился с дальнейшей судьбой своего протеже, приняв соответствующее решение.

Года через три я случайно встретил старого знакомого в трамвае на Уралмаше, это был уже совершенно другой человек. Куда делась былая уверенность в себе, щегольство в манерах общения и поведения. Передо мной предстал не столь опрятный, не ухоженный, в старой одежде, немного постаревший и, чувствуется, совсем одинокий мужчина. Я посчитал не нужным, да и не целесообразным обозначиться и подойти к нему. Сознавая себя основной причиной негативных последствий, изменивших дальнейшую жизнь этого человека не в лучшую сторону, я, несомненно, чувствовал свою причастность к резкому развороту его судьбы. Но и угрызений совести в

данном случае я тоже не испытывал.

Прежде чем перейти к освещению второго анонсированного мною эпизода, вспомнился еще один заметный факт нашего совместного с В.В.Блюхером обсуждения, проработки и подготовки политически значимого для становившегося на ноги молодого коллектива института международного документа, сыгравшего роль решительного отпора назойливой провокационной деятельности таких эмигрантских зарубежных центров, как «Национально-трудовой союз» (НТС).

«Народно-трудовой союз» – это организационный результат деятельности русской белой эмиграции, осуществляющей свою подрывную деятельность с территории зарубежных государств против молодой советской республики на протяжении всего времени существования Союза Советских Социалистических Республик. Началом организации послужило создание в сентябре 1924 года белогвардейским генералом П.Н.Врангелем военной организации – Русский общевоинский союз (РОВС), а дату 1 июля 1930 года, когда в Белграде начал работу объединенный Съезд национальных союзов молодежи русского зарубежья, позднее стали считать днем рождения «НТС». Эмблемой Союза был «трезубец», знак начала российского государства, родовой знак великого князя Владимира Святого. На протяжении всего периода своего существования зарубежный центр именовал себя революционной организацией, ведущей бескомпромиссную борьбу с коммунизмом, большевизмом и советской властью, подразумевая прежде всего советскую политическую систему. Важнейшим направлением работы «НТС» всегда была издательская деятельность (открытие в ноябре 1945 г. журнала «Посев»), дающая широкие возможности донести необходимую информацию печатным словом и словом в радиоэфире. Помимо широко известных в СССР во второй половине XX века Русской службы British Broadcasting Corporation, «Радио Свобода», «Свободная Европа», «Голос Америки», «Немецкая волна», существовала не столь мощная, но собственная профессиональная радиостанция «НТС» «Свободная Россия», вещавшая с территории Западной Европы, Южной Кореи и Тайваня. По оценке самого «НТС», за годы издательской компанией было изготовлено и распространено более 100 миллионов экземпляров листовок и печатной продукции применительно к различным событиям в СССР. Вся эта «литература», предназначенная непосредственно для русскоязычного читателя, доставлялась различными способами на территорию СССР, в том числе отправлялась и официальной почтой по конкретным адресам. Вот такой неожиданный почтовый привет однажды и появился в секретариате института в виде объемного конверта, направленного с территории Австрии. Сотрудницы секретариата, простые, далекие от политических интриг женщины, вскрыв конверты, ознакомились с содержимым вложенных материалов. Разобравшись в лживости освещения событий, происходящих на территории страны, и тенденциозного подбора документов международного, политического участия СССР в мероприятиях за рубежом, они четко и однозначно выразили свое несогласие и справедливое возмущение, говоря о недопустимости подобного вброса антисоветской литературы в дальнейшем.

Вена, Федеральному канцлеру
Австрийской Республики
Б р у н о К р а й с к о м у

Господин Федеральный канцлер!

Настоящим письмом ставим Вас в известность о грязной провакационной акции, предпринятой действующим на территории Австрийской Республики так называемым Народным Трудовым Союзом /НТС/. В адрес Свердловского инженерно-педагогического института – первого в Советском Союзе вуза, занятого подготовкой кадров с высшим специальным образованием для обучения и воспитания молодой рабочей смены страны, за подписями указанного выше НТС поступили листовки гнусного содержания. Свой адрес отправители пасквилей не указали, что и вынуждает нас обращаться лично к Вам, господин канцлер.

Прежде всего хотели бы уведомить "Союз", прикрывающийся лживыми титулами "народного" и "трудового", что коллектив нашего вуза, который создан на рабочем Урале во имя укрепления подлинного хозяина страны и боевого авангарда КПСС – советского рабочего класса, с негодованием отвергает клеветнические послания ярых антисоветчиков-антикоммунистов и не имеет никакого желания даже брать в руки их корреспонденцию ни сейчас, ни в будущем.

Считаем должным, господин Канцлер, особо подчеркнуть, что эти действия австрийских "трудовиков-народников" не служат делу расширения и укрепления существующих между Советским Союзом и нейтральной Австрией дружеских отношений наших народов, в чем выражал надежду в телеграмме, направленной Вам, Председатель Совета Министров СССР товарищ А:Н.Косыгин по случаю 35-й годовщины освобождения Австрии от германского фашизма и восстановления Австрийской Республики.

Что же касается измышлений клеветников по поводу наших взаимоотношений с Демократической Республикой Афганистан, то не мешало бы им хотя бы перечитать Ваше интервью, которое Вы дали западно-германскому журналу "Штерн" в конце февраля текущего года /мы знакомы с ним по газете "Правда" от I марта с.г./. В нем Вами, в частности, утверждалось: "Нельзя, с одной стороны, заявлять, что советские войска должны покинуть Афганистан, а, с другой стороны, воздерживаться от требования, чтобы израильские солдаты убрались с западного берега реки Иордан".

С глубоким уважением
ректор Свердловского инженерно-педагогического института,
профессор

/Б л ю х е р В.В./

Каким-то чудом у меня сохранился черновик письма за подписью В.В.Блюхера, с которого и было подготовлено официальное информационное письмо Федеральному канцлеру Австрийской Республики Бруно Крайскому. Данный черновик я привожу полностью без купюр и исправлений.

ЭХО ВОЙНЫ

Второй поучительный и по-своему интересный памятный эпизод из повседневной суматошной жизни института, позволивший по-иному взглянуть на вроде бы прошлые, но не зыблемые и незабываемые страницы нашей истории, случился уже в отсутствии В.В.Блюхера.

На одной из рабочих встреч с Евгением Викторовичем Ткаченко последний попросил меня, не вдаваясь в подробности, встретиться и поговорить с руководителем ветеранской организации СИПИ, у которого якобы появились вопросы, требующие обсуждения именно с представителем органов КГБ.

...Передо мной сидел вполне боевой и уважающий себя седовласый человек преклонного возраста с орденскими планками на пиджаке. Прямая осанка, открытый взгляд выдавали выправку военного человека, а живые глаза, излучающие доброжелательность, отеческую заботу и внимание (я все-таки был для него совсем мальчишка) сразу расположили меня к ветерану. Как бывший военный он прямо без обиняков с присущей ему энергией стал говорить, не стесняясь в выражениях, о своей озабоченности не совсем понятным и странным поведением одного из ветеранов института. На конкретный вопрос, в чем проявляется эта его озабоченность и что может встревожить уважаемого пенсионера, он как опытный командир, осторожно подбирая слова и выражения, поведал о своих размышлениях, подозрениях и выводах, навеянных сугубо личными наблюдениями, складывающимися из поступающей, где-то обрывочной, возможно, надуманной, но, как ему кажется, интересной для органов безопасности информации.

Начиная свой нехитрый рассказ о повседневной жизни институтского Совета ветеранов, он увлеченно говорил о важности и необходимости данной работы, не забывая раскрыть роль каждого ветерана, вносящего свой посильный вклад в идеологическое и патриотическое воспитание формирующегося нового поколения студенческой молодежи. Встречаясь и обсуждая на «Совете» текущие проблемы и вопросы жизни института, фронтовики старались по максимуму вовлечь в общественную работу всех ветеранов Великой Отечественной войны, пытаясь найти достойное место своему участию в решении стоящих перед институтом задач. И вот в ходе этих встреч и бесед, доходящих практически всегда до бурных споров у активной части ветеранского движения, постепенно стали закрадываться сомнения в отношении одного сотрудника, назовем его «инженером лаборатории», такого же «заслуженного» ветерана и участника войны. Подозрения, естественно, не возникли в один момент. Этому длительному процессу формирования негативного мнения предшествовали многочисленные внутренние дебаты – «междусобойчики», окрашиваемые военными воспоминаниями, где, как правило, с ностальгией обсуждались яркие фронтовые будни былых сражений. Отдельные, засевшие в памяти исторические моменты героического противостояния ненавистному фашизму, сопровождаемые эмоциональными всплесками настроения и вспышками физиологической бодрости и энергии, проявляющейся буквально на глазах, озаряли лица уже не молодых, но еще полных сил стариков взволнованными чувствами переживания. А ведь эти чувства способны возникнуть только у людей, непосредственно участвовавших в тех сражениях и лично испытавших на себе тяжесть и невзгоды страшных военных лет. Из этих чистых разговоров как из родничков стали выплескиваться сомнения, наталкивающие на мысль о не совсем компетентных высказываниях «инженера» или его неуместных комментариях, выпадающих из общей картины трактовки событий Второй мировой войны. Отдельные выражения, допускаемые «инженером», были неприемлемы, свидетельствуя об отсутствии у человека практического знания специфических признаков и моментов, характерных для ведения боевых действий и вопросов, связанных с памятными для каждого трагическими днями противостояния фашистской агрессии. Все это происходило на фоне того, что сам человек практически всегда старался уклониться от индивидуальных встреч со студентами, предусматривающими вопросы, связанные с войной. Ссылаясь на занятость, болезнь или отсутствие времени, он уходил от прямого разговора и в то же время не пытался ускользнуть от мероприятий, планируемых в рамках института с очередными моральными и материальными поощрениями в отношении участников Великой Отечественно войны. Всегда с уважением относясь к мнению каждого ветерана, председатель не мог даже подумать о предвзятости отдельного конкретного человека, высказывающего свое отрицательное мнение об «инженере» из-за личной неприязни. Люди периодически инициативно подходили и говорили о своем несогласии с неверным и даже неправильным освещением событий военных лет и другой, доводимой до студентов информации, со стороны «инженера». Председатель долгое время не придавал этим словам значения, пока сам не схлестнулся с ним в аналогичной беседе. Красочно, одним духом описывая события военных лет, заслуженный ветеран (офицер) пытался вывести на откровенный разговор и ответное, как ему казалось, адекватное заинтересованное обсуждение неисчерпаемой темы войны, возникшей между двумя пожилыми, но ещё крепкими фронтовиками, сумевшими пережить и остаться назло всем врагам живыми в этой бойне. Увлеченно и все более распаляясь, он обсуждал действия пехоты при

обороне и атаке, умелое тактическое использование различной военной техники, эффективность, последствия и разницу от взрывов, выпускаемых артиллерийскими орудиями снарядов и сбрасываемых авиабомб, о страшных наглядно получаемых ранениях и потерях личного состава. В ходе подачи своих возбужденных воспоминаний он, к сожалению, не почувствовал ответной заинтересованной реакции от собеседника. Разговора на одном, якобы, таком родном и понятном двум бывалым солдатам языке не получалось. «Инженер» неохотно поддерживал беседу, ссылаясь на тяжелые воспоминания и нежелание ворошить прошлое. Чувствуя себя не в своей тарелке, он пытался быстрее закончить явно неудобный для него разговор и поскорее уйти. Действительно было заметно, что человека это напрягает и тяготит. Не найдя объективных объяснений столь прохладному участию, казалось бы, в желанном, интересном и абсолютно нескончаемом для каждого фронтовика разговоре, а также вспомнив все, что ему говорили ранее другие, председатель вдруг прозрел, внутренне соглашаясь с ними, и сделал для себя окончательный вывод. Для него стало ясно одно, что человек, если даже и был в армии, явно не участвовал в реальных боевых действиях. В характере «инженера», его действиях и словах не было главного – силы духа воина-победителя, с кровью и потом въевшегося в человеческую плоть, поддерживающего морально и физически, несмотря на все переживаемые невзгоды. В заключение беседы, с трудом подбирая и выговаривая слова, он тихо выдавил из себя: «... «инженер» не тот человек, за которого себя выдает. Ветеранам хотелось бы точно знать, кто находится с ними рядом и с кем они общаются на равных, разобраться и быть уверенными на сто процентов в этом человеке, развеяв все сомнения и возникающие нехорошие мысли...» Пусть эти слова были сказаны тихо, но внутреннее напряжение и сильное эмоциональное волнение выразили огромное желание пожилого человека найти правду.

Полученная информация, основанная, к сожалению, только на сомнениях и догадках, без убедительных доводов и фактического материала, показалась на первый взгляд не вполне серьезной. Всякое бывает, кто-то что-то не так сказал, зло пошутил, недобро взглянул и пошло недопонимание, подкрепленное обидой, люди-то в преклонном возрасте. С другой стороны, отдельные высказывания председателя Совета настороженили. Логически выверенные с правильно поставленными акцентами они дали серьезный повод для размышления. Я как молодой оперативный работник, впервые столкнувшийся с возможностью окунуться в святая святых для всего советского народа, в события сорокалетней давности, касающиеся величайшей трагедии двадцатого века, не мог просто так взять и отмахнуться, отойдя в сторону, сославшись на скудность информации, с трудом подпадающей под компетенцию органов государственной безопасности. Решив начать проверку полученной информации, я совершенно не предполагал, с чем придется столкнуться и во что может вылиться моя инициатива. Во всей этой истории настораживало одно обстоятельство: факты мошенничества с самовольным присвоением статуса ветерана Великой Отечественной войны имели место и освещались иногда в средствах массовой информации. Однако наших активных боевых пенсионеров волновало, в первую очередь, не это, их больше пугало возможное присутствие в их сплоченных рядах скрывающегося, хорошо замаскированного и впоследствии умело легализовавшегося возможного врага или предателя, ушедшего в свое время от справедливого наказания.

Когда не знаешь, с чего начать, необходимо, как говориться, плясать от печки, в нашем случае – с изучения официальных документов, находящихся в личном деле сотрудника института, его автобиографических данных и жизненных этапов послевоенного периода времени. Канцелярская бумажная, занимающая большой временной отрезок работа, состоящая из многочисленных запросов по местам нахождения проверяемого, совсем не интересная, но обязательная и необходимая в таких случаях, иногда может оказаться единственным средством получения как положительного, так и отрицательного результата. Именно эта работа с подключением большого количества оперативных работников в отдаленных уголках нашей родины в итоге позволила скрупулезно шаг за шагом проверить и подтвердить соответствие материала, изложенного в официальных документах действительным этапам жизненного пути проверяемого. Только благодаря полученным ответам удалось юридически обосновать статус ветерана Великой Отечественной войны нашего «инженера» 1927 года рождения.

Согласно постановлению Государственного комитета обороны (ГКО) за № 6784сс от 25 октября 1944 года был объявлен последний военный призыв на службу призывников 1927 года рождения. В соответствии с постановлением ГКО № 6784, призванные на военную службу юноши моложе призывного возраста на 1–2 года проходили военную службу в подразделениях, не входивших в состав действующей армии, а шли следом за фронтом как связисты, саперы, пограничники и другие военные специалисты.

После войны с Германией бойцы этого призыва в августе-сентябре 1945 года участвовали в войне с Японией.

Военнослужащие последнего военного призыва, равно как входившие, так и не входившие в состав действующей армии, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года были награждены медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», то есть признавались участниками войны.

Знакомясь и вникая в документы военных лет, я неожиданно для себя вдруг зримо представил своего отца тоже 1927 года рождения, призванного в армию и действительно служившего в

Соломахин Василий Александрович (справа).

В свободное от службы время.

подразделениях, не входивших в состав действующей армии, но восстанавливающего на освобожденной от врага территории дороги, железнодорожные пути и мосты. Мой отец, Соломахин Василий Александрович, встретивший день Победы 9-го мая 1945 года на Красной площади в Москве, заканчивал свою армейскую службу в городе Кёнигсберге. Демобилизовавшись, отец, как и «инженер», не остался в родной деревне Кочетовка на Тамбовщине, а уехал на индустриальный Урал в город Свердловск к своему отцу и моему деду Александру Егоровичу, находившемуся на поселении в деревне Ялунино, расположенной в живописном местечке недалеко от Свердловска. Этому поселению предшествовали трагические события, коснувшиеся нашей семьи в первые военные месяцы 1941 года. Мой дед, как и большинство мужского населения страны, был мобилизован, прибыв 16 декабря 1941 года на Мичуринский военно-пересыльный пункт, а 18 декабря 1941 года выбыл в 181-й запасной стрелковый полк. Формируемые в спешке боевые части по мере комплектования немедленно без подготовки направлялись на боевые позиции для организации системы обороны. Сотни тысяч людей бросались на неминуемую гибель под пули, снаряды и танки превосходящего по силе противника. Практически в первые месяцы войны войсковая часть, где служил дед, попала в окружение и была разбита, а личный состав, оказавшийся в плену, деморализован. В тяжелейших условиях, измотанные, голодные, контуженные и раненые, но не до конца смирившиеся с участью плена бойцы-красноармейцы нашли в себе силы совершить дерзкий побег. В этой группе бойцов был и мой дед. Далеко они не ушли, их быстро обнаружили, схватили и вернули обратно, где издевались, подвергнув физическому насилию и унижению. Немного оклемавшись и придя в себя, дед совершил вторую попытку побега, оказавшуюся более удачной. Однако, когда он добрался до своих, радость его была не долгой, его не встретили с распростертыми объятиями, а, арестовав, сослали по законам военного времени на Урал как предателя и врага народа. Узнал я об этом намного позже, уже после смерти дедушки, когда, по мнению родителей, был способен правильно воспринимать и оценивать информацию, касающуюся деда. В детстве мне, мальчишке послевоенного времени, выросшему на рассказах фронтовиков, было очень интересно услышать именно от деда, непосредственного участника тех событий, многочисленные истории военных лет. Я много слышал его послевоенных баек и знал, что он был действительно прекрасным рассказчиком и с юмором подходил к воспоминаниям о своей юности и в зрелом возрасте. Будучи в гостях у дедушки, обязательно расспрашивал его о войне и просил показать награды, но в итоге из моего детского общения запомнилось только одно, что дедушка не любил вспоминать войну и никогда не рассказывал, где и как он воевал, а наград у него просто не было. Он

всегда старался аккуратно уйти от разговора, а я, как назойливая муха, лез под кожу своими вопросами, совершенно не понимая, что приношу этим деду боль и несправедливую горечь выпавших на его долю переживаний, лежащих тяжелым грузом воспоминаний. К сожалению, он так и умер, не дождавшись реабилитации. Когда я проходил спецпроверку перед зачислением на службу, это, к счастью, не сказалось на моем будущем. Возможно, вопрос о бывших военнопленных был когда-то решен позитивно в централизованном порядке, но сколько вот таких незаслуженно забытых солдат-«плененных» с искалеченными судьбами сполна ответили своими жизнями за чьи-то неверные и несправедливые решения.

Отец, скорее всего, из-за деда, никогда не относил себя к ветеранам Великой Отечественной войны и не ждал к себе соответствующего внимания и уважения. Я даже не слышал от него малейшего упрека или сетования на то, что его не признавали ветераном войны. В нашем же конкретно рассматриваемом случае – совершенно другое. Именно благодаря неожиданно появившейся возможности наглядно сопоставить две разные биографические анкеты, вся дальнейшая кропотливая работа по подтверждению доброго имени «инженера» автоматически, не зависимо от моего желания, подсознательно сверялась между близкими и родными мне людьми и ветераном инженерно-педагогического института. Причем, я бы сказал, сравнение это было далеко не в пользу последнего. Финал истории показал, какие разные все-таки бывают люди.

Наш «инженер» в период прохождения службы в частях гидрометслужбы, дислоцирующихся в Приморском крае и обеспечивающих боевые действия Вооруженных Сил СССР с Японией, был командирован и находился более десяти дней за пределами границ Советского Союза на территории Манчжурии. Данный факт полностью подтверждает архивная запись, свидетельствующая о пребывании военного пенсионера на территории врага в составе частей Красной армии хотя бы и кратковременного. На этом можно было бы заканчивать проверку, вроде все ясно, «заслуженному» человеку подтвердили законный статус ветерана, а с ним вернули уважение и почет. Однако что-то неуловимое удерживало от принятия окончательного решения, да и не все ответы были получены на мои запросы. Я, честно говоря, уже не ожидал получить чего-либо неординарного, автоматически подшивая ответы в материалы проверки, готовясь к закрытию не «перспективного» дела. Очередной формальный ответ, простая казенная бумага, полученная с места рождения и проживания проверяемого до призыва в Красную армию, при ознакомлении сразу заинтересовала и насторожила, круто изменив принципиальный подход к дальнейшей поисковой работе. Казалось бы, что тут такого странного. Однако в соответствии с имеющейся вновь полученной дополнительной информацией в стандартном формализованном ответе сообщалось, что наш «инженер» три года войны проживал на оккупированной немецкими войсками территории вплоть до освобождения его родной деревни советскими солдатами. Можно только посочувствовать, представив какие страдания и невзгоды пришлось пережить обыкновенному деревенскому мальчишке. Но, извините, тогда получается интересная вещь, будучи молодым крепким юношей, он умудрился избежать за эти три года обязательного насильственного вывоза на работы в Германию и продержался в родной деревне до полного ее освобождения. Как это возможно и все ли здесь так чисто?

Хорошо известно, что массовая отправка людей с оккупированных территорий в фашистскую Германию началась весной 1942 года, когда после провала блицкрига 1941 года возник ощутимый дефицит рабочих рук. Задействовав армию и местную полицию, оккупационные немецкие власти устраивали облавы и угоняли в Германию сотни тысяч советских людей. По немецким сведениям, в феврале 1942 года еженедельно отправлялось в Германию 8–10 тысяч «гражданских русских». Немцы называли их «остарбайтерами» – это люди, вывезенные из Восточной Европы с целью использования в качестве бесплатной или низкооплачиваемой рабочей силы. Непосредственным автором этого термина был один из наиболее влиятельных людей в нацистской Германии Герман Геринг. Подавляющим большинством из общего числа вывезенных на принудительные работы были молодые и сильные подростки (в возрасте около 16 лет). К ноябрю 1943 года возрастное ограничение по набору остарбайтеров было снижено до порога в 10 лет. По официальным документам рейха известно, что на конец лета 1944 года на работы на территорию «Великогерманского рейха» силой были увезены 7 миллионов 600 тысяч гражданских лиц и военнопленных. Фашистские оккупационные органы власти пытались прикрыть варварские мероприятия насильственной эвакуации детей легендой о том, что эти действия были актом человечности и имели целью спасти многих детей, обреченных на жалкое существование и гибель в прифронтовой полосе.

В действительности настоящая цель четко выражена в немецких документах того времени: «При проведении этой акции речь идет не только о недопущении не-

посредственного увеличения военной мощи противника, но и об уменьшении его биологической силы на далекое будущее».

«Массовый угон советских граждан при отступлении фашистских войск с советской территории являлся частью политики «выжженной земли». Вместе с мероприятиями по разграблению и опустошению угон советских людей должен был, по замыслу правителей фашистской Германии, превратить оставляемые районы в буквальном смысле слова в мертвые зоны, в которых не должно оставаться не только материальных, но и никаких «пригодных» людских ресурсов».

Как в таких варварских нечеловеческих условиях оставшийся и «тихо» проживающий три года в оккупированной деревне вполне здоровый молодой человек умудрился избежать принудительной эвакуации и насильственного угона в Германию – не понятно. Вот они и первые сомнения, сразу же ворвавшиеся в твой явно не подготовленный к такому повороту событий мозг, будоража и выдвигая новые оперативные версии, требующие более тщательной квалифицированной проверки.

Читая в какой уже раз свой формальный запрос и не предсказуемый ответ, так неожиданно вернувший меня в фазу активного напряженного состояния, я понимал, что в этом скучном деле забрезжила явная интрига военных лет, вполне входящая в компетенцию государственной безопасности. Теперь беспокойная и очень интересная задача на ближайшее время тебе обеспечена. Детально подбирая формулировки, я уже мысленно готовился развивать и отрабатывать две взаимоисключающие версии так внезапно активизировавшегося розыскного дела.

Мог ли я тогда, да и вообще когда-нибудь в прежней жизни позволить себе просто предположить, что вот таким образом лично прикоснусь к теме величайшей трагедии советского народа. Вырастая на героических примерах наших советских солдат и офицеров, победивших в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, засматриваясь фильмами о подвигах разведчиков и презирая предательство жалких фашистских прихвостней и их пособников, я не просто коснусь, а буду обязан, считая своим долгом, разобраться, глубоко копая и вникая в тонкости давно минувших дней. Поднимая архивы и знакомясь с подлинными документами военных лет, я должен попытаться установить историческую справедливость, определившую судьбу отдельно взятого человека. Как это оказывается не просто решиться и взять на себя ответственность осудить или оправдать человека, стараясь при этом быть беспристрастным, не давая себе возможности ошибиться. А ведь любая малейшая ошибка или неточность, могущая бросить на человека тень напраслины и необоснованных подозрений, готова в итоге нанести пожилому воину-фронтовику сокрушительный кровоточащий удар, наносящий рваную болезненную рану недоверия и обиды. Одна только строка, свидетельствующая о вынужденном проживании «инженера» в течение трех лет на оккупированной территории, подняла такой огромный пласт моментально высветившихся проблем, обнажив при этом массу вопросов, требующих своего логического объяснения и правдивого достоверного ответа.

Новые полученные данные подхлестнули и вдохновили к более активным действиям, появился смысл, оперативный азарт и практический интерес к восстановлению исторической справедливости в отношении «инженера». С целью возможного опознания и с надеждой на то, что, может быть, кто-нибудь, что-нибудь да и вспомнит к дополнительным вопросам, поставленным перед местными оперработниками, была приложена единственная найденная фотография «инженера», сделанная для ветеранского стенда. Попытки найти более ранние фотографии в подростковом или молодом возрасте ни к чему не привели. Удивительно, но даже в его семье, в имеющихся семейных альбомах, где люди обычно стараются зафиксировать и оставить на память моменты своего семейного счастья, не было ни одной его фотографии. Создавалось впечатление, что их просто нет. Факт сам по себе настораживающий. Отсутствие общих семейных бытовых, армейских и каких-либо других фотографий «инженера» явно свидетельствует не в пользу проверяемого.

С каким нетерпением делая предположения и строя догадки я ожидал ответа из деревни, находящейся в годы войны под немецкой оккупацией. Как же всетаки замечательно, что местному оперативному работнику благодаря грамотному и ответственному подходу к своим обязанностям удалось, работая по запросу, найти единственного и здравствующего свидетеля тех дней, вспомнившего данную семью, называя их правильно по именам. Казалось бы, в вымерших и сожженных деревнях, где трудно было ожидать оставшихся в живых коренных жителей, выжила и дожила до наших дней бабушка, которой было далеко за 80 лет. С трудом произнося каждое слово она, вспоминая военные годы и жизнь «под немцами», рассказала, что хорошо помнит эту семью, эту скромную безобидную женщину и двух ее взрослых сыновей. Тихая, «забитая» крестьянка, проводившая мужа на фронт, проживала в деревне в старом покосившемся доме вместе с двумя сыновьями-подростками. Обычные мальчишки, державшиеся всегда вместе, действительно свободно и не прячась, выходили за калитку, бегали в близлежащие деревни в поисках пропитания, чтобы обменять какие-то вещи на продукты. Мать они не слушали, да и не уважали, были сами себе хозяева. После освобождения деревни сыновья куда-то пропали, возможно, их забрали в армию. Больше она их не видела. Мать так до конца своих дней и прожила одна, не дождавшись сыновей даже на похороны. Кто-то из сыновей приезжал один раз – и все. Мать говорила всем, что сыновья проживают где-то далеко и якобы не имеют возможности приехать проведать ее. На похоронах их не было, т.е. со вре-

мен войны их в деревне никто не видел и какова их дальнейшая судьба – никто не знает. Бабушка не смогла по фотографии опознать в шестидесятилетнем мужчине одного из сыновей этой женщины, а ровесников, хорошо знавших их в деревне, не осталось. Молодежь практически вся была угнана в Германию, и в деревню после войны никто из них не вернулся. О том, что братья ходили по деревне всегда вдвоем и не от кого не прятались, говорила уверенно, а вот примеров возможной причастности двух братьев к комендантской службе в полиции или каким-то другим действиям сотрудничества с немецкими оккупационными органами власти она припомнить не смогла. При изучении захваченных архивных немецких документов информации, возможно свидетельствующей о сотрудничестве «инженера» с оккупационными властями на территории СССР, также не получено.

Таким образом, подтвердить или опровергнуть информацию, компрометирующую проверяемого, не представилось возможным. Людей, лично знавших и видевших «инженера» живым и способных удостоверить его личность, найти не удалось. Вопрос «Тот ли это человек, за кого он себя выдает», так и остался открытым.

Какова судьба родного брата – выяснить также не получилось, сам «инженер» с ним контактов не поддерживал с момента призыва в армию в 1944 году, и где находится последний, ему, якобы, ничего не известно.

Сама не типичная ситуация, сложившаяся вокруг семьи «инженера», меня просто поразила. Я, еще молодой и не искушенный судьбой человек, чисто внутренне никак не мог принять проявленный братьями исключительный цинизм в отношении родной матери и найти приемлемое объяснение мотивам поведения двух взрослых людей. Не имея ни капельки жалости и сострадания, грубо и бесстыдно бросивших родного человека жить и умирать в полном одиночестве, они не соизволили даже проводить ее в последний путь, дав добро сельчанам самим похоронить мать на местном кладбище. С другой стороны, как оперативника меня неустанно мучил один вопрос: что мешало или не давало возможности двум братьям вернуться в родную деревню. Что же все-таки было истинной причиной их нежелания появляться перед односельчанами воочию? Чего или кого они боялись?

Исчерпав все меры, по максимуму прояснить ситуацию с двумя молодыми якобы родными по крови братьями, освобожденными советскими войсками и растворившимися впоследствии на необъятной территории страны, потеряв всякий интерес друг к другу, я решил по возможности тщательнейшим образом проследить дальнейший жизненный путь хотя бы одного из них. С чувством неудовлетворенности и не законченности, мучившей мою профессиональную оперскую совесть, я настраивался хоть здесь получить очередной сюрприз, за который можно было бы ухватиться и распутать этот замысловатый клубок закрученного сюжета с претензией на детективную историю, начавшуюся сорок лет назад в годы Великой Отечественной войны.

Рассматривая с позиции сотрудника государственной безопасности весь трудовой путь послевоенного периода «инженера», начиная с демобилизации из армии и заканчивая сегодняшними днями, отметил одну очень интересную особенность и требующую осмысления закономерность. Имеющиеся материалы личного дела сотрудника института, тщательно проверенные и подтвержденные на всех местах его пребывания, свидетельствовали о том, что вся прожитая «официальная» биография шла как под копирку, словно жизнь молодого человека была предначертана и определена кем-то свыше и складывалась строго по единой инструкции. На протяжении сорока лет «инженер» последовательно двигался с Востока на Запад, меняя и останавливаясь на длительное проживание только в крупных индустриальных городах страны, таких как Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Свердловск. Прибывая в очередной город, он методично использовал одну и ту же отработанную схему легализации, позволяющую обосноваться и жить с приемлемыми условиями комфорта. Приезд на новое незнакомое место, поиск и установление гражданских отношений с одинокой женщиной (возможно с ребенком), прописка к ней на жилую площадь и обязательное официальное устройство на крупное машиностроительное предприятие. Как правило, все крупные предприятия в тот период времени работали на оборонку. Своих детей он не заводил. При более детальном и углубленном изучении периодов пребывания на оборонных предприятиях компрометирующих материалов в отношении «инженера» получено не было. Устраиваясь на предприятия, он старался избегать тех участков работы, где возникала необходимость оформления допуска к секретам, словно боялся обязательной в таких случаях проверки, хотя предложения такие ему поступали, причем с более интересной работой и повышенной заработной платой. По истечении какого-то времени он беспричинно увольнялся, находил повод для расставания с гражданской женой, срывался и уезжал в следующий город, начиная все сначала и по той же отработанной схеме. Импровизация, свойственная мошенникам в таких случаях – отсутствовала. Выглядело это слишком расчетливо и профессионально для деревенского паренька, закончившего службу в армии и начинающего новую неизведанную послевоенную трудовую жизнь.

Проанализировав полученные в ходе проверки материалы, сказать, что меня это озадачило, значит ничего не сказать. Я был просто уверен, что за всем этим, к сожалению, скрывается не разгаданная мною тайна. Столько нерешенных вопросов и невыясненных моментов, косвенно указывающих на возможную противоправную деятельность со стороны «инженера», меня просто давили. Я понимал свое бессилие и отсутствие реальных рычагов завершить проверку, очень важную и значимую для меня как в профессиональном,

так и в моральном плане. Я не знал, что в такой ситуации предпринимать и на чем остановиться, чтобы быть уверенным на сто процентов, что сделал все, что мог.

Вскоре, готовясь к длительной командировке, исключающей мое дальнейшее участие в осуществлении запланированного хода работы по «инженеру», я решился поделиться результатами проверки с ректором института Евгением Викторовичем Ткаченко. Внимательно выслушав и вникнув в психологическую составляющую, вырисовывающуюся при выборе наиболее приемлемого и возможно единственно верного решения, поразмыслив, Евгений Викторович посоветовал подключить к этому непростому вопросу председателя Совета ветеранов. Обсудив и придя к обоюдному согласию, с учетом преклонного возраста и морального аспекта, затрагивающего нравственную и этическую сторону вопроса, решили попросить уважаемого человека пойти на прямой откровенный разговор с «инженером». Предоставленная мною возможность использования полученной в ходе проверки информации давала нам определенную надежду. Если наши подозрения надуманны и неверны, то он как человек старой закалки, прошедший, познавший и переживший годы войны, скорее всего, поймет и правильно воспримет сомнения своих коллег-ветеранов, близких ему по духу и стойкости. А если человеку все-таки есть что скрывать из своей прошлой биографии, то он обязательно реально ощутит, что окружению что-то известно и былого доверия и веры, как прежде, уже не будет. Спокойно продолжать существовать и ходить под маской добропорядочного «ветерана», улыбаясь недобрым взглядам коллег, по крайней мере, будет не комфортно.

«P.S.»

После тяжелейшего, морально подавляющего для обеих сторон участников этого неприятного разговора, состоявшегося в узком кругу актива ветеранского движения, оставившего у всех присутствующих угнетающий, тягостный осадок, «инженер», даже не пытавшийся каким-то образом объяснить высказанные ему претензии и умело увиливающий от прямых ответов, противопоставив себя всему ветеранскому коллективу, уволился из института.

БЫВАЕТ ЖЕ ТАКОЕ

Иногда и в текучке обыденных проверочных мероприятий проскальзывает изюминка, запоминающаяся на долгие годы, о которой нет-нет, да и вспомнишь благодаря абсурдности, несуразности, а может быть и просто чьей-то примитивной глупости.

Получив однажды у секретаря отдела ответ на свой запрос, я мельком взглянул на содержание и обомлел, читая практически вслух установочные данные на проверяемого мною человека. На официальном документе с соответствующими подписями и печатями вполне серьезно сообщалось, что проверяемый мною человек является уроженцем «Конного Племенного завода». Опешивший, я прочитал еще раз. Все равно не понял. Что значит уроженец конно-племенного завода, он что – конь? Вера, секретарь отдела, услышав мои рассуждения вслух и возникшее при этом недоумение, улыбнувшись, сказала: «С конями тоже надо уметь работать...»

Не поверив своим глазам и озадачившись, я решил заглянуть на карту Пермской области, и надо же, действительно нашел поселок с судьбоносным, по-человечески «приятным» названием – Конный Племенной завод.

Это ж надо так не любить людей, сделав их уроженцами конно-племенного завода на всю оставшуюся жизнь. Сколько людей родилось и выросло за годы существования поселка с таким названием, и неужели, основываясь хотя бы на этическом соображении, никто не задавался вопросом о нормальном цивилизованном названии, не вызывающем столь язвительно-насмешливых ассоциаций. Вспомнив об этом сейчас и улыбнувшись знаниям топонимики советских чиновников, с легкостью принимавших непродуманные и опрометчивые решения, я попытался найти Конный Племенной завод в современном Пермском крае, и как вы думаете, я обнаружил «ПЕРМСКИЙ ПЛЕМЕННОЙ КОННЫЙ ЗАВОД № 9», ликвидированный в 2011 году, который был зарегистрирован по адресу: Пермский край, Пермский район, поселок Ферма. Не знаю. тот ли это поселок, но буйство фантазии уже местных российских функционеров вызывает уважение и гордость за преемственность нравственных позиций. Разницы между двумя этими поселками я не вижу, и «хоть убейте», не хочу быть уроженцем ни Конного Племенного завода, ни Фермы.

Ташкент

Раннее августовское утро последнего летнего денечка 1985 года, город еще спал, не отражая и не замечая плавного перехода из лета в осень своими пустынными широкими чистыми улицами, утопающими в тени деревьев, и непривычными для нас уральцев яркими цветочными пятнами клумб, гармонично разбросанных по зеленому ковру газона. Привлекая и радуя глаз разнообразием красок, цветы вспыхивали и загорались при первых лучах солнца искрящимися, будто бриллианты, маленькими капельками воды после обильного полива заботливыми местными жителями. Алые, бордовые и красные кусты роз, словно приветствуя и приглашая в сказку одного из древнейших городов Центральной Азии, сопровождали наш автобус из аэропорта до города практически на всем протяжении пути. Розы еще напомнят о себе, удивив своим экзотическим убранством, но это будет немного позже.

Выйдя из автобуса на нужной улице, группа молодых Свердловских чекистов, прибывших в Ташкент на учебу с чемоданами и сумками в руках, оказались в буквальном смысле одни, стоя на безлюдном перекрестке в центральной части города. Растерянно озираясь по сторонам, пытаясь сориентироваться в незнакомой

обстановке и увидеть номера домов, фасады которых скрыты зелеными насаждениями, мы стали оживленно обсуждать, жестикулируя руками наши последующие действия. Проинструктированные еще дома в Свердловске сотрудниками отдела кадров о режиме секретности Высших курсов КГБ СССР и нежелательности открытого проявления интереса у местного населения к возможному местонахождению данного заведения мы, не обнаружив необходимого нам адреса, стояли, громко определяясь в какую сторону направиться. Явная озабоченность, наверное, наглядно читалась на наших лицах, и первые проходившие мимо узбекские граждане, обратив на нас внимание, по-доброму без обиняков сразу спросили прямо и откровенно: «Вам школу разведчиков надо?» Почувствовав с нашей стороны некоторое замешательство, улыбнулись и доходчиво нарисовали весь маршрут, в итоге точно приведший нас к воротам «школы». Как оказалось, Высшие Курсы КГБ СССР располагались внутри жилого квартала, где хаотичное нагромождение домов, гаражей и дворовых площадок с деревьями и густыми зелеными кустами естественным образом скрывало небольшой комплекс зданий от любопытных глаз. По мере приближения к цели попадавшие на пути местные жители, не сговариваясь и не спрашивая нас, со знанием дела указывали нам правильное направление. Создавалось впечатление, что нас давно ждут и рады нашему появлению. О каком требовании соблюдения конспирации могла идти речь, совершенно не понятно. Все всё знают. Большие металлические ворота с контрольно-пропускным пунктом (КПП), обозначившие территорию с находящимися зданиями учебного корпуса и общежития, ставшего нам родным домом в последующие полгода, возникли как-то неожиданно. Первыми нас встретили местные узбекские прапорщики. Одетые в засаленную, не первой свежести форменную одежду, они явно не были знакомы со спортивными снарядами и не ведали элементарной спортивной подготовки. Рельефно выпирающиеся животики и натянутые на рубашке пуговички, стремящиеся вырваться на свободу, завершали первичное и не столь радужное внешнее впечатление, сглаживаемое широкой улыбкой и приветливой речью, украшенной своеобразным узбекским акцентом.

Впервые очутившись в Ташкенте, мы, таким образом, окунулись в незнакомый и самобытный мир Центральной Азии, где люди поклоняются исламу, а ислам – это образ жизни с проявлением почитания, уважения и преданности Аллаху. «Восток – дело тонкое...» Мужчины в свободных белых рубашках и в стеганых халатах, подвязанных поясным платком, и все как один в тюбетейках, женщины в ярких туникообразных цветных платьях и шароварах из атласа, на голове та же тюбетейка – вот среда нашего нового обитания. Всё, мы в другом мире, и нам предстоит адаптироваться в кратчайшие сроки, постаравшись стать здесь своими. Вынужденное приспособление к новым жизненным обстоятельствам завладело нами полностью так, что первую неделю своего пребывания в Ташкентской «ссылке» каждую свободную минуту стремились провести в городе, стараясь быстрее ознакомится, познать и вкусить удивительный местный колорит Востока с интригующими традициями и национальными особенностями.

Специфика общеобразовательного процесса получения специальных знаний, необходимых будущему оперативному работнику в закрытой от посторонних глаз структуре, не предусматривает широкого освещения. А вот индивидуальный жизненный этап оторванных от дома молодых мужчин, проходящий за воротами учебного заведения, оставил много приятных и запоминающихся воспоминаний, о которых вполне можно рассказывать, не ограничивая себя рамками секретности.

Ташкентский период, в первую очередь, запомнился незабываемым гармоничным соединением современного промышленно развитого центра с историческими памятниками архитектуры и культуры. Основой же основ настоящего существования «звезды востока», несомненно, являются доброжелательные и мудрые люди, с достоинством поддерживающие и не допустившие утраты вековых традиций и богатого этнического разнообразия своих узбекских предков. В новом облачении старый, приковывающий внимание Ташкент наглядно оживает благодаря шумному восточному базару с его разнообразием звуков, голосов и далеко распро-

Свердловские чекисты в городе Ташкенте (слева направо: 2-й – Ахметшин А., Иванов В., Соломахин С., Рогов С.). *1985 год.*

страняющихся запахов восточных пряностей. Притягивающие к себе кварталы с компактными двориками старой гостеприимной махалли, где на каждой улице расположены чайханы и пекарни, радушно приглашающие утолить объективно зарождающийся голод. Возбужденный царившей вокруг восточной атмосферой, ты с удовольствием наслаждаешься узбекской самсой и пловом, лагманом и шурпой. Возникающие на каждом шагу картинки из волшебных сюжетов неизбежно возвращают тебя к давно забытым и читаемым когда-то взахлеб сказкам Шехерезады «Тысяча и одна ночь».

Параллельно с учебным процессом, академическим и заформализованным, нас периодически старались привлекать и к реальным контрразведывательным мероприятиям, направленным на противодействие всевозможным ожидаемым «антисоветским» проявлениям, что, конечно же, вносило живинку и интерес в обыденный будничный режим обучения. Обычно непосредственное участие прикомандированных молодых сотрудников широко планировалось и применялось местным руководством КГБ Узбекской ССР в периоды подготовки и проведения крупных партийно-политических мероприятий и праздничных дней с массовым участием населения столицы.

Особенностью оперативной обстановки в городе Ташкенте и основным раздражающим фактором дестабилизации положения местного уклада жизни и спокойствия партийных и советских органов власти, несомненно, было наличие национального движения крымских татар.

Массовое появление и расселение крымских татар в Узбекистане связано с их принудительным переселением из Крыма в годы Второй мировой войны. Вскоре после полного освобождения Крыма от нацистской оккупации, И.В.Сталин подписал Постановление Государственного Комитета Обороны СССР № ГОКО-5859 от 11 мая 1944 «О крымских татарах», в котором обвинил всех крымских татар в дезертирстве из Красной армии и в сотрудничестве с оккупантами. Обоснование депортации было подготовлено в докладной записке Лаврентия Берии: в частности, в ней утверждалось, что «значительная часть татарского населения Крыма активно сотрудничала с немецко-фашистскими оккупантами и вела борьбу против Советской власти. ...Учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза», в докладной записке предлагалось выселить всех татар с территории Крыма. До 1 июня 1944 г. в Узбекистан было переселено 35 275 семей (151 694 чел.) крымских татар. Основная часть крымских татар расселилась в окрестностях Ташкента.

Национальное движение крымских татар как движение репрессированного народа, подвергшегося насильственной депортации и моральному унижению, сформировалось во второй половине 1950-х годов. Основные требования активистов движения включали восстановление автономии, возвращение народа на свою историческую родину. Крымскотатарское национальное движение характеризовалось массовостью и организованностью, радикализмом, четкой политической направленностью, пафосом идеи национальной государственности, сочетанием определенной этнической самоизоляции с установками широкой экстерриториальности и возрождением идей пантюркистской и панисламистской общности и солидарности. Национальное движение крымскотатарского народа получило широкое международное признание.

Одним из лидеров крымскотатарского национального движения был Мустафа Абдулджемиль Джемилев. Мустафа Джемилев родился 13 ноября 1943 года в селе Ай-Серез Судакского региона Крымской АССР во время немецко-фашистской оккупации Крыма, а 18 мая 1944 года семья Джемилевых была депортирована из Крыма в Узбекскую ССР.

За свои политические взгляды и антисоветскую деятельность Джемилев в 1965 году был исключен из Ташкентского института инженеров ирригации и мелиорации сельского хозяйства и семь раз представал перед судом. Всего он провел в местах лишения свободы пятнадцать лет. Он также был одним из основателей и активным членом Инициативной группы по защите прав человека в СССР.

На тот момент мы этого в полном объеме естественно не знали и совершенно не ориентировались в вопросах проводимой в республике национальной политики. Воспитанные на принципах интернационализма, мира и дружбы между народами нашей общей единой страны и не сталкивающиеся с подобными проблемами на местах, мы здесь впервые воочию соприкоснулись с национальными проявлениями в масштабе союзной республики и государства в целом. В день, когда весь советский народ отмечал седьмое ноября 1985 года – праздник Великого Октября, нашу «внушительную и грозную» оперативную группу в количестве двух человек с напутствующими словами: «выявить, зафиксировать и по возможности предотвратить любые попытки осуществления антисоветских действий, направленных на дестабилизацию обстановки...», доставили непосредственно в район прогнозируемых и реально ожидаемых в этот праздничный день противоправных событий.

В Ташкентском районном отделении УКГБ Узбекской ССР перед тем, как на практике в полной мере ознакомиться и прочувствовать нюансы неизвестного пока еще нам национального движения крымских татар, до нас довели праздничный инструктаж и зачитали краткую лекцию-беседу о деструктивной деятельности представителей крымско-татарской диаспоры, проживающей в махалле, где мы и будем нести свою праздничную службу. В качестве примера привели несколько фактов противоправных действий и имевшее ранее место вывешивания крымскотатарского флага на высокой трубе единственной в

районе котельной, причем недопустимости демонстрации флага для общего обозрения почему-то придавалось большое политическое значение. Акцентируя еще раз о важности и серьезности момента, нам в помощь выделили местного участкового милиционера, способного в случае чего поработать переводчиком и при необходимости юридически закрепить возможные процессуальные действия.

В 18.00 часов мы уже были на месте. Участковый привез и высадил нас у старого небольшого и, как нам показалось, возможно, единственного на всю округу каменного двухэтажного здания с еле читаемой самодельной вывеской «Продуктовый магазин». В этом же здании с обратной стороны магазина находился опорный пункт милиции, небольшая обшарпанная комната без окна, давно не видевшая и явно требующая косметического ремонта. В комнате, куда нас привели, был только стол и несколько стульев. Связующим звеном этого оторванного от цивилизации поселения с оставшимся где-то далеко таким знакомым и понятным миром был только стоящий на столе полуразбитый телефон. Милиционер, продиктовав нам несколько телефонных номеров для связи, уезжая, улыбнувшись и хитровато прищурившись, пожелал нам спокойного дежурства, пообещав через час вернуться. Оставшись одни, оглядевшись, мы наглядно ощутили, что негостеприимная махалля, где компактно проживающие крымские татары территориально осуществляли местное самоуправление, вызывая тем самым политические вопросы у советских и партийных функционеров, встретила нас пугающей безлюдной тишиной. Первое обескураживающее впечатление – все вымерли. Район, состоящий из небольших покосившихся частных домов с грязными кривыми грунтовыми улицами без тротуаров и освещения, погрузившись в темноту, представлял мрачную картину. На улице уже смеркалось. Наш магазин, освещенный в радиусе 20–30 метров единственной уличной лампочкой на одиноко стоявшем столбе, выглядел сиротливо со своими тусклыми окнами и открытой дверью с надеждой на покупателей. Продавец, пожилая женщина нерусской национальности, скучающая в одиночестве и оживившаяся при нашем появлении, сначала долго не могла понять, почему мы ничего не покупаем, а затем искренне обрадовалась, узнав, что мы будем ее спутниками на весь праздничный вечер до самого закрытия магазина.

Озадаченные выполнением поставленных перед нами задач, мы со всей ответственностью подошли к своим обязанностям, решив, в первую очередь, пройтись по району и физически ознакомиться с окружающей нас оперативной обстановкой. Решительно направившись по незнакомой улице вглубь жилого района, мы, неожиданно для себя, с удивлением обнаружили, что крымские татары, оказывается, не отмечают традиционный и привычный для нас с детства праздник. Если в наших родных городах в это время вовсю царит веселье, сопровождающееся шумным застольем и музыкой, то здесь гнетущая тишина и покой. Окна частных домов на всем протяжении дороги, пока мы шли, смотрели черными проемами, будто люди давно уже спят или их просто нет в доме. Какое там веселье, мы не увидели в окнах даже знакомого голубого света, свидетельствующего о просмотре домочадцами обычного телевизора. Это, поверьте на слово, вызывало подозрение и последовавшее за этим напряжение и беспокойство. Щемящее чувство, будто идешь по вымершему поселку, как по дну глубокого сырого и холодного оврага, постепенно завладевало тобой, дав повод для зарождения нехорошей мысли о вполне допустимой возможности не выбраться наружу. Отойдя от магазина метров четыреста-пятьсот, очутились в сплошной темноте, где все окружающие дома и сооружения слились в единый угрожавший темный силуэт. С трудом ориентируясь только на горящий где-то вдалеке фонарь у оставленного нами магазина, вдруг почувствовали внутренний дискомфорт, подсказывающий, что дальше идти не надо. В той ситуации любой издаваемый звук, пусть даже лай собаки или скрип открывающейся калитки, сильно обрадовали бы нас, подбадривая морально сознанием того, что мы не одни в этом незнакомом мире и находимся среди живых людей. Однако тщетно пытаясь уловить ожидаемые признаки жизни, мы с каждой минутой все больше теряли эту надежду, погружаясь в какую-то мрачную кладбищенскую атмосферу. С чувством тревоги и возникшими сомнениями в правильности дальнейшего выбора направления движения, посовещавшись, решили возвращаться обратно, пока окончательно не заблудились. Обратная дорога к магазину оказалась намного короче. До единственной котельной мы так и не дошли, да и высокую трубу, скрывающуюся в опустившейся непроглядной тьме, увидеть было просто невозможно. Вернувшись чуть ли не бегом к манящему тусклому свету лампочки, мы увидели ту же скучающую в одиночестве пожилую женщину. Не успев толком обменяться с ней своими удручающими впечатлениями о местных достопримечательностях, услышали знакомый звук автомобиля, лихо развернувшегося и остановившегося перед магазином. Вернулся наш новый знакомый участковый, показывающий всем своим видом, что тревожное дежурство, не вызывающее положительных эмоций и праздничного настроения, на этом закончилось. Милиционер, что-то весело говоря на узбекском языке (скорее всего в адрес продавщицы), вышел из машины, прихватив с собой ящик жигулевского пива. Приглашая своим мягким, несколько заискивающим голосом украшенным узбекским акцентом, поднять градус настроения и отметить главный государственный праздник в стране – День Великой Октябрьской социалистической революции, он бодро и весело влетел в опорный пункт, взгромоздив по-хозяйски ящик пива на стол. Подошедшая следом женщина-продавец, державшая в руках продукты и большую свежую ле-

С.Соломахин (Свердловск), А.Рог (Смоленск). *Ташкент. 7 ноября 1985 г.*

пешку, передала все участковому и удалилась. Наши ожидания, несмотря на темные безлюдные злоключения, оправдались, праздник все-таки удался. Доложив руководству сложившуюся оперативную обстановку в районе и получив добро на возвращение, мы, естественно, не смогли отказать гостеприимному хозяину опорного пункта. Такой необычный, можно даже сказать, странный и ненормальный праздничный день был впервые в нашей служебной и оперативной практике. Возможно, нам не повезло, ведь основная часть наших однокурсников в это время пребывала в благополучных районах Ташкента, в благоприятных и комфортных условиях города, а мы, вынужденные отдуваться, находились в плену глухой, богом забытой окраины у черта на куличках. Но если бы не этот случай, давший нам первые уроки общенациональной политики, то мы бы так и не знали и, возможно, никогда не смогли бы серьезно воспринимать само понятие «национальное движение крымских татар». И хотя для нас все это было как-то необычно и не совсем понятно, мы осознали и прочувствовали на собственной шкуре, что не все в стране так гладко и однозначно. Оказывается, есть и существует так называемая проблема сепаратизма, основанная сложным этническим составом страны, ошибками национальной политики со стороны советских руководителей и возрастающей поддержкой внешними спонсорами местнических лидеров – носителей идеи пантюркизма, рассматривающих это, в первую очередь, как эффективное средство в глобальной идеологической борьбе против СССР. Ведь согласно доктрине пантюркизма народы, говорящие на тюркских языках, являются одной нацией и должны объединиться под началом Турции в единое государство Туран. Таким необычным практическим способом до нас дошла важность и необходимость постоянного отслеживания и кропотливой вдумчивой работы с представителями этих народов в плане предотвращения чуждой нам политики сепаратизма. Одно радует, вечер прошел без трагических эксцессов, мирно и спокойно. За четыре часа того памятного дежурства в «вымершей» махалле один на один с крымскотатарским населением, мы действительно не увидели ни одного местного жителя и не услышали ни одного звука, свидетельствующего хотя бы о том, что здесь проживают живые люди.

Необычность сложившейся возможно штатной ситуации для местного оперативного состава и внештатной лично для нас с интригующей неизвестностью, маячившей впереди, граничила, как нам казалось, с рискованностью нашего дальнейшего здесь пребывания. В конечном результате, так хорошо начинающийся праздничный день ожидаемых приятых и положительных впечатлений, в итоге пощекотав в избытке наши нервы, заканчивался на тревожной волне, дав возможность остро прочувствовать и испытать себя более чем достаточно оторванными и потерянными во временном пространстве. Вместе с напарником, молодым оперработником из Смоленска со звучной фамилией Александром Рогом, нам хотелось только одного – побыстрее закончить свои не очень приятные служебные обязанности и поскорее покинуть это негостеприимное место.

Что касается государственных и общенародных праздников, справляемых в Узбекистане, – это отдельный разговор, требующий осмысления и понимания в полном соответствии с национальными традициями и укладом жизни советских южно-азиатских республик в восьмидесятых годах прошлого столетия. Взять хотя бы тот же широко отмечаемый любимейший праздник россиян Новый год. В отличие от нас в узбекские семьи Новый год приходит дважды. Первый раз граждане республики отмечают его, как и все в Советском Союзе, в ночь с 31 декабря на 1 января. Второй раз уже национальный Узбекский астрономический Новый год приходит в день весеннего равноденствия. 21 марта вся республика встречает древнейший азиатский Новый год – Навруз. Название праздника Наурыз (Навруз-Байрам) переводится как «новый день» и связан, прежде всего, с пробуждением Земли, давая в этот день человеку шанс начать свою жизнь по-новому. Весенний Новый год как праздник продолжительностью в тринадцать дней пришел в Узбекистан из древнего Ирана. В течение этих дней необходимо веселиться, ходить в гости и обязательно постараться помириться со всеми родственниками. В этот праздник обычно прощаются все грехи и обиды.

Наша продолжительная служебная командировка позволила в полной мере окунуться в праздничные дни лишь только в декабре, поэтому я не берусь квалифицированно оценивать и сравнивать эти два совершенно разных праздника, раскрывая противоречивые особенности того или иного мероприятия с единым объединяющим названием «Новый год». Чтобы не оказаться несведущим человеком, вернусь к более привычному и зна-

комому в моем понимании заснеженному новогоднему празднику с Дедом Морозом и Снегурочкой, с горками и каруселями, подарками и нарядными лесными елками.

Приближался новый 1986 год. Успев обвыкнуть, адаптировавшись к местным теплым условиям, нам, конечно же, было страшно интересно своими глазами увидеть и прочувствовать, какой же все-таки Новый год на юге. Волею судьбы, оторванные на протяжении уже четырех месяцев от родного дома и семьи, прохаживаясь по не заснеженным улицам Ташкента и, вроде как, наслаждаясь декабрьскими еще теплыми лучами солнышка, старались не показывать, скрывая всем своим внешним видом зарождающееся где-то глубоко внутри испытываемое волнительное напряжение. Поверьте на слово, мы с глубокой тоской в глазах переживали свое одиночество и невозможность обнять и поцеловать любимую жену и детей в преддверии наступающего сказочного праздника. Спустя прожитые годы, понимаешь, что были в дальнейшем и более трудные командировки в те же горячие точки, реально связанные с риском для жизни и полной неизвестностью, но Ташкент как первое пережитое нами испытание разлукой остался в памяти навсегда. Соскучившиеся по устоявшемуся в это время на родине снегу и не наблюдавшие привычного с детства активного и заметного ажиотажа, царившего в приготовлении новогоднего убранства городских площадей и улиц, мы с грустью, но все-таки с надеждой и нетерпением ждали этот удивительный «Новый год». Оставаясь моментами в одиночестве, когда обуревало ностальгическое настроение, очень хотелось думать, что яркий «зимний» праздник способен будет отвлечь пусть даже ненадолго от печальных мыслей, все чаще возвращающих нас домой. Старались больше времени проводить на улицах города, подпитывая тихую грусть своего душевного состояния радостью и положительной энергией окружающих людей. Каждый очередной выход за ворота КПП преподносил неожиданные сюрпризы в виде маленьких, непривычных нелепостей в антураже оформления приближающегося новогоднего праздника. С недоумением обнаруживали на витринах магазинов и уличных плакатах забавных узбекских Дедов Морозов и Снегурочек, а также многочисленных зайчиков и белочек, разодетых в цветные халаты и тюбетейки. Ну что здесь еще можно было ожидать, если даже на огромных портретах членов Политбюро, выполненных в технике «сухой кистью» и смотрящих на тебя с фасадов административных зданий, наблюдались легкие и узнаваемые черты как бы азиатского происхождения изображенных. Теперь о елках. В крови у русского человека веками сложившееся традиционное понятие, что живая лесная елка должна радовать своей натуральной первозданной красотой, являясь неотъемлемой частью новогоднего представления. Своим обязательным присутствием не только в каждом доме советских граждан, но и на площадях городов и поселков она становилась центром притяжения для массового гуляния, очагом развеселого праздничного настроения. Я, выросший на Урале, где наиболее красивым живым елям заранее устраивали смотр и отбор в праве участия на главном городском событии завершения года, здесь в Ташкенте впервые увидел необычную и странную елку. Новое обличье лесного рождественского дерева поразило и несколько озадачило мое взрослое, возможно, в чем-то консервативное, устоявшееся представление о традиционном новогоднем символе. До Ташкента я даже и подумать не мог, что такое вообще может быть. Идеально ровный высокий зеленый конус, видимый на дальних подступах к центральной площади столицы Узбекистана, в первый момент манил к себе простым человеческим любопытством, заинтриговав безукоризненно правильными геометрическими формами. И только на месте, подойдя вплотную к этому инженерному сооружению, обнаруживается вся подоплека великолепной стройности и густоты кроны так называемой елочки. При непосредственном близком ознакомлении, вернувшем меня на грешную землю, местная зеленая «красавица» предстала в виде огромного металлического конусного каркаса, обтянутого сеткой, обложенной в свою очередь еловым лапником. Детское стихотворение: «Нарядная, пушистая к нам елочка пришла, и аромат душистый домой к нам принесла!», как олицетворение ожидания новогоднего чуда здесь явно не проходит. В тот момент я вполне серьезно посчитал это издевательством городских властей над любимым праздником.

Январский Новый год в Узбекистане – это сугубо светский, больше европейский праздник, явно привнесенный «старшим братом», он хоть и наступает 1 января, но сильно отличается от традиционного празднования в других городах России. В этом мы убедились лично, став свидетелями и непосредственными участниками, постаравшимися в целом отметить наступление нового года по нашим русским меркам, так как других вариантов с возможными национальными особенностями и местными традициями мы здесь не увидели.

Главным на узбекском новогоднем столе является арбуз, чем слаще арбуз, тем счастливее будет предстоящий год. Помимо арбуза на столе должно быть много фруктов и, в первую очередь, виноград, т.к. съесть 12 крупных виноградинок во время боя кремлевских курантов, возвещающих о наступлении Нового года, считается у узбеков хорошей приметой. Мы же все-таки не азиаты и довольствоваться фруктами не в наших правилах. Собравшись чисто мужской компанией, накрыли стол в общежитии согласно своим представлениям и желаниям. Обходя запреты введенного сухого закона и неусыпный пригляд прапорского состава школы, молодые оперативники привычно налегали за столом на мясо, не забывая разбавлять тяжелую жирную пищу холодненькой беленькой водочкой, зачастив, чередуя наперегонки произносимые тосты, харак-

терные для разных уголков нашей необъятной Родины. Естественное желание в эту ночь – вспомнить дом и мысленно там побывать – проскальзывало в каждом новогоднем тосте, это желание в итоге и вывело нас на свежий воздух прогуляться до центральной елки. Выйдя на улицу за ворота КПП в приподнятом настроении, готовые петь, плясать и веселиться, мы не услышали ожидаемого шума и гама подогретой веселящейся толпы, стояла безмолвная тишина. Время уже за полночь, куранты давно известили о наступлении Нового года, а во дворе, где находилась наша школа, полное отсутствие безудержного гулянья людей с хлопушками и бенгальскими огнями. Из окон домов не играла музыка, не доносились звуки оживленного застолья, и вообще большая часть окон смотрела на нас темными спящими проемами. Сразу не сообразив, в чем дело, и посчитав, что основная масса населения находится в центре города и развлекается, водя хороводы вокруг елки, мы, воодушевленные новыми впечатлениями, направились туда, где, по нашему мнению, ждет приятная возможность окунуться в таинства неизведанного празднования Нового года по-узбекски. По мере приближения к освещенной огнями Центральной площади с доминантой из «металлической» елки, наши громкие и активные разговоры стали затухать, сменяясь на интонацию вопросительного недоумения. Площадь оказалась пуста. Под елочкой, сиротливо прохаживаясь, находились только два человека, оказавшиеся дежурным нарядом из сотрудника милиции и представителя администрации города. Откровенно скучающие и словно отбывающие трудовую повинность вопреки своим желаниям, они искоса посматривали в нашу сторону, ожидая, возможно, каких-то неправильных действий с нашей стороны. Вот тебе и неизвестный долгожданный Новый год в Узбекистане. Обманутые и разочарованные в своих надеждах, мы растерянно стояли, не увидев ни работающих аттракционов, ни знакомых сказочных персонажей, ряженых шутов и скоморохов. Не звучала даже привычная музыка. После минутной паузы, осваиваясь и привыкая к имеющимся условиям, как истинные оперативники стойко приняли данную нам реальность и, совсем не собираясь мириться с возможным неисполнением наших радужных надежд, быстро сориентировались и пришли в себя. Как положено, у нас с собою было все необходимое. С молчаливого согласия наших новых знакомых решили взять дальнейший ход праздничного мероприятия в свои руки, став доставать и раскладывать на высоком мраморном парапете прихваченные с собой запасы. Русская неудовлетворенная душа требовала продолжения веселья. Приводя своим громким появлением и откровенным намерением продолжить праздник вблизи памятника В.И.Ленину сначала в оторопь, а затем и в замешательство этих двух замечательных, но скучных «служивых», мы затем легко вовлекли их в свой круг общения, расшевелив общим задорным и веселым настроением, царившим на отдельном пяточке давно уже спящего города. Наслаждаясь создаваемой собственными силами привычной атмосферой ожидания чуда от праздника, пусть даже хотя бы только для себя, вскоре увидели приближающуюся большую группу горожан, направляющуюся в нашу сторону по одной из центральных улиц. Справедливо посчитав, что народное гуляние только начинается, и мы не одни такие в городе, искренне обрадовались новому пополнению, подтягивающемуся к елке. Встречая долгожданных гостей доброжелательными криками приветствия с поздравлениями, тостами и новогодними пожеланиями, вдруг обнаруживаем своих коллег по «несчастью», т.е. соседнюю группу по школе, отмечающую Новый год где-то в другом месте. Ликовали долго, пока все не побратались, как дети. Это было здорово встретить своего человека в огромном чужом городе в нужном месте и в нужное время. За три ночных часа пребывания под елкой таких замечательных встреч у нас оказалось четыре, и заметьте, никаких посторонних. Представляете, главная площадь столицы мусульманской республики, используемая в основном для проведения идеологически выдержанных политических мероприятий и свободная не ограниченная рамками приличия толпа около сотни собравшихся в одном месте молодых крепких, хорошо знающих друг друга православных мужчин с легким ароматом алкоголя. Танцующая, поющая и веселящаяся, мирно толкающаяся и обнимающаяся, она напрочь дезориентировала присутствующих представителей местной советской власти, поставив их в неловкое положение как лично причастных ко всему этому «безобразию». Так получилось, что в первую наступившую ночь 1986 года, в новогоднем массовом гулянии мы, не сговариваясь, собрались вместе. Проявивший себя символизм крепкого единства спецслужб Советского Союза, вера в традиции и преемственность поколений в лице молодого и многонационального оперативного состава КГБ СССР была продемонстрирована с убедительной наглядностью. Тогда на душевном подъеме перестроечного времени мы, конечно, не знали, какие абсолютно не планируемые испытания ждут впереди и что через пять лет в связи с распадом СССР судьба разбросает нас по отдельным «квартирам» некогда могущественного Союза.

Вдоволь оторвавшись и психологически освободившись от навалившейся нагрузки, приглушив наконец-то накопившуюся нервозность и переживания, расходились навеселе также отдельными кучками по разным улицам в разные стороны столицы. Уходя и прощаясь, мы оставили уже хорошо знакомых новогодних друзей опять одних. Они с нескрываемым недоумением и огорчением смотрели, провожая братски обнимающихся: калмыка и украинца, грузина и армянина, русского и якута, башкира и узбека. Излучаемые ими чувства радости и счастья говорили о том, что праздник, несмотря на ответственную в эту ночь работу, удался, ведь им тоже

перепало немножечко нашего прекраснейшего буйного праздничного настроения, да и не только настроения.

БЫТЬ В ТАШКЕНТЕ И НЕ ПОЧУВСТВОВАТЬ...

Выйдя из ташкентского аэропорта на улицу, Лена замерла, ровным белым покровом лежал снег, художественно накрыв кустарники и деревья с яркими зелеными пятнами газона под своими кронами. Многочисленные кусты роз, обрамляющие дорогу в город, ровными рядами уходили вдаль. Бутоны распустившихся алых роз, горделиво стоявшие, как солдатики, и не преклонившие свои головки, покрытые шапкой белоснежного снега, выглядели по-гусарски красиво, словно кивера, украшенные султаном из заячьего меха.

Вылетая из заснеженного Свердловска в солнечный Узбекистан, она, не ожидавшая увидеть подобную сказочную картину, была поражена той живописностью и изысканностью природного явления, сотворившего такое чудо. Замерев, наслаждаясь увиденным и забыв на время обо всем на свете, Лена, держа крепко за руку встретившего ее мужа и широко улыбаясь миру, выглядела искренне счастливой, ощутив себя в этот момент любимой, получившей бесценный подарок судьбы. Жаль, что красота не вечна, и к обеду теплые лучи солнца растопили ожидание прекрасного, вернув иллюзорный мир в привычное состояние, но первое, столь важное противоречивое впечатление о прекрасном Ташкенте, запомнившееся на всю оставшуюся жизнь, было уже сформировано. И еще один главный и немаловажный фактор, Леночка, получив в этот момент оптимистический, задорный настрой, с которым достойно хотела предстать перед мужем, восстановила так необходимое радостное эмоциональное состояние, практически растерявшееся в предыдущие сутки. Из-за толчков землетрясения и возможно вызванного этим аномального выпадения снега в Ташкенте, рейс из Свердловска периодически откладывался на неопределенное время. Лена в режиме ожидания находилась всю ночь в аэропорту. Держа в руках высокую коробку с самоиспеченным тортом в нервной суете и неожиданно свалившихся на нее волнительных переживаниях, она вынужденно провела наедине со своими быстро заполнившими голову недобрыми мыслями практически сутки в неудобных пластиковых креслах аэровокзала «Кольцово». Лена, конечно же, не знала подоплеки задержки рейса и не могла предположить ожидавшего ее впереди и столь поразившего природного сюрприза.

Три года после окончания архитектурного института, постепенно включаясь и привыкая к самостоятельной жизни, она твердо считала, что так и будет теперь идти по жизни рука об руку, защищенная от всех неприятностей родным мужским плечом. Лена, ранее мечтавшая и видевшая себя вместе с мужем только в архитектуре, вынужденно смирилась, но еще не привыкла к своему новому амплуа – жены офицера. Она никак не ожидала, что муж, защитник и опора, сможет покинуть ее, уезжая якобы для получения профессиональных знаний на полгода в служебную командировку, оставляя с двумя малолетними детьми в тот момент, когда младшему сыну исполнился только один год. Да и командировка-то куда – в Ташкент, а там Туркестанский военный округ и война в Афганистане продолжается. Что думать, чего ждать, душа рвалась к нему, не веря всем словам о скучной, повседневной и спокойной учебной жизни курсанта. Тогда уже не было секретом, что в Туркестанском военном округе целенаправленно готовили военнослужащих для прохождения дальнейшей службы в Афганистане, а оперативный офицерский состав готовился для «работы» в качестве советников. И вот сейчас увидев его, встречающего в чужом городе, в другой республике, такого родного и близкого, дав, наконец, волю своим женским чувствам, бросилась в объятия мужа, улавливая обонянием и прикосновением своих губ знакомые и дорогие черты лица и запах мирного, не пропитанного порохом и гарью любимого человека.

Закончили формальности с получением багажа, автобус в сопровождении так ошарашившего цветочно-снежного эскорта и под удивленным взглядом Лены доставил молодую семейную пару в гостиницу КЭЧ Туркестанского военного округа. Поселив жену в номере на последнем четвертом этаже гостиницы, Стас оставил ее осваиваться и отдыхать, пообещав вернуться после 17.00 часов. Какой может быть отдых, одни только цветы в снегу сняли всю усталость и суточный недосып, хотелось быстрее выскочить в город и своими глазами увидеть и потрогать возбуждающий мир восточных сказок так неожиданно встретивших ее взаимоисключающими противоположными крайностями. Пугаясь потеряться в незнакомой обстановке, она быстренько пробежалась по близлежащим магазинчикам, стараясь не отдаляться далеко от гостиницы. Получив удачную возможность продлить, оторвавшись от домашних забот, несколько летних, жарких деньков, Лена, оставив двух маленьких и дорогих ей человечков на бабушкино попечение, шла по улицам незнакомого города свободная и счастливая. Моментальная смена холодного, заснеженного Свердловска на светлый теплый Ташкент будоражила женское воображение и переполняла эмоциями. Одна только приятная мысль, что где-то рядом, а не на войне находится ее любимый, вселяла уверенность и спокойствие.

С нескрываемым интересом, излучаемым молодой симпатичной и жизнерадостной девушкой, Леночка, Ленуська останавливаясь и заглядываясь на отдельные здания и дворовые уголки, неожиданно раскрывающиеся в глубине строений, искренне заинтересовавшие ее с профессиональной точки зрения, невольно стала обращать на себя внимание местных горожан. Город был привлекателен, приветлив и интересен во всем. Другая архитектура, сочета-

ющая различные исторические эпохи, другие люди, со своими тараканами в голове, уживающимися с современным светским этикетом и религиозным восточным преклонением и почитанием, другие лавки и магазины, заманивающие каким-то непреодолимым влечением. Увидев, например открытую дверь винного магазина, она не сразу поняла, что здесь что-то не так. Отметив мысленно про себя отсутствие столпотворения, неприглядной огромной очереди с сутолокой и возникающими потасовками, остановилась, рассуждая, в чем здесь подвох. Гонимая любопытством и большим желанием сделать встречу с мужем более приятной и интимной, решилась заглянуть внутрь и не ошиблась. Удивленная наличием и разнообразием выставленной продукции, а еще более тем, что хорошее вино можно купить цивилизованно в любом количестве и в неограниченном временном порядке, несмотря на «сухой закон», введенный 17 мая 1985 года генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Сергеевичем Горбачевым, она со знанием дела выбрала вожделенный напиток. В городе, где преобладало мусульманское население, «сухой закон» оказался не актуален.

Вернувшись, довольная своими впечатлениями и удачными покупками, стала готовиться к предстоящей встрече с мужем без суеты и отвлекающих факторов. Соскучившаяся двухмесячным отсутствием мужа и стремящаяся обрадовать любимого человека домашней едой и «фирменным» тортом, она накрыла стол привезенными с собой продуктами, выставив для праздничного настроения только что купленное Токайское вино.

Несколько выкроившихся свободных часов до появления мужа вернули тревожные мысли, копошившиеся в голове и беспокоившие последний месяц. Принадлежность гостиницы к военному округу и отрывочные фразы, услышанные в разговорах обслуживающего персонала и проживающих в гостиничных номерах офицеров и женщин – жёнах офицеров, свидетельствовали о прямом и непосредственном их отношении к военным действиям в Афганистане. Она боялась, что муж, возможно, скрывает от нее свое истинное здесь пребывание, и не знала, как спросить об этом. Немного расслабившись, ощущая усталость и резкий спад сковывающего нервного напряжения, пытаясь прочь отогнать неприятные мысли, с «кашей» в голове она заснула. Закрывая глаза и проваливаясь в безмятежный сон, она вернулась в забытьи в Свердловск к своим маленьким сладеньким и таким беззащитным деткам. Как они там без мамы.

Душою Лена окончательно успокоилась только на следующий день, когда Стас взял ее с собой показать реально существующий учебный городок «Высших курсов», в котором он и находился, проживая и получая необходимое образование. Подходя к скрывающемуся в тени деревьев КПП городка, Лена вдруг увидела Свету Иванову, прилетевшую к своему мужу Володе, тоже сотруднику Свердловского Управления, где служил Стас. Обрадовавшись встрече здесь, за тысячи километров от дома, они быстро защебета-

С.Соломахин.

ли о своих впечатлениях о незабываемых городских видах, поразивших немыслимым сочетанием яркого солнца и белого холодного снега. И в первую очередь – о волнующих последствиях подземных толчков, с которыми им пришлось столкнуться впервые в жизни, пережив неприятные минуты. Подземные толчки, характеризующие землетрясение как явление, обыденное и привычное для местных граждан, удивило, озадачило и не на шутку напугало, дав возможность испытать совершенно новые и невероятные чувства стрессового состояния организма.

Неизгладимое из девичьей памяти знакомство с «землетрясением» произошло банально просто в гостиничном номере, когда с бокалами десертного вина сидели за столом, обсуждая памятные и дорогие обоим моменты совместной семейной жизни. Разговаривая и внимательно рассматривая друг друга, боялись упустить что-то важное и существенное. Леночка показала привезенную фотографию, присланную Стасом из Ташкента, где он в форме и военной фуражке. Потертая и помятая, испещренная складками от изгибов, явно повидавшая многое за столь короткий срок, фотография была той ценностью, с которой дети ходили, ели, спали и за которую постоянно боролись, стараясь не выпускать из маленьких детских ручо-

нок – ведь это же папуля. Обычная черно-белая фотография, но как видите – со своей трогательной семейной историей.

Лена, немного успокоившаяся и пришедшая в себя после бурного эмоционального всплеска от случившегося с ней потрясающего момента долгожданной встречи, глядела с нежностью в родные и любимые глаза мужа. Делая маленький глоток Токайского вина, погружаясь в медитацию восприятия вкуса изюма кураги и цитрусовой цедры, наслаждаясь при этом причудливым цветочным ароматом, вдруг ощутила, что начинает подниматься вместе со стулом, на котором сидит. С непонятным выражением лица, четко зафиксировавшего испуг и удивление, Лена сидела тихо, как мышка, переваривая случившееся, потеряв на время дар речи. В памяти сразу стали мелькать страшные картинки разрушительного землетрясении в Ташкенте, произошедшего в апреле 1966 года. О трагедии узбекского народа тогда узнал весь мир, и вся страна переживала, помогая пережить те дни, восстанавливая разрушенный город. Ташкент практически был отстроен заново. Но в данный момент ей совершенно не хотелось очутиться под руинами гостиницы, когда жизнь только начинается. Когда после повторного толчка, помимо циклического движения со стулом офорт, висевший на стене, резко повернулся на гвоздике на 90 градусов, Лена с необъяснимым ужасом в глазах, обращенных на невозмутимого и спокойно сидящего мужа, тихо спросила: «Что это значит?» Тут же в коридоре гостиницы с шумом начали открываться двери, послышался топот сапог, выбегающие боевые офицеры стали кричать: «отставить... что такое... я не давал команды... прекратить это безобразие...» Стас, молча воспринимая случившееся, мягко, но убедительно сказал: «Сиди и не волнуйся, это землетрясение. Главное – не паникуй, мы на четвертом этаже и, если что – выбраться все равно не успеем (спасибо, успокоил), а так в образовавшейся паникой давке можно получить серьезные и совсем не нужные травмы». Взяв ее за руку и крепко держа, словно изящный хрупкий бокал хрусталя, боясь выпустить и разбить, ему удалось внутренним душевным посылом передать частичку своего невозмутимого спокойствия, вернувшего Лену в адекватное состояние. На наше счастье, это продолжалось не долго. Спустя несколько минут, Ленулька вышла в коридор и поговорила с консьержкой на этаже, весело обсуждающей попытки офицеров остановить землетрясение своим командным голосом. Она из первых уст узнала, что толчки были силой 4,8–5 баллов и, хотя ей как не сведущему человеку это абсолютно ничего не объясняло, одно то, что говорили они об этом с шутливым и беззаботным настроением, сыграло отрезвляющую положительную роль в общем восприятии природной аномалии.

На следующий день Лена выслушала не одну интерпретацию случившегося накануне землетрясения. Однокашники Стаса с упоением наперебой рассказывали каждый свою версию, сопровождая ее откровенной и не предвзятой реакцией со свойственными в таких случаях преувеличениями. Объединяло всех одно – удивительная солидарность, лихо подхватившая и выгнавшая их на улицу в одну секунду. Хорошо, что здание было всего лишь в два этажа и с широкими лестничными проемами.

Картина непредсказуемая. На асфальтовой площадке перед входом в здание стояла большая полураздетая толпа молодых людей, оживленно переговаривающихся и обсуждающих только что произошедшее стихийное чрезвычайное событие, обусловленное подземными толчками. Заставшее врасплох колебание земной поверхности сильно напугало чекистов. Многие, ощутив первые толчки, ломанулись на улицу так, что впопыхах забыли про все на свете, не успев даже обуться. На дворе осень, октябрь, земля к вечеру уже прохладная. Кто с чем занимался, так с этим и выскочил и теперь вынужден был стоять, подложив под ноги вынесенную книгу или конспекты. Такое неуважительное пренебрежение к источникам знаний продолжалось несколько часов. Не решаясь вернуться обратно в здание, оперативный состав долго оставался на улице, боясь признаться, в первую очередь, себе, а уж потом и остальным, что не горят желанием закончить так и не начавшуюся карьеру под обломками заботливо приютившего «храма науки».

Несколько дней счастливого пребывания в Ташкенте рядом с мужем, пролетевшие молнией, сопровождаемой «громом» периодически напоминающих о себе подземных толчков, закончились до обидного быстро и не заметно, безжалостно приближая день тяжелого, но необходимого расставания. И снова аллея роз, аэропорт и остающаяся надолго память об этом удивительном крае. Все что она могла взять с собой – это «сувениры» в виде дыни в плетенке и нескольких веточек с коробочками местного хлопка, тщательно

Землетрясение в Средней Азии

ДУШАНБЕ, 14. (ТАСС). 13 октября в 19 часов московского времени на территории Таджикистана произошло сильное землетрясение.

По сообщению сейсмической станции «Душанбе», его эпицентр находился в 230 километрах северо-восточнее столицы республики, в 40 километрах восточнее Ленинабада, где сила подземного толчка достигла 8 баллов. В городах Душанбе, Кулябе, Нуреке сила подземного толчка достигла 3—4 баллов.

Землетрясение вызвало разрушения производственных, административных зданий, жилья и объектов социально-культурного и бытового назначения в Кайраккуме и Ходжентском районе. Имеются человеческие жертвы и раненые. Пострадавшим оказывается необходимая помощь, ведутся аварийно-спасательные работы.

Подземные толчки ощущались и на территории Узбекистана. В Ташкенте и в Ферганской долине зарегистрированы пятибалльные толчки, в Самарканде — силой 3—4 балла.

спрятанного в небольшом багаже, являющегося национальным богатством и запрещенного к вывозу с территории республики.

Как не хотелось никуда улетать. Понимая материнским сердцем, что не сможет надолго покинуть детей, она все равно готова была остаться до конца командировки Стаса, чтобы вместе гарантировано вернуться домой. До последнего, до самого выхода на летное поле Лена крепко держалась за мужа, прижимаясь всем телом, боясь упустить счастливое мгновение любви и внимания, впервые испытанное разлукой на неизведанном жизненном пути, ощутив которое, хотелось запомнить этот миг и больше никогда не терять, стараясь не расставаться надолго.

ПРИЯТНАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАШЕЙ РАБОТЫ

Первая половина восьмидесятых годов. Я – молодой сотрудник Комитета государственной безопасности, закончивший в 1982 году Свердловский архитектурный институт, как ни странно, пришел в казавшуюся для многих могущественную и сильную, но закрытую консервативную систему с гражданским архитектурным образованием, требующим, прежде всего, свободы полета мыслей, игры воображения, раскованности и здорового авантюризма. Мой же выбор творческого созидательного «свободного художника» ну никак логически не укладывался в сугубо силовой образ структуры, осуществляющей свою деятельность строго в соответствии с Конституцией и действующим законодательством. Мягко говоря, «неожиданное» зачисление на службу вызвало у некоторых руководителей среднего звена Управления КГБ СССР по Свердловской области скептическое недоумение и вопросы.

Кардинально изменив будущее и дав волю самосознанию в определении своей собственной личности, не возникшей сразу, а формирующейся постепенно на протяжении всего предыдущего этапа жизни под воздействием различных общественно-социальных влияний, я, сменив рваные джинсы на строгий костюм и галстук, бесповоротно ушел от вольной богемной жизни, которую реально представлял для себя совсем недавно, будучи студентом на первых курсах института. Обучаясь в стенах «престижного» института и невольно прикасаясь к процессам зарождения, становления и развития новых, ранее не известных мне течений молодежной субкультуры с появлением так называемой неформальной и «золотой» молодежи, я вполне серьезно воспринимал себя неотделимой частью этой молодежи. Студенческая братия, где-то бесшабашная, увлекающаяся различными течениями с обязательной приставкой «анти»: антикапитализм, антимилитаризм, антисексизм и т.п., не задумываясь, становилась проводниками идей анархизма и нигилизма, особенностью которых было критическое отношение к окружающему обществу и политике. Я же после проведенных двух лет срочной службы на границе, прошедших в едином коллективе сплоченных одной целью сослуживцев и полностью оторванный от процессов, происходящих в гражданской жизни, не так остро чувствовал надвигающийся ветер перемен. С поступлением в институт, вернувшись, таким образом, в активную деятельную жизнь, испытывал определенные трудности в социальной адаптации. Пришлось на ходу перестраивать и приспосабливать себя, сживаясь с окружающим обществом, к изменениям, происходящим в современном мире. К сожалению, это общество, как оказалось, не состоит только из единомышленников. Молодежь, заставшая, как и ты, период застоя, но уже другая, по-хорошему наглая напористая и уверенная в себе, с появлением первых пробивающихся ростков невиданной ранее свободы, почувствовала себя на переднем крае перемен, надеясь и веря в новое светлое будущее.

В те сложные перестроечные времена восьмидесятых годов двадцатого века общественная работа, в которую я был погружен с первого курса в составе комитетов комсомола института, а затем и города, естественно предусматривала непосредственное общение с молодыми людьми города Свердловска. Вот тогда, впервые столкнувшись с «прогрессивными» взглядами юного поколения и непопулярными и запретными мерами номенклатурных представителей от комсомола, направленных в сферу деятельности молодежной политики, я стал задумываться о своем месте в этой жизни.

В июне 1981 года в музыкальной жизни города произошло эпохальное событие, когда по инициативе комитета комсомола Архитектурного института проводился первый городской рок-фестиваль, в котором участвовали такие группы, как «Трек», «Урфин Джюс», «Р-клуб», «Отражение». Фестиваль послужил своеобразным началом или толчком для организационного формирования легендарного Свердловского рок клуба. Придавая солидность и подчеркивая значимость проводимого мероприятия, по словам одного из организаторов фестиваля Гены Баранова, студента архитектурного института, в зале, где проходил фестиваль, присутствовали кагэбэшники, записывающие что-то в блокноты для возможного составления отчета. В те времена культивировалось мнение, что запрет по идеологическим соображениям исходит от всемогущих КГБ и МВД. Однако непосредственные участники тех событий говорят, что инициатива различного рода запретов исходила, прежде всего, от местных чиновников среднего звена, которые в боязни недооценить и пропустить «идеологическую диверсию» в массы, скорее всего, от страха за свои кресла и должности, запрещали буквально все и вся. Благодаря этой инициативе стали появляться аннотированные списки зарубежных музыкальных ансамблей и исполнителей, в творчестве которых, по мнению чиновников, содержатся идейно и нравственно

вредные произведения, пропагандирующие пресловутый западный образ жизни. Как правило, эти списки «Для служебного пользования» были «обязательными для исполнения» рекомендациями в целях осуществления и усиления контроля над творческой деятельностью растущих, как грибы, вокально-инструментальных ансамблей и проведения досуга на молодежных дискотеках, соответствующих духу и нравственному воспитанию советской молодежи. Более подробно с этими списками я познакомился, работая уже в Управлении КГБ СССР по Свердловской области. В перечень зарубежных музыкальных групп, в репертуаре которых содержатся идеологически вредные произведения, входили такие популярные группы, как «Айрон Мейден», «Кисс», «Секс Пистолз», «Блек Сабат», «Назарет», «Скорпион», «Чингиз Хан», «Пинк Флойд» и другие, якобы пропагандирующие секс, насилие, религиозное мракобесие, антикоммунизм, национализм и извращение внешней политики СССР.

Подавляющее большинство свердловских рокеров, а тем более обычных пацанов и девчонок, не знающих иностранных языков и соответственно не вникающих в смысловую нагрузку текстов, конечно же, не были идейными врагами «советской власти». Они слушали и занимались той музыкой, которая им нравилась с ее сумасшедшими ритмами, свободной, порой вызывающей манерой исполнения музыкальных композиций с использованием внешних, эмоционально усиливающих эффектов. Звезды западных рок групп были ярким примером, они без стеснения отрывались на сцене по полной программе, не чувствуя никаких моральных ограничений. Совершенно естественно все новое вызывало у юного, молодого поколения неподдельный интерес с нарастающей потребностью стремления к личной свободе, где приоритетом была, в первую очередь, полная независимость от общества. Индивидуализм объяснимо становился первостепенной личностной задачей «быть не таким, как все», но это было бы неправильно воспринимать, как вырвавшийся наружу социальный протест в силу того, что они просто не представляли себе, что это такое.

Чтобы как-то этому противостоять, стали появляться приказы и директивы «Об упорядочении деятельности ВИА и повышении идейно-художественного уровня их репертуара в свете требований Июньского /1983 г./ Пленума ЦК КПСС». В целях же усиления борьбы с влияниями буржуазной идеологии, повышения идейно-художественного уровня самодеятельных ВИА, рок-групп, качества работы этих коллективов и формировались списки групп, рекомендованных к запрету проигрывания и демонстрации грампластинок, компакт-кассет, видеороликов, книг, плакатов и другой продукции, отражающей их деятельность. Не были забыты и некоторые самодеятельные советские рок-группы, в творчестве которых якобы допускается искажение советской действительности и пропаганда чуждых нашему обществу идеалов и настроений. В этих списках были такие известные группы, как «Аквариум», «Кино», «Браво», «Наутилус», «ДДТ» и др.

Отдельно было отмечено большое распространение в СССР песен из так называемых «эмигрантских кругов» Западной Европы и США (Ребров, Токарев и др.), и в подражание им появившиеся записи отечественных «певцов» (Розенбаум, Северный и т.д.). «Произведения» этих «сочинителей», как доводилось «сверху», отличаются особой злостной антисоветской направленностью, пропагандой эмигрантских настроений, пошлости и безвкусицы. Но время неумолимо поставило все на свои места, кто-то, не выдержав натиска конкуренции и расставляемых чиновничьей номенклатурой препонов, сошел со сцены, а кто-то стал всенародно любимыми артистами, заслуживающими внимания не одного поколения россиян.

Действуя согласно работающим тогда законам и нормативным правовым документам, мы и осуществляли свою оперативную деятельность, посещая дискотеки и «подпольные» камерные концерты заезжих, еще тогда мало известных рок групп. Даже вспоминаю, как специально ходили на выступления свердловского барда Александра Новикова, появившегося и попавшего в струю в период разгула преступности своими первыми около уголовными блатными песнями. Наша задача состояла в том, чтобы сформировать свое мнение о достоинствах и недостатках его произведений с точки зрения идеологического воздействия на молодежь. То знакомство с его первым песенным творчеством меня не то чтобы разочаровало, я просто не услышал ничего нового. И как бы в дальнейшем ни старалось ближайшее окружение Александра Новикова представить его жертвой политических гонений и произволом КГБ, что в то время было модно и престижно, ничего заслуживающего внимания с нашей стороны в его песнях мы не услышали.

Совершенно противоположные чувства я испытал чуть позже, приятно погрузившись в ностальгические воспоминания о недавней студенческой жизни.

На ежегодный, традиционно проводимый студенческий праздник «Весна УПИ» впервые пригласили выступить быстро набирающую популярность и уже широко известную среди молодежи страны рок группу «Наутилус Помпилиус», созданную бывшими студентами Свердловского архитектурного института. К моему стыду, тогда я не знал, кто конкретно входил в состав группы и с удовольствием отреагировал на предложение своих руководителей побывать на первом официальном выступление «Нау» во Дворце молодежи города Свердловска.

Имея на руках контрамарку и пригласив с собой супругу Елену, выпускницу архитектурного института, заинтригованную, как и я, предстоящей встречей, мы плотно стояли в оживленной студенческой толпе у входа во Дворец молодежи, окунувшись в позитивный ажиотаж, царивший вокруг ожидаемого концерта. Все вопро-

сы по организации выступления и пропускной системы взяли на себя представители Уральского политехнического института, не привлекая правоохранительные органы. Глядя на слишком позитивную обстановку среди угрожающей по своим размерам собравшейся массы людей и понимая, что из-за отсутствия сотрудников милиции будет сложно противостоять напору разгоряченной толпы молодежи, я решил попробовать воспользоваться своим служебным положением. Предрекая тот нюанс, что небольшой зал не в состоянии вместить всех желающих, находящихся в фойе и на площадке перед входом в здание Дворца молодежи, мы с Леной направились за кулисы в зону нахождения артистов, чтобы по возможности заранее занять удобные места в зрительном зале. Пройдя по своему удостоверению в сторону служебных помещений, где артисты готовились к выступлению с надеждой на встречу со знакомыми нам лицами, мы очутились в тишине и спокойствии, во власти таинственной культурной тусовки закулисной жизни. После суеты и толкотни шумной веселой и не организованной молодежной толпы, оставшейся где-то там за дверями, мы окунулись в ауру раскованности и непринужденности. Уже в коридоре наше внутреннее трепетное ожидание и приготовление к встрече «обломилось» в момент радостным возгласом идущего на встречу молодого человека: «...Стас привет, ты как здесь?..» Все бы ничего, но передо мной стоял на первый взгляд неизвестный, экстравагантно одетый молодой человек, причем хорошо знающий меня. Остановившись в растерянности и недоумении, я смотрел на него широко открытыми глазами. В тот момент я, возможно, выглядел глупо, но ведь обращающийся к нам по-дружески с открытой улыбкой человек называл меня по имени, что еще больше обострило интригу восприятия. Вглядываясь в лицо собеседника и улавливая какие-то знакомые черты, машинально прокручивая в памяти лица бывших студентов института, я, напрягаясь, никак не мог вспомнить и, не выдержав, спросил напрямую: «Ты кто?» Видимо, на моем лице было такое нескрываемое удивление и пытливое никак не находящее выхода стремление взорвать свою память, что он, осознавая, что как бы я не старался, я все равно не узнаю стоявшего перед собой человека, выпалил: «...да Витя я, Комаров...» Сразу не сообразив, я спросил: «...а ты что здесь делаешь, тем более в таком виде?» Как оказалось, передо мной действительно стоял Комаров Виктор, бывший командир стройотряда «Зодчий», которого я знал как культурного, вежливого где-то застенчивого молодого человека невысокого роста с аккуратной короткой стрижкой, но вот то, что он имел какое-то отношение к музыке, было мне ранее совершенно неведомо. Здесь же я увидел человека с огромной копной волос. Прическа, как тогда называли, «взрыв на макаронной фабрике». Нанесенный артистический грубоватый грим с подведенными глазами и тенями полностью дезориентировал, явно не ассоциируясь с моими воспоминаниями о Викторе. Ошеломленный непредсказуемой встречей, придя в себя и освоившись, я догадался спросить только одно, почему он в таком виде и что это все значит? Витя, видимо, не ожидавший такого моего приема, скромно ответил: «...выступаю, сейчас будем петь...» Довольный произведенным впечатлением, он повел нас, показывая рукой на вышедшего молодого человека в серых галифе и сапогах, с короткой стрижкой (косички у него тогда не было) и аналогичным грубоватым гримом на лице сказав: «...а вот и Слава идет...» Бутусова я узнал сразу, так как информационно и морально был готов к этой встрече, уточнив предварительно, что Слава Бутусов и Дима Умецкий являются основателями группы. Да к тому же он не так, как Виктор, кардинально изменил свою внешность. Тут же к нам присоединился и Дима Умецкий в костюме серого цвета с длинным пышным начесом черных волос и ярко выраженным контрастным ассиметричным гримом на лице. Обрадовавшись встрече, но не имея должного времени для разговоров, я в соответствии со своим положением позволил себе пошутить, немножко поиздевавшись над их внешним видом и агрессивным выражением лиц.

Несмотря на показную артистическую агрессивность, перед нами стояли такие же улыбчивые, простые и приятные в общении хорошо знакомые нам молодые люди, искренне обрадовавшиеся встрече, высказавшие, как истинные джентльмены, Лене комплимент и пригласившие посмотреть их выступление. Конечно, я попросил Славу организовать нам в зале место, чтобы не оказаться где-то на задворках и не сожалеть об упущенной возможности насладиться их выступлением. Слава подозвал опять же знакомого нам Гену Баранова, однокурсника Бутусова и Умецкого, выполняющего функции администратора, и высказал ему нашу просьбу, после чего, обращаясь к нам, сказал, чтобы после концерта обязательно зашли. Гена организовал все великолепно. Он посадил нас на зрительские места, находящиеся недалеко от режиссерского пульта, точно над одним из входов в зал, успев провернуть это до открытия входных дверей из фойе. Удачное местоположение мы осознали только после того, когда ворвавшаяся зрительская толпа, сметая все на своем пути, заняла полностью свободные места и проходы, напирая и уплотняясь, увеличивая вместимость зала до угрожающих размеров. Мало того, с появлением первых музыкальных звуков фанатичная толпа соскочила со своих мест и до конца выступления оставалась стоять, пританцовывая и подпевая, размахивая руками. Мы же с Леной, благодаря конструктивным элементам прохода в зал, сидели и спокойно смотрели на сцену, не видя перед собой беснующийся толпы поклонников. Я давно не видел такого единения выступающих и зрителей и был просто ошарашен той энергией, наполняющей и буквально заводящей большие массы людей. Сидя в зале, я воочию убедился в гипнотизирующем воздействие на молодежь со стороны музыкантов,

исполняющих собственные композиции. Они силой и напором творческого таланта с ярко выраженным и в дальнейшем безошибочно узнаваемом эмоционально воспринимаемом индивидуализме сумели выгодно подать себя, существенно отличаясь от других рок групп. Концерт нам с Леной понравился очень, действительно вдохнули что-то новое, своеобразное и непохожее на окружавшую эстраду, достающую из каждого репродуктора возможно качественными, но приевшимися мотивами. Сказать об этом и выразить свою благодарность Славе и Диме в тот день мы не смогли, к сцене пробраться было практически невозможно, а все доступные входы и выходы были перекрыты и оккупированы поклонниками.

После концерта мы медленно шли по парку, переваривая услышанное и увиденное, вдыхая и впитывая ранее не ведомые мелодичные звуки, заполнявшие уголки памяти параллельно с весенними запахами и ароматами окружающей нас природы, словно олицетворяющими пробуждение новой надежды и добрых помыслов на наше безоблачное чистое будущее.

С грустью думали о таких же недавно покинувших институт однокурсниках, как вот эти ребята, разлетевшихся по стране в поисках своего счастья. Вспоминая интересные творческие натуры, мы искренне радовались вырвавшемуся и реализованному музыкальному потенциалу только что увиденных и действительно по-своему счастливых ребят, еще не избалованных славой и известностью, но уже находящихся под пристальным вниманием поклонников и фанатов. А ведь мы их знали совершенно другими, обычными рядовыми студентами. Находясь под глубоким впечатлением, как-то само собой стали вспоминать наше первое знакомство, моменты общения и встречи, ведь мы учились на одном, родном для всех «промышленников» факультете «Промышленная архитектура». Только мы с Леной учились архитектуре, а Слава и Дима постигали науку промышленного дизайна. Витя Комаров учился на факультете «Жилищной архитектуры».

С началом учебного процесса на первом курсе института меня как отслужившего и вернувшегося из армии кандидатом в члены КПСС в обязательном порядке привлекли к общественной работе в комитете комсомола института. Весной 1978 года из городского комитета комсомола пришла запоздалая разнарядка о формировании дополнительного студенческого строительного отряда. В институте на тот момент существовало два общеинститутских отряда: мужской «Марс» и женский «Венера», а также отряд «Зодчий» на факультете «Жилой архитектуры». Поэтому задача создания нового отряда была поставлена перед факультетом «Промышленная архитектура», не имеющего своего стройотряда, то есть непосредственно передо мной. В связи с поздним решением городских комсомольских руководителей все делалось в спешном порядке. Общественная нагрузка навалилась параллельно с подготовкой и проведением первой моей весенней сессии, и все это совсем не кстати и не вовремя. Строительный отряд рождался суматошно хаотично с тяжелейшим преодоление возникающих трудностей и объективных препятствий. Это, в первую очередь, дефицит личного состава. Действующие отряды-старожилы, работающие в организационном плане круглогодично, заранее привлекли студентов и укомплектовали свои составы. В связи с тем, что институт по сравнению с другими ВУЗами города был небольшой и контингент студентов, в основном, с завышенным самомнением, соответственно не проявляющий интереса и рвения к физическим строительным нагрузкам, комплектация нового отряда вылилась практически в неразрешимую проблему. Плотно занимаясь организационными вопросами становления отряда с нуля, отказавшись при этом от должности командира, я взял на себя, как мне казалось, менее ответственные обязанности комиссара, сосредоточив свои усилия на решении житейских вопросов и становления вполне рабочего морального климата в коллективе. Столкнувшись с «комсомольским» бюрократизмом, расскажу лишь только о перипетиях с названием отряда. Это, заверяю вас, познавательно в плане ознакомления с методами влияния «руководящей и направляющей» силы административного аппарата на сферу жизни советской молодежи.

Стройотряд. Снизу вверх: А.Лямин (Челябинск), В.Зверев (Москва), С.Соломахин. *1978 г.*

Собрав желающих поработать в летний период студентов на первое организационное собрание, начали, как нам казалось, с главного, с названия строительного отряда. Споря до хрипоты, обсуждая порой абсурдные предложения по названию отряда, оста-

новились вроде бы на согласованном и всеми принятом названии «Гранд», что в нашем понимании означало группа архитекторов, немного дизайнеров. Разработали эмблему, атрибутику, закупили форму и нанесли эмблему на стройотрядовские куртки. Однако не все коту масленица, здесь-то мы и столкнулись неожиданно с щекотливым моментом. Как обухом по голове, пришло указание заменить название отряда. Видите ли, какому-то функционеру городского комитета комсомола вдруг пришло в голову, что мы аполитично вознеслись, присвоив дворянский титул с причислением себя к высшему сословию. На все мои утверждения, доказывающие, что у нас и в мыслях этого не было, а расшифровка этой аббревиатуры свидетельствует о совершенно других мотивах, один из секретарей комитета комсомола безапелляционно запретил нам работать под таким названием. Времени не оставалось совсем, форма была изготовлена, пришлось принимать только одно возможное решение – убрать одну единственную букву. Таким образом, отряд «Гранд» превратился формально на бумагах в отряд «Град», и бюрократов от комсомола утешили, и к архитектуре вроде как имеем отношение. Так первый состав отряда и проработал в куртках с названием «Гранд». Сложившийся костяк отряда в дальнейшем с гордостью носил свою, когда-то запрещенную номенклатурщиками, форму, воспринимая это «назло всем врагам» наоборот, как достоинство. Да и сейчас моя комиссарская куртка с эмблемой студенческого строительного отряда «Гранд», стиранная-перестиранная, правда, уже без множества значков, снятых когда-то детьми, лежит где-то в закромах, ожидая своего нового случайного появления и проявления к ней интереса со стороны уже следующего, внучатого поколения.

После пережитых уроков первого курса, учебного процесса и первого летнего строительного десанта, став начальником штаба трудовых дел института и помня проблемы с формированием отряда «Град», я, готовясь выехать летом 1979 года в качестве уже командира отряда, заранее начал работу по комплектованию личного состава. Вот тут-то впервые и увидел скромных молодых первокурсников-дизайнеров, пришедших на одно из собраний отряда, желающих присоединиться к нашей созидательной деятельности. Скажу честно, от той нашей первой встречи мне больше запомнился Игорь Гончаров, активный, деятельный юноша, постоянно интересующийся и высказывающий свои предложения. Связь с этой группой студентов мы поддерживали, как правило, через него.

Общий интерес, единение и сплоченность в отряде достигалась по нескольким направлениям, одним из которых была «Агитка» – музыкальный коллектив, занимающийся культурно-просветительской работой среди населения, организуя отдых и развлечения, проще говоря, танцы для местной молодежи. И первый выезд с агитбригадой в места нашего будущего летнего пребывания состоялся именно благодаря Гончарову Игорю, уверившему меня в том, что они подготовят программу для выступления. Ничего особенного в выступлениях «Агиток» не было, кроме того, что мы несли частичку молодежной студенческой культуры в традиционную, немного скучноватую и монотонную жизнь села или деревни. Молодые, задорные первокурсники-дизайнеры, причисляющие себя к передовым представителям всего нового, действительно вызывали интерес среди сельчан своей одеждой и прическами. В музыкальном плане для местных жителей было главное то, что студенты играли в живую и, в частности, на этом первом выступлении в клубе Игорь, выступающий в качестве ударника как неугомонный живчик, приводил в восторг особенно пожилую часть зрителей.

Этот выезд в село Грязновское Богдановичского района Свердловской области запомнился, прежде всего, тем, что он был действительно первым в истории отряда, где студенты, как будущие архитекторы и дизайнеры, относящие себя к прослойке интеллигенции, загруженные под завязку музыкальными инструментами, выйдя из электрички в предвкушении хорошего настроения, ринулись беспрекословно пройти пешком пару километров через обширные совхозные поля. Уверенно шагая по грунтовой дороге навстречу с местными жителями и с твердым желанием произвести на них положительное впечатление, мы, как лица с «утонченным вкусом», вдруг очутились неожиданно для себя во власти ароматов, несоответствующих нашим представлениям о чистоте и свежести вдыхаемого воздуха здесь среди полей и лесов. Воздух не замечаешь, пока его не испортят... Зная теоретически о существовании навоза как объективной составляющей деревенской жизни, студенты не могли ожидать, что целые поля встретят нас удушливым едким запахом, оказавшимся, как мы потом выяснили, птичьим пометом, вывозимым на поля с местной птицефабрики. А ведь на этой птицефабрике нам предстояло работать три летних месяца и строить новые птичники. Ощутимое знакомство с «прелестями» будущей жизни отряда состоялось в прямом и переносном смысле. Справедливости ради замечу, что с началом строительного сезона после недели работы на птицефабрике мы уже не замечали так не понравившихся нам ранее ароматов.

На организационном собрании после приезда и размещения отряда в старом деревянном здании бывшей школы села Грязновское, где раздавались должностные портфели общественной нагрузки, Слава Бутусов инициативно попросил назначить его сформировать и возглавить музыкальную группу «Агитки», чтобы в дальнейшем отвечать за все музыкальное сопровождение жизни нашего отряда. Такая инициатива нас только порадовала, разрешив, как мне казалось, сложную проблему с «Агитбригадой». Высокий, физически развитый, казавшийся старше своих однокурсников, он выглядел спокойным, вдумчивым и серьезным человеком. После недели работы, присматриваясь к нему и отмечая такие качества,

как исполнительность и ответственность, Вячеслава назначили бригадиром этой дружной дизайнерской бригады. Дима Умецкий по характеру более вольный в своих решениях и не шибко заинтересованный в «грязной» грубой работе, требующей повышенной физической нагрузки, естественно находился у него в бригаде, где все проблемы с исполнительской дисциплиной возлагались уже на плечи бригадира.

Первым серьезным испытанием для наших «музыкантов» был предстоящий смотр студенческих «Агитбригад» районного Богдановичского строительного отряда, к которому решили подойти, ответственно, загоревшись идеей предоставить на суд зрителей собственную композицию. Как руководители отряда мы не вмешивались в творческий процесс ребят, собиравшихся по вечерам в местном клубе, репетируя и оттачивая свое выступление. Вся их дальнейшая деятельность, свободная после обязательных строительных работ, была сосредоточена и подчинена именно подготовке к смотру. Однажды работая в котловане на установке фундаментов нового птичника, кто-то случайно задел натянутую проволоку разметки. Услышав при этом звук, напоминающий свист пули находящиеся в котловане работники бригады Бутусова оживились, давай что-то бурно обсуждать, активно жестикулируя руками и дергая за проволоку. Наигравшись с проволокой, подходят ко мне с просьбой, сбегать в жилой корпус за магнитофоном с целью записать удачно найденный ими звук для своего выступления на фестивале. Ну что можно было им возразить, конечно, получили добро, свист пуль в различных интерпретациях разносился еще долго на строительной площадке.

Дождавшись наступившего дня фестиваля, воодушевленные бойцы выехали всем отрядом в город Богданович с уверенностью, что возьмут призы минимум в двух номинациях: «наглядной агитации» (другого и быть не могло, ведь мы же архитекторы и художники) и подсознательно надеялись на смотр «Агитбригад». В первой номинации мы не ошиблись, привезя абстрактную скульптурную форму, выполненную из кубов и параллелепипедов строительного утеплителя. Замысловатое нагромождение с элементами художественного оформления, символизирующее жизнь и работу отряда, выставленное на всеобщее обозрение, ожидаемо собрало массу народа, живо и с интересом обсуждающих студенческий символизм стройотрядовского движения. А вот во второй номинации, к сожалению, произошла осечка.

Сидя в зале в жюри и участвуя в обсуждении показанных номеров коллективами других стройотрядов, я машинально сравнивал их между собой, ориентируясь при этом на выступление наших ребят. Как человек со средним музыкальным образованием я понимал, что их визуальная, музыкальная и смысловая подача явно выпадала из общей картины традиционно сложившегося и годами не меняющегося представления о привычных выступлениях студенческих коллективов, поющих свои песни под гитару. Не являясь студенческой или бардовской песней, на фоне наскучившей самодеятельности «наша» композиция звучала все-таки более мощно и профессионально. Кстати, свист пуль, записанный в качестве звукового дополнения или специального эффекта, я, как ни старался, так и не услышал в их выступлении. Несмотря на шероховатости, здесь уже чувствовалась рука аранжировщика, придающего мелодии музыкальную форму и фактуру. Именно это коренное отличие и сыграло отрицательную роль в принятии решения о лауреатах конкурса. Жюри в своем выборе опиралось на мнение молодых студенток журналистского факультета Уральского университета (мой голос здесь не учитывался), с пеной у рта доказывающих, что данная композиция является плагиатом, жалкой пародией исполнения музыкальных мотивов западных рок групп, что в итоге не имеет никакого отношения к студенческой песне и не может претендовать на призовое место. Я как мог пытался донести право любого коллектива на свою точку зрения, возможно, идущую вразрез с общепринятыми догмами, но, к сожалению, не сумел перебороть «идеологически выдержанный» пропагандистский напор молодого поколения будущей журналистики России. Мне, например, в настоящий момент даже интересно, как спустя годы, эти юные «перышки» журналистики, обладая профессиональной хваткой и чутьем, априори не могущие забыть, что были у истоков зарождения популярного коллектива, вспоминают и переживают ли вообще свое зашоренное восприятие окружающего мира, подкрепленное полным отсутствием желания анализировать и предвидеть тенденции современной молодежной культуры.

Жюри отметило нашу «Агитбригаду» только как молодую и перспективную группу. При дебатах и иногда резких и нелицеприятных высказываниях на все мои возражения я услышал только один поддержавший меня голос – голос комиссара районного Богдановичского строительного отряда, отвечающего за проведение данного фестиваля Жени Липовича, с которым я был знаком с первой целины, будучи сам комиссаром линейного отряда. Он сказал мне тогда, что ребята молодцы и подошли действительно творчески к своему выступлению, что не скажешь о некоторых других старожилах, почувствовавших себя ассами и показывающих ежегодно одну и ту же программу. В его понимании не сыгранность и некоторую разобщенность, присутствующую в целом неплохом выступлении, можно объяснить отсутствием опыта. Зная нашу совсем короткую сценическую историю, Женя посоветовал не отчаиваться. Как опытнейший аппаратчик и проводник новых комиссарских идей, он еще тогда предсказал: «С опытом придет интерес и заслуженное внимание».

Интересное время, интересные и запоминающиеся люди.

Я вспомнил Евгения Липовича не зря, плодотворный период знакомства и совместной работы на поприще деятельности студен-

ческих строительных отрядов и в составе Городского комитета комсомола дал мне возможность общения с замечательным творческим человеком, создавшим фестиваль «целинной» песни студенческих строительных отрядов – «Знаменка». Данный фестиваль по своей значимости далеко вышел за рамки Свердловской области.

Евгений Липович организовал и провел первый фестиваль в 1978 году в селе Знаменское, когда был еще 20-летним студентом. В итоге фестиваль прижился и стал традиционным местом встречи как новых, так и «старых» активистов студенческого песенного движения, дожившего до сегодняшних дней. Весь студенческий период мы поддерживали тесные дружеские контакты, а вот по окончании института наши пути разошлись, о чем начинаешь сожалеть только после ухода этих людей из жизни. В марте 2018 года Евгений Липович, проработавший с 2007 по 2017 года заместителем главы администрации города Екатеринбурга по вопросам благоустройства, транспорта и экологии, скоропостижно скончался.

Итог первого «неудавшегося» конкурсного выступления Слава Бутусов встретил спокойно и с достоинством. Он согласился с тем, что мы сами виноваты, вынося на суд зрителей не тот формат выступления и не просчитав при этом, что зрители оказались не подготовлены к восприятию материала выпадающего, словно гадкий утенок, из общей картины общепринятого, идеологически выдержанного ожидаемого номера, явно не соответствующего определенному жанру и стилю.

После той целины я с отрядом больше не выезжал, но как начальник штаба трудовых дел института, контролируя работу студенческих отрядов, посещал их места дислокации. Одно из таких посещений отряда «Град» привело в итоге к курьезному случаю, произошедшему в момент моего отчета на институтском комитете комсомола. Я всегда вспоминаю о нем с улыбкой, иногда ностальгически скучая по тем комсомольским отношениям, задорным бесхитростным и бескорыстным по своей сути. На отчетном заслушивании по результатам рабочих командировок в студенческие строительные отряды института и, в частности, по отряду «Град», я уверенно начал доклад с того, что отряд работает и проживает в деревне «Сивуха». В притихшей обстановке, ощущая на себе пристальные взгляды окружающих, вдруг услышал ироничный смех и игривый с подковыркой вопрос: «Скажи-ка еще раз, в какой деревне они проживают?» Не чувствуя подвоха, я уверенно и твердо повторил «Сивуха», дав небольшую характеристику как самой деревне, так и условиям проживания отряда. Мой серьезный и основательный подход к доводимой информации вызвал еще более оживленное настроение с посыпавшимися со всех сторон недвусмысленными намеками: «...понятно: русская деревня, задушевная и разбитная... с частушками и самогоном... видимо, хорошо ты там поработал... наверное, ребятам там очень весело...» Оставаясь в недоумении, я согласился, что действительно мой приезд совпал с традиционным днем посвящения молодых студентов в бойцы строительного отряда, куда заранее был приглашен как бывший руководитель. А такое мероприятие, как известно, проходит празднично на кураже с выдумкой и шутками, запоминающимися на долгие годы. И вот здесь-то меня осенило, дошла наконец-то причина, оживившая и вызвавшая смех членов комитета комсомола. Засмеявшись, осознав свою ошибку и понимая всю нелепость сказанного, я извинился и исправился, расставив все на свои места. Оказалось, действительно до смешного просто, деревня-то называлась «Сипава».

Вместе с будущей женой Леной мы участвовали в той поездке в важнейшей для бойца любого стройотряда традиции – «посвящении». Организовывали и режиссировали данное мероприятие, как положено, «аксакалы» стройотрядовского движения, в том числе и непосредственно Слава Бутусов. Мы же молодые и задорные вовлеченные и полностью поглощенные раскованной непринужденной и дружеской обстановкой, сложившейся в родном для меня отряде, виделись с Бутусовым и тесно тусовались с его командой, будучи студентами, в последний раз.

По окончании института каждого из нас ждал только его выстраданный, предначертанный и пройденный по жизни путь, выпавший на интересные и тревожные годы кардинальных реформ всей системы общественно-политической жизни нашей страны, на перестроечные годы надежд и ожиданий, объявленные новой государственной идеологией. Эйфория провозглашенной демократизации и первых невиданных ранее свобод сменилась тяжелейшими криминальными годами 90-х, испытавшими каждого на прочность и живучесть. Однако особенный, характерный для выпускников архитектурного института бунтарский, вырывающийся наружу свободный дух творческих не зацикленных натур, существующий, а кем-то приобретенный и воспитанный в родных стенах альма-матер и выдавший таких ярких представителей, как Вячеслав Бутусов, по себе чувствую, всегда сопровождал и сопровождает насыщенными ощущениями личной причастности к происходящим в стране событиям.

(Окончание следует).

ИСТОРИЯ ПОЖАРНОГО ДЕЛА ВЕРХ-НЕЙВИНСКОЙ ВОЛОСТИ

(должностные знаки, элементы униформы, страховые таблички)

Олег ЛОБАНОВ

Ветеран МВД РФ, член общественной палаты Городского округа Верх-Нейвинский, член областного Совета Свердловской организации ветеранов ОВД и ВВ МВД РФ

С конца XVI века началось освоение Урала русскими людьми. Шли на земли Камня вольные люди, бежали сюда крепостные крестьяне, бежавшие от своих помещиков, продвигались несогласные с официальной религией Московского царства. Здесь строили они свои слободы, добывали железную руду и изготовляли кузнечные изделия. Строения в основном были деревянными. Поэтому одним из главных стихийных бедствий были пожары. Вот как описывается пожар в Невьянске, произошедший 23 мая 1890 года: «Тут был не огонь, с которым можно бороться, а огненная стихия, от которой нужно было только спасаться, убегая как можно дальше. Горели огромные склады вина нескольких заводчиков, горел гостиный ряд со всеми находившимися в нем товарами, волостное правление со всеми документами, единоверческая церковь и т.д., и т.п.». Выгорела большая часть поселения, без крова и пищи осталось более 7000 человек. Государственная администрация, органы местной власти, а позднее и уральские заводчики делали всё, чтобы уменьшить последствия «красного петуха».

Верх-Нейвинская волость образована во второй половине 70-х годов XVIII века по городской реформе Екатерины II, с административным центром в Верх-Нейвинском заводе. Власть в ней осуществлялась управляющим завода Яковлевых. Представители государственной власти и горное начальство находились в уездном Екатеринбурге и бывали в заводских поселениях крайне редко, в основном только при разборах каких-либо происшествий. Так исправник приезжал на завод в 1814 году, расследуя убийство управляющего Зотова Нестором Пузановым. Во второй половине XIX века в волость вошли кроме Верх-Нейвинского завода деревня Тарасково и деревня Пальникова. Не обошла огненная стихия завод и входящие в одноименную волость деревни. В 1790 году в поселении произошел большой пожар, пламя которого уничтожило личную канцелярию господина И.С.Яковлева. В огне погибли многие документы, в том числе и касающиеся строительства старообрядческой часовни, «...дескать, все важные документы и акты сделались жертвою пламени». Обережением заводских и господских строений от огня занимались заводские служители, исполнявшие также и полицейские функции. Обеспечением противопожарного режима в жилом секторе поселка занимались сами жители. Они патрулировали улицы по ночам. Пожарный пост находился в башенке круглой заводской конторы – Дом-Графин 1775 года постройки. Для этого там обо-

Панорама поселка. *Начало XX века.*

Верх-Нейвинская вольная пожарная дружина.

Волостное правление. Верх-Нейвинский завод. *После 1901 года.*

Вид на пожарную вышку.

рудован балкончик для кругового обзора окрестностей.

В 1831 году вышел высочайший манифест о введении обязательного страхования строений от пожара, прежде всего в казенных и заводских поселениях. Российская империя совершенствовала свое страховое законодательство в нормативно-правовых актах 1843, 1845, 1849, 1852 и 1858 годов. Формировалось страховое дело защиты строений от огня в двух видах: обязательное и добровольное. Страхованием занимались как акционерные страховые общества, так и земские. На воротах старых домов пос. Верх-Нейвинский, д. Тарасково и д. Пальники сохранились таблички обществ: «Саламандра», «Россия», «Русское страховое общество», Земское страховое общество Пермской губернии. Существует такая легенда – в случае пожара хозяин должен был отстоять от огня табличку страхового общества, только в этом случае погорелец получал страховую премию. Насколько это соответствует действительности, неизвестно, но таблички сохранились и именно на воротных столбах. Жители поселений активно страховали свою недвижимость как до 1917 года, так и позднее – таблички советского страхования также имеются.

После отмены крепостного права 19 февраля 1861 года роль управляющих уральскими заводами в области противопожарного дела свелась к охране хозяйской собственности. Возросла роль органов местного самоуправления. 1 января 1964 года было издано положение о губернских и уездных земских учреждениях, составленной по указанию императора Александра II. Она коснулась и организации органов местного самоуправления на волостном уровне. В волостях были учреждены чины: волостного старшины, сельского старшины, помощника волостного старшины, земского пожарного старосты и сельского пожарного старосты формируемые министерством внутренних дел. Все волостные земские служащие избирались общим волост-

ным сходом через выборщиков и утверждались уездным съездом с согласия соответствующего ведомства. Обязанности чинов были жестко регламентированы. Так высшим должностным лицом в волости был волостной старшина, в функции которого в области пожарной безопасности входили: распоряжаться в чрезвычайных ситуациях (пожары, наводнения, повальные болезни). Волостным старшиной мог быть мужчина старше 25 лет, избираемый на срок до трех лет. Власть его подтверждалась специальным нагрудным знаком. Знак «Волостной старшина» и другие знаки чинов был высочайше утвержден 19 февраля 1861 года в момент отмены крепостного права. В память этого события на знаках чеканились – вензель императора Александра II и дата «19 февраля 1961 года». На другой стороне располагался герб Пермской губернии под императорской короной и название должности – волостной старшина. Знаки изготавливались на монетном дворе, однако допускалось при их отсутствии чеканить знаки самостоятельно. В подчинении волостного старшины Верх-Нейвинской волости находились сельские старосты д. Тарасково и д. Пальниковой. Они избирались общим сходом деревень из числа наиболее благочинных и верных крестьян не моложе 25 лет. В обязанности старост входили: распоряжаться в чрезвычайных ситуациях (пожары, наводнения, повальные болезни). Для сельских старост был учрежден специальный должностной знак, повторяющий своим изображением знак волостного старшины и отличающийся названием должности – сельский староста. В XX веке волостным старшиной Верх-Нейвинской волости два срока был Вдовин Тарас Иванович. Должности пожарных старост делились – в волости Земского, а в деревнях Сельского. В их обязанности входили: подготовка населения к тушению пожара, наличию во дворах пожарного инструмента, а в летнее время емкостей с водой. Так же старосты должны были обеспечить наличие искусственных пожарных

Чины волостного правления Верх-Нейвинской волости 1910-е годы
Сидят слева-направо: второй Вдовин Тарас Иванович – волостной старшина, Аристов Федор Протасьевич – мировой судья, Лисин Петр Степанович, Янов Александр Семенович – десятский 13-го Земского полицейского участка.
Стоят слева-направо: Титов Иван Прокопьевич – сельский староста, Марков, (?), Перетрухин Семен Григорьевич.

водоемов с подъездами к ним или подъезды к естественным водным источникам. Должностное положение удостоверялось специальными знаками. Земский пожарный староста – знак округлой формы с гербом Пермской губернии, увенчанной императорской короной и надписью «Пермское губернское земство. Пожарный староста», Сельский – знак овальной формы, в верхней части которого расположен герб Пермской губернии и должность «Сельский пожарный староста». Знаки изготавливались на монетном дворе за счет земств, но допускались и изготовленные в частных мастерских. Чаще всего на таких знаках чеканилось только название должности.

В 1897 году Управляющим Верх-Нейвинским заводом назначен Гавриил Александрович Марков. В это время земские власти, выполняя требования министерства внутренних дел, предписывали «...обустроить в Верх-Нейвинском заводе пожарный сарай с каланчей и потребным обозом». Прибыв в поселок и приступив к обязанностям, новый администратор обнаружил, что здание волостного правления требует капитального ремонта. Денег на переустройство не хватало. Тогда Марков Г.А. провел через волостное правление требование рублевого и копеечного сбора (с каждого частного строения собиралось по 1 рублю, а с каждого заработанного рубля жителями поселения по 1 копейке). Сумма была собрана. Здание капитально перестроили, соорудив на крыше резную башенку – каланчу, к зданию была пристроена конюшня, в которой содержался пожарный обоз – повозки на конной тяге с ручными пожарными насосами. В это же время была создана Вольная пожарная дружина Верх-Нейвинского завода, начальником которой стал

Г.А.Марков.

Волостной старшина.

Гаситель.

Десятский.

Земский пожарный староста.

Знак ВПД.

Знак «Гаситель».

Знак «Десной сторож».

Кокарда СПД ПГ.

Знак «Десятский».

Знак ИРПО. *1901 г.*

Знак «Пожарный староста».

Кокарда ВПД.

Саламандра.

Страховое общество Пермской губернии.

Страховое общество.

Пожарный староста.

Бляха ВПД.

Кокарда чинов ИРПО.

Наградной знак.

Пуговица ИРПО.

Русское страховое общество.

Сельский пожарный староста.

Сельский староста.

Сельский староста (об.).

«Россия».

управляющий. На каланче постоянно дежурил вольный пожарный, который при обнаружении пожара бил в колокол, укрепленный на башне, и показывал направление возгорания – днем флагом, а ночью фонарем. Проблемой поселка была его хаотичная постройка. «В Верх-Нейвинском заводе имеется очень много домов, построенных на склонах крутых гор, к которым почти невозможно подъехать, даже в обыкновенном экипаже, о подъезде же с бочкой или с пожарной машиной во время пожара нечего и думать, если бы в одном из таких домов случился пожар, то при всем желании его нельзя было бы потушить иначе, как поднося воду ведрами. При описании домов в Верх-Нейвинском заводе в нынешнем году, произведенном по поручению местной пожарной дружины для выяснения безопасности их в пожарном отношении, оказалось, что из 918 домов при 75 домах совсем не имеется сквозных проездов, что было бы необходимо на случай пожара, но устроить сквозные проезды при них нельзя, т. к. дома эти построены на склоне гор», – докладывал управляющий в Уездную Управу.

В целях профилактики пожаров, в 1900 году Марков Г.А. «склонил население» к посадке деревьев и «способствовал к благоустройству трех благоустроенных прудков», так что Верх-Нейвинский завод был обеспечен в вопросе водоснабжения при тушении пожаров. При содействии управляющего члены пожарной дружины были обеспечены форменной одеждой. Как же выглядел верх-нейвинский пожарный. Рабочий двубортный кафтан с синими петлицами на отложном воротнике с латунными пуговицами с гербом Императорского Российского пожарного общества, фуражка военного образца с кокардой: у рядовых – пожарная каска, наложенная на пожарные топоры, у чинов – та же каска, наложенная на топоры в дубовом венке, увенчанном пожарной короной. Каска бронзовая, утвержденного в1855 году образца с чешуей. Так же носили кожаный ремень с латунной бляхой с надписью «ВПО», а так же знак ВПО с номером члена дружины.

Столкнулся Гавриил Александрович и с лесными пожарами. Для их профилактики и своевременного обнаружения была учреждена

Высочайше утверждено:
8-го Іюня 1901 года

Къ № 20363

РИСУНОКЪ
знаковъ Императорскаго Россійскаго
Пожарнаго Общества

Наградной знак ИРПО.

должность огневщиков. 17 апреля 1899 года он докладывает в Главное правление Верх-Исетских заводов – средний убыток вследствие лесных пожаров в Верх-Нейвинской даче. До устройства вышек он составлял сумму 2 704 р. После установления вышек, в 1899 года леса сгорело на сумму всего 70 р., при этом расход на оплату «огневщиков» составил 1052 рубля, убыток от лесных пожаров сократился в разы. 22 ноября 1900 в докладе Главному управлению – Пожарные вышки устраивались на высоких местах для обозрения местности. На вышках были

Пост на Семи братьях.

установлены телефоны, «так что только огневщики могут всегда при надобности вызвать ту или другую контору, а переговоры с ними из заводских контор возможны только в установленное заранее время». Вышки были установлены на Сухой, Трубной горе, на Семи братьях, на Долгой горе и на Перевале, в д. Тарасковой и д. Таватуй. Конструкция вышек напоминала конструкцию Эйфелевой башни в Париже, состояла из деревянных конструкций, что увеличивало ее высоту и придавало прочности. К посту на вершине Семи братьев вела деревянная лестница из 100 ступеней, ее хорошо видно на цветной открытке начала XX века, изданной в Стокгольме. Лестницу и площадку использовали, как бы сказали сейчас, в туристских целях. Огневщики имели и свою форму, в торжественных случаях носили белую рубаху, подпоясанную красным кушаком, фуражку синего цвета с высокой тульей, на которой был сложный знак-кокарда – восьмиконечная звезда с надписью «Гаситель» и лента с надписью «Трудись для общага блага». Звезду без ленты носили и на простых фуражках. На службе огневщики носили должностной знак – ажурный крест, в центре которого на круглом медальоне надпись «Лесной сторож». В «Журнале Екатеринбургского уездного земского собрания» за 1900–1903 годы находятся сведения, что начальник Верх-Нейвинской вольной дружины Г.А.Марков был включен в список лиц, оказавших особую помощь в деле по охранению населения от пожарных бедствий. Его отметили в Екатеринбургском земском уездном собрании за то, что «он прилагал особенные старания к улучшению пожарных обозов и много заботился в подготовке членов дружин к борьбе с пожарами».

В поселениях Верх-Нейвинской волости были сформированы сельские пожарные дружины. Они не имели формы, но носили на головных уборах кокарды в виде пятиконечной звезды с надписью «СПДПГ» (Сельская пожарная дружина Пермской губернии).

Необходимо отметить работу земской полиции в области противопожарного дела. Так в 90-е годы XIX века в Верх-Нейвинском заводе был сформирован 13-й Земский полицейский участок. Долгое время в нем служил Янов Александр Семенович. Он носил в начале XX века черный двубортный мундир с оранжевыми выпушками. Фуражку с гербом Пермской губернии. Пуговицы латунные. Также положен был должностной знак овальной формы с двуглавым орлом и надписью «Десятский». Однако знак мог быть и без государственного герба просто с надписью «Десятский». Чины земской полиции расследовали дела о поджогах, выявляли поджигателей, следили за топкой печей в жаркое время, за комплектом пожарного оборудования в вольной пожарной дружине.

Противопожарная деятельность имела и свои награды. 8 июня 1901 император Николай II утвердил Устав и рисунки наградного и отличительного знаков Императорского российского пожарного общества. Знаки изготавливались бронзовыми, серебряными, золотыми; носились: отличительный – на левой, наградной – на правой стороне груди. В 1912 году, после смерти почетного председателя ИРПО великого князя Владимира Александровича Романова, рисунок наградного знака ИРПО был изменен – на нем был помещен инициал имени великой княгини Марии Павловны, принявшей на себя обязанности почетного председателя Общества. Знак был золотым, серебряным и бронзовым; носили его на правой стороне груди. Так серебряным знаком был отмечен Марков Г.А. «за заслуги в деятельности Вольной пожарной дружины Верх-Нейвинского завода, будучи ее начальником». Бронзовым знаком отмечен волостной старшина Вдовин Т.И.

Бурный 1917 год смел сложившийся веками имперский уклад российской и уральской жизни. Пришли новые времена, а с ними и новая история пожарного дела... Но это совсем другая история.

Источники:

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания за 1900–1904 гг.

Куликова М.Н. Страхование имущества от огня в России до 1917 года.//Экономика и управление. 2011. № 1.

Лобанов О.Г. Служба дни и ночи. Новоуральск. 2018.

Пожар в Невьянском заводе// Екатеринбургская неделя. 1890, 3 июня. С. 438.

Рябинин Б. Укротители огня. Свердловск. 1979.

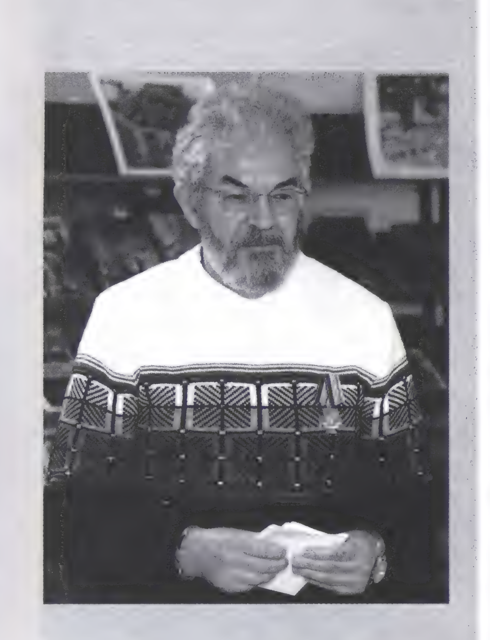
Скипский Г.А. История пожарной охраны. Екатеринбург. 2006.

Щербина Д.Е. Верх-Нейвинские староверы. Верхний Тагил. Уральское провинциальное издательство. 2017.

ГАСО ф. 18, оп. 1, д. 587.

ГАСО ф. 72, оп. 1, д. 4629.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЕЛА КОШАЙ И СОЛЯНОЙ ПРОМЫСЕЛ НА РЕЧКЕ НЕГЛЕ

Михаил БЕССОНОВ

Историк-архивист, окончил исторический факультет УрГУ им. А.М.Горького (1985 г.), член-учредитель Уральского историко-родословного общества (УИРО). Автор более 210 публикаций по истории севера Верхотурского уезда, генеалогии, биографике. Награжден медалями Российской Генеалогической Федерации I-й и II-й степени. Живет в г. Екатеринбурге.

Известно, что первым русским поселением на Северном Урале был Лозьвинский городок, стоявший при впадении реки Ивдель в Лозьву. Лозьвинский городок был перевалочной базой на пути в Сибирь. Отсюда весной водным путем отправлялись хлеб, соль, боеприпасы в сибирские города, в том числе и в Пелым.

После того как в 1598 г. Лозьвинский городок был ликвидирован, Пелым остался в стороне от транспортного пути. Припасы стали доставлять зимой из Верхотурья, по замерзшей р. Ляле, на Сосьву. Так в грамоте царя Бориса Годунова верхотурскому голове Салманову от 15 декабря 1600 г. говорится: «...И велел бы еси запасы на Верхотурье и на Ляле до весны покласти в анбары ж и укрыти велел гораздо, чтоб их сверху и с ысподу не подмочило, и истери никоторые не было. Да с ялинскими ж запасы послал бы еси для судовово дела плотников человек пяти, или шти, или сколько человек будет пригоже, как мочно, под те наши пелымские хлебные запасы на реке на Ляле. К весне суды поделать и им сконопатить и приготовить совсем. А для бережения к тем хлебным запасом послали б еси из Верхотурских стрельцов человек пяти, или шти, или сколько будет пригож, и велел им у тех запасов жить безотступно». Хлебные и другие припасы перевозили возчики из поморских городов. В царской грамоте от 7 декабря 1600 г. написано: «...в прошлой деи в 107 году... с Верхотурья деи их вы послали вятцких же подвод с нашим же запасом сто дватцать подвод на реку на Сосьву, на Кошайское устье...» 107-й год – это зима 1598–1599 г. Выходит уже в это время было название «Кошайское устье» (В другом документе фигурирует «Устье – Ляли реки». Возможно, это одно и то же место – прим. М.Б.). Откуда же взялось это название? В отписке тобольского воеводы Семена Сабурова пелымскому воеводе Тихону Траханиотову, составленной не позже 22 октября 1600 г., сообщается: «...тобольский пушкарь Ворошилко Власьев у сосвинского вагулятина у Кошая на речке на Нагре (Негле – прим. М.Б.) сыскал соляной росол...» Оказывается, в этих местах жил вогул Кошай. Поэтому и название такое. Все просто и ясно.

А незадолго до этого пелымский стрелец Васька Осетр нашел соляной рассол на речке Покчинке, в 10 верстах от Пелыма. И тобольский воевода Сабуров послал туда Ворошилку Власьева и велел: «...есте им в той речке соляные воды и ключа соляного сыскивать; да будет воду соляную найдут и варница будет поставить мочно...» Почему не стали на Покчинке разрабатывать соляной промысел, история пока умалчивает, только Ворошилка оказался на Негле. С ним приехали ренной мастер Васька Петров и «соляной варец» Павлик Аврамов. Исследовав новое место, Ворошилка сообщил: «...что в той речке ключи соляные и росол добр и соли наварить мочно, а где варницам быть, и к тому де месту лесу много и близко, и дубровы де пашенные и луги есть, и людям де жить мочно...» Из Пелыма были посланы стрельцы, пашенные крестьяне, плотники, кузнец и вогулы, которые под руководством пелымского сына боярского Василия Албычева

Соляная варница.

должны были расчистить место и «...варницу, да амбар на соль, да двор, да на дворе две избы да клеть поставить, и дров к соляному варенью приготовить, и уголья ужечь, чтоб ни за чем соляное варенье не стало...» Ворошилка, указав место, где должны находиться постройки, уехал на Чусовую за трубным мастером, подварками и трубными снастями. Для пропитания ему было выделено из «государева запасу 2 чети муки да 3 четверика малых круп, 3 четверика малых толокна, да цренному мастеру, да варцу по 2 чети муки да по полуосьмине круп, по полуосьмине толокна». Кроме того из Тобольска были посланы «на соляной црен 800 полиц железных да цренные снасти: 10 порубней, да 2 каракули, да 4 сторожницы, да 12 бродов, да 46 дуг, да 5 обломков дужных, да 47 ножек, да конопатник, да гвоздей и нагвоздников 20 пуд и 28 гривенок, да 556 криц железа, а весу в порубнях и в каракулях, и в сторожницах, и в бродех, и в дугах, и в ногах, и в конопатнике, и в гвоздье, и в нагвоздниках, и в крицах, опричь полиц, 175 пуд да укладу 7 пуд».

Но не всё оказалось так просто. Тихон Траханиотов сообщает Сабурову: «...вагуличи в Махтыевых юртах и в иных юртах сына боярского не послушали и его били, и стрельцов хотели перестрелять, а к соляному делу не пошли; а Ворошилко... писал, что варничново леса добыть не мочно, лес поудалел и мерзл...» Для устройства соляного промысла нужны были дополнительные силы, а так как он находился на территории Верхотурского уезда, то в грамоте от 20 декабря 1600 г. царь Борис Годунов велит верхотурскому голове Салманову к «пелымским служивым людем вприбавку» послать верхотурских стрельцов и казаков, или нанять из местных и «гулящих» людей. «А пашенных людей и вогулич к соляному промыслу не посылать, чтоб их тем не ожесточить. А однолично б у тебя соляной промысел затем не стал, и на сей б зиме соли наварити на розход на все сибирские городы». Соль в это время имела огромное государственное значение, так как ее приходилось везти в Сибирь из Европейской части. Это позднее будет найдено соляное озеро Ямыш, куда ежегодно будут посылаться за солью служилые люди из всех сибирских городов. Вот почему такое внимание уделял Борис Годунов развитию соляного промысла на Негле. Он постоянно указывал верхотурской администрации: «А что будет надобеть Ворошилку и трубному и цренному мастеру для соляново промыслу, казаки или лошади, без чево соляному промыслу быти нельзя, и вы б к ним с Верхотурья казаков гулящих посылали, наняв помесячно или

годовых, и лошадей, купив, к ним послали, чтоб у них за тем соляной промысел не стал... А одноличнo бы есте велели Ворошилку соляной росол по речкам сыскивати и проведывати, и вогулич про соляную воду роспрашивати, чтоб росол найти лутче прежнево, и соль завести варити, чтоб одноличнo вперед в Сибирские городы с Руси соли не посылати...»

28 марта 1601 г. Ворошилка вернулся с Чусовой и «трубы гнел, и, росолу сыскивал, и садил четыре трубы; и в 110-м (1601–1602 г. – прим. М.Б.) году велено ему соль варити, и он варницу поставил, и црен и ларь, в чем росол держать, и всякий варничный обиход заделал, и уварил он с майя с 27-го числа июля по 3 день 387 пуд (в другом месте сказано, что с 15 апреля по 8 июля было сварено 313 пудов соли – прим. М.Б.)». Всего к осени 1602 г. на развитие промысла было израсходовано 64 рубля 14 алтын 2 деньги, муки 102 чети с осьминою, круп 12 четей с четвериком, толокна 16 четей. Но Ворошилка жалуется, что дров нет, так как нет дровосеков и всего один дрововоз, а на год надо 1200 сажен дров. И царь делает внушение верхотурскому голове Новосильцову: «И ты Угрим делаешь не гораздо, что о нашем о соляном деле не радеешь и досматривати соляного промыслу не ездишь... А как посошные люди с городов на Верхотурье с хлебными запасы придут и к судовому делу лес вывезут, и вы б их послали... на речку на Неглу, а велели им для нашего соляного дела вывезти дров, сколько будет надобе, чтоб во весь год стало дров для соляного дела...»

И хотя вогулы по царской грамоте были освобождены от работ на соляном промысле, «чтоб их тем не ожесточить», но воинственные соседи все-таки иногда доставляли беспокойство обитателям Кошая. Так осенью 1604 г. сосьвинские вогулы Алпаутко и Тютрюм с товарищами намеривались сжечь промысел, а Ворошилку с «деловыми» людьми побить. Это вынудило верхотурскую администрацию послать на Неглу «для бережения стрельцов 10-ть человек, десятника Матюшу Соловья с товарищи, с вогненным боем...» Но не только это беспокоило соловаров. В том же году «црен в варнице сгорел, и росол из него течет, и в том ставится... государеву соляному промыслу убыточно, и соли садится старого меньше. А поличного железа... на Верхотурье и на Негле нет, црена поделать нечем...» А через год, осенью 1605 г., верхотурским казакам и стрельцам было велено вывезти всё с Кошая «и они де великими нужами с Верхотурья на Неглу по соль и по всякую цренную снасть ездили по двожды...»

Этим и заканчивается история соляного промысла на речке Негле. Приходится только сожалеть, что историки до сих пор почему-то не уделили должного внимания этому факту. История соляного промысла на Кошае практически не отражена в литературе. А ведь это первый промысел на восточной стороне Урала, предвестник промышленного развития Свердловской области.

А что же с Кошаем? Какова судьба Ворошилки Власьева? В документе за 1600 г. написано: «Да поехал Ворошилко из Тобольска на Пелым, а взял с собою детей, и вы б детем его велели дать пожить дворец, покаместа Ворошилко у варницы устроится». Последний раз его имя упоминается в документе за 1609 г. «писал на Верхотурье с Кошая Ворошилко Власьев апреля в 1 день». Сын Ворошилки, Василий, 5 января 1603 г. привез в Верхотурье царскую грамоту. В писцовой книге Верхотурского уезда М.Тюхина 1624 г. на Кошае записана дер. Дорошки (по всей видимости, Ворошки), в которой было два двора посадских людей – Васьки Ворошилова и Ивашки Турыты. Здесь же, на Кошае, находилась и деревня стрельца Тимошки Ворошилова. В 1680 г. по переписи Л.Поскочина на речке Негле было две деревни: Кошайская с двумя стрелецкими дворами и Ворошилова с одним двором посадского человека. Ко времени проведения первой ревизии, в 1719–1721 гг., обе деревни объединились в Кошайский погост (т.е. здесь появилась церковь – прим. М.Б.) с 10 дворами казаков, солдат и посадских людей Ворошиловых.

Таким образом тобольский пушкарь Ворошилка Власьев, приехавший на Кошай в 1600 г., стал родоначальником многочисленного рода Ворошиловых, проживающих и поныне в Сосьвинском городском округе, в том числе и в Кошае.

Выварка соли.

ЗДАНИЕ ОБРЕТАЕТ ИМЯ АРХИТЕКТОРА

Надежда ЗАЙЦЕВА

Музей Нижнетагильского горно-металлургического колледжа имени Е.А. и М.Е. Черепановых. Живет в г. Нижнем Тагиле.

Красивое здание кирпичной кладки в зеленом обрамлении сквера в центральной части культурно-исторического ландшафта города Нижний Тагил, обретает, наконец, имя автора.

Речь идет о здании Нижнетагильского горно-металлургического колледжа имени Е.А. и М.Е. Черепановых, которое находится под охраной государства в статусе памятника истории и культуры регионального значения с 1986 г. как «Здание горно-металлургического техникума, построенное в стиле казенной административной архитектуры», подчеркну – без имени архитектора. Первоначально оно строилось для реального училища. Точная дата строительства и автор проекта оставались загадкой. В 1922 году здание было передано Нижнетагильскому горнозаводскому училищу, в дальнейшем – Нижнетагильскому горно-металлургическому колледжу имени Е.А. и М.Е. Черепановых. Поскольку преемника реального училища в городе исторически не сложилось, то и историей его всерьез никто не занимался. Помог случай. Работая с письменными источниками музея-заповедника «Горнозаводской Урал», автор статьи решила ознакомиться с комплексом документов П.Ф.Огаркова, нижнетагильского педагога кон. XIX – нач. XX вв.

Интересна история поступления этого комплекса в Нижнетагильский музей-заповедник. В 2001 году пришло письмо от жителя города Ельца В.А.Заусайлова, в котором автор писал, что располагает материалами известной тагильской семьи Огарковых. В этом же году главный хранитель О.В.Халяева, находясь в командировке в Москве, заехала и в Елец, встретилась с Владимиром Александровичем. Комплекс представлял несомненную ценность, поэтому было принято решение о передаче его в музей-заповедник.

Главный корпус Нижнетагильского горно-металлургического колледжа имени Е.А. и М.Е. Черепановых. *Фото автора. 2021 г.*

Петр Фотиевич Огарков.
Город Нижний Тагил.
Фото А.А.Шестаковой, 1909 г.

Петр Фотиевич Огарков в течение 22 лет занимал должность Инспектора городского, затем высшего начального училища. Он был активным участником общественной жизни: членом Попечительного Совета учебных заведений Нижне-Тагильского горного округа; секретарем Благотворительного общества; членом-учредителем Общества «вспомоществования» нуждающимся учащимся Нижне-Тагильских заводских училищ, его казначеем и секретарем. Избирался Почетным мировым судьей. Кроме того преподавал в Нижне-Тагильском горнозаводском училище.

Среди поздравительных обращений и телеграмм, адресованных юбиляру П.Ф.Огракову (1916), найден уникальный документ – приветственная речь по случаю новоселья Реального училища (1913), составленная Петром Фотиевичем на 6-ти листах. Речь представляет собой подробную мотивированную историю открытия реального училища в Нижнем Тагиле. Идея его создания витала в тагильском обществе давно: существующие учебные заведения не могли вместить всех желающих. Необходимость отправлять детей для получения среднего образования на сторону требовала значительных средств, а главное, «лишало ребнка благодательного внимания родной среды в ту пору его жизни, когда он особенно нуждается в разумном руководстве и наблюдении близких ему людей». При этом, получить среднее образование удавалось немногим счастливцам: гимназии и реальные училища Перми и Екатеринбурга были переполнены. Группа заинтересованных лиц на частном совещании в марте 1907 года высказалась за необходимость открытия в Нижнем Тагиле среднего мужского учебного заведения. Так, 20 сентября 1907 г. было организовано новое просветительское учреждение с особым уставом «Общество для основания Реального училища в Нижнем Тагиле», а также Правление Общества. В его состав вошли тагильские педагоги и заинтересованные представители местного купечества. Председателем Правления избрали инспектора Нижне-Тагильского горнозаводского училища Николая Ивановича Кларка. Правление ставило перед собой три трудные задачи:

1 – открытие училища;

2 – преобразование его в Правительственное;

3 – постройка здания для училища.

Не все задачи одинаково скоро решались. Кризис отсутствия средств сопровождал Правление общества в течение всего времени. Как сказал в приветственной речи секретарь Правления общества П.Ф.Огарков: «В нынешний день завершается дело, потребовавшее шестилетних упорных трудов, хлопот, больших денежных средств, – дело, чинившее его пестунам немало огорчений, а подчас и горьких разочарований...»

Полагаясь на обещанное казенное ассигнование с 1 января 1909 г., Общество смело решилось на открытие с 14 сентября 1907 г. реального училища в качестве частного учебного заведения, не имея ни копейки средств. Содержалось училище исключительно на местные пожертвования и платы за обучение. Поневоле директор училища, а это был Н.И.Кларк, должен был экономить на всем. Не раз, в трудные минуты, когда казалось, нет выхода, раздавались призывные слова: «Повторим, надо двигать дело, господа!» И «повторяли», и дело действительно двигалось. Опустим все чаяния учредителей, обещанное ассигнование было назначено только с 1 июля 1912 года.

Оставалась главная задача – постройка здания, для чего была создана строительная комиссия, которая должна была определить архитектора и утвердить проект. Первые два проекта здания не удовлетворили комиссию. Выбор пал на проект архитектора И.Л.Фальковского. Большинство известных в наши дни проектов Фальковского, а их немного, тяготеет к рационалистическому направлению в архитектуре. При этом наблюдается четко выраженная взаимосвязь между обликом здания и его функцией. Такие постройки более устойчивы к уральскому климату и относительно недороги. Проект, в стиле казенной административной архитектуры, иначе «кирпичный стиль», был более подходящим для здания учебного заведения. В то же время, «кирпичный стиль» можно назвать изысканным – декоративное значение приобретала сама кирпичная кладка. С помощью кирпича и фигурной кладки создавались элементы декора. Можно смело утверждать, Правление общества сделало удачный выбор.

В доступных источниках удалось найти сведения о И.Л.Фальковском. Иосиф Львович, сын польского потомственного дворянина родился в 1851 г., получил образование в Николаевском военно-инженерном учили-

Иосиф Львович Фальковский.

Жилой дом усадьбы И.Л.Фальковского. *Город Свердловск. Фото Н.Ю.Боченина, 1989 г.*

Фрагмент фасада жилого дома усадьбы И.Л.Фальковского.
Город Свердловск. Фото Н.Ю.Боченина, 1989 г.

ще. Служил в Казанском военном округе. В начале 1880-х годов он был переведен в Екатеринбург на должность производителя работ и заведующего воинскими зданиями при управлении уездного воинского начальника. Инженер-поручик Фальковский приобрел земельный участок (ныне ул. Красноармейская, 18) и по собственному проекту при участии академика архитектуры Ю.О.Дютеля в 1890 г. построил усадьбу. На ее территории разместился 2-этажный жилой дом, каменные службы, деревянная баня, территорию ограждала ограда фигурной кладки. Почти половину участка занимал сад. В саду на куполе сооруженного погреба-ледника стояла беседка, соединенная перекидным мостиком с комнатами второго этажа. Усадебный дом – образец профессионального зодчества, имел открытую кирпичную кладку из лицевого и фигурного кирпича. Центральную ось главного фасада подчеркивало положение большого декоративного фронтона, акцентированы окна, междуэтажный пояс и карниз. Симпатичный особняк из красного кирпича и оригинальная деревянная беседка в китайском стиле привлекали внимание горожан.

Военная служба не обременяла Фальковского, оставляя немало свободного времени для занятий бизнесом и общественной деятельностью. В 1894 г. он вышел в отставку в звании инженера-подполковника. Как архитектор И.Л.Фальковский регулярно получал заказы от частных лиц и государственных учреждений. Так, газета «Екатеринбургская

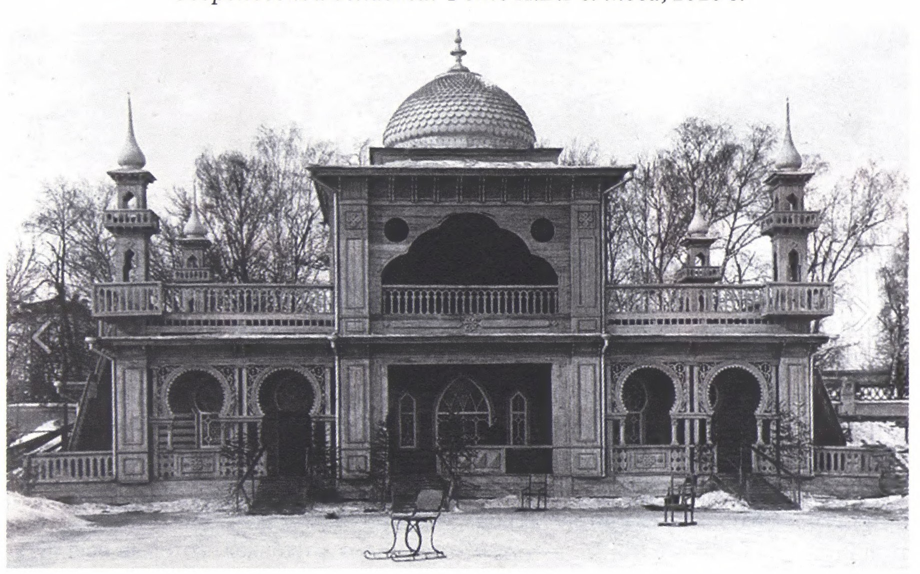
неделя» писала в октябре 1895 года о здании екатеринбургской конторы Государственного банка: – «...изящно в архитектурном отношении и делает честь его строителю г. Фальковскому». По проекту И.Л.Фальковского в 1896 г. построено здание екатеринбургского филиала «Русского общества торговли аптекарскими товарами». В 1896–1898 годах Иосиф Львович занимался строительством храма в селе Конёво Екатеринбургского уезда и перестройкой каменного двухэтажного дома Главного начальника Уральских горных заводов И.П.Иванова. Архитектор Фальковский принимал участие в сооружении детской больницы при екатеринбургской общине сестер милосердия общества Красного Креста, занимался перестройкой епархиального училища. По его проекту сооружен павильон Общества велосипедистов-любителей. Ряд зданий в Екатеринбурге, построенных в «кирпичном стиле» и имеющих сходство с его собственным домом, указывают на возможное участие И.Л.Фальковского в проектировании и строительстве этих домов.

Фальковский сочувственно относился к вопросам народного образования. Он был действительным членом Общества попечения о начальном образовании в Екатеринбурге и его уезде, а также членом Общества «вспомоществования» недостаточным ученикам мужской гимназии, реального училища, 2-й женской гимназии, студентам высших учебных заведений. Иосиф Львович немало потрудился на ниве благотворительности. Возможно, и это обстоятельство сыграло при выборе проекта здания реального училища.

В 1894 году Иосиф Львович был избран гласным Екатеринбургской городской думы и зарекомендовал себя как энергичный общественный деятель. В мае 1905 года Иосиф Фальковский был награжден серебряным знаком Императорского российского Общества спасания на водах за сотрудничество с местной организацией. Его деятельность в качестве Почетного мирового судьи по Екатеринбургскому уезду была отмечена в январе 1917 года орденом святого Станислава 2-й степени.

Храм Георгия Победоносца. *Село Конёво Невьянского района Свердловской области. Фото А.В.Рычкова, 2020 г.*

Открытка. Гимназическая набережная.
Павильон общества велосипедистов и любителей физического развития.
Город Екатеринбург. Фото Н.Н.Введенского, начало XX в.

Иосифа Львовича Фальковского постигла участь большинства известных екатеринбуржцев. Летом 1919 года Фальковский с семьей, застигнутый лихолетьем Гражданской войны, покинул Екатеринбург. Дальнейшая его судьба неизвестна. Усадьба Фальковского, являющаяся архитектурной достопримечательностью Екатеринбурга, несмотря на протесты горожан, окончательно снесена в начале 2000-х гг.

Но вернемся в Нижний Тагил, к строительству здания реального училища. Летом 1909 г., точнее 14 июня, был положен первый камень будущего здания. Об этом событии говорит фотография, зафиксировавшая торжественный молебен по случаю закладки его фундамента. Дело шло очень трудно изза нехватки средств. Временами казалось, что не хватает ни сил, ни энергии закончить начатое. По инициативе строительной комиссии члены Правления сами занялись обжигом кирпичей, которых требовалось более 1 млн штук...

Молебен по случаю закладки фундамента здания реального училища.
Город Нижний Тагил. Фото А.А.Шестаковой, 1909 г.

Общество сэкономило на этой операции не менее 10 тыс. руб. По первоначальному проекту здание рассчитывалось на 13 классов: 7 основных, 4 параллельных и 2 для коммерческого отделения, всего на 510 учащихся. Но вследствие недостаточности средств, Общество признало возможным ограничиться только той частью здания, которая удовлетворила бы необходимую потребность училища, и решило постройку закончить. Таким образом, здание реального училища осталось однокрылым. Левое крыло здания достроено в годы Великой Отечественной войны и сдано в эксплуатацию в 1946 году.

В знаменательный день 1 октября 1913 г. здание реального училища было торжественно открыто. В речи секретаря Правления прозвучали такие слова напутствия ученикам: «Пусть в юных ваших сердцах, будущих граждан нашей великой Родины, зреют семена разумного, доброго, вечного...»

Учредителям «Общества для основания Реального училища в Нижнем Тагиле», продемонстрировавшим редкий пример общественности и идейного служения делу, было сказано «большое русское спасибо». Тем, кто не дожил до открытия здания реального училища, адресованы переложенные Огарковым «Воспоминания» В.А.Жуковского другу А.С.Пушкину:

«О милых спутниках, которые наш путь
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: ИХ НЕТ,
Но с благодарностию — БЫЛИ!»

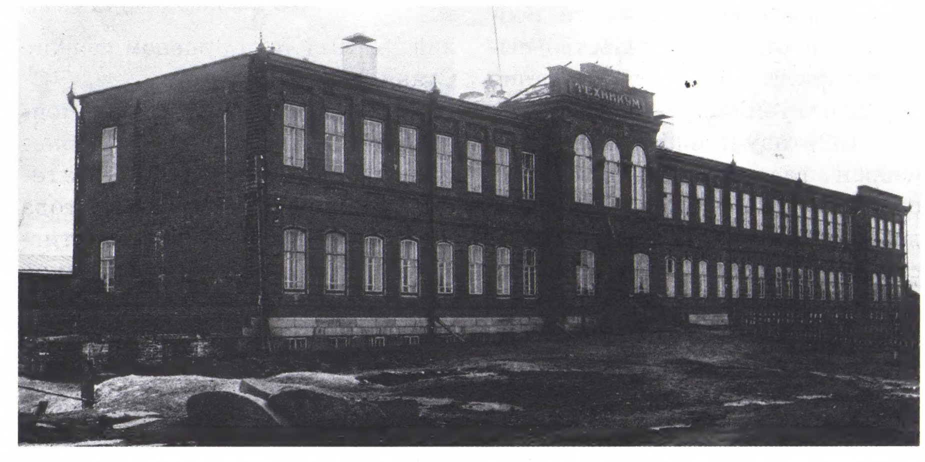
Использованная литература и источники:

Микитюк В.П. Фальковский Иосиф Львович. Екатеринбург: Энциклопедия / гл. ред. В.В.Маслаков. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – 728 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ihist.uran.ru/2002Yek

Нижнетагильский государственный исторический архив: Ф. 594. Оп. 1. Д. 83.

Письменные источники Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» / ТМ-23744.

Фотоархив музея Нижнетагильского горно-металлургического колледжа имени Е.А. и М.Е. Черепановых.

Здание Нижнетагильского горно-металлургического техникума, до 1922 г. бывшего реального училища. *Нижнетагильский государственный исторический архив. Ф. 594. Оп. 1. Д. 83. 1940 г.*

С.Кислицкий «Осенний Урал». *2019 год.*

